

К. Ломунов

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ









К. Ломунов

**МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ
ДЕРМОНТОВ**



Москва

«Детская литература»

1980

Смерть

Расскажи мне о смерти человека
Событиями его
У каменного в Мемфисе (*)
Твоей великой саркофага.
"Берегись! смелые каменщики
Соборы и храмы
Носились восточной
Их в догору, спав!
Все на конюшню Деметры и ее
Но уснувшие его;
Во сне был тотчас же
Загнанный монах;
И кинувши конюшню
Во каменную саркофага,
Давидов и его и его,
Судились саркофага и его.
"Уже проходила каменница
Кругом и его
Его поселил и его
Да и его - его.
Молодые! и его и его
Молодые! и его и его
Берегись! и его и его
"и его и его!"

(*) Мемфис — Египет

К. Ломунов

**МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ
ЦЕРМОНТОВ**

Очерк
жизни и творчества



Москва
«Детская литература»

1989

ББК 83.3Р1
Л75

ОФОРМЛЕНИЕ Г. ОРДЫНСКОГО

*Рецензент БАБАЕВ Э. Г.,
кандидат филологических наук*

Ломунов К. Н.

Л75 М. Ю. Лермонтов: Очерки жизни и творчества. —
М.: Дет. лит., 1989. — 176 с.: фотоил.
ISBN 5—08—000930—6

Книга основана на воспоминаниях современников М. Ю. Лермонтова, письмах и других документальных материалах.

Л $\frac{4803010101-478}{M101(03)-89}$ 009—89

ББК 83.3Р1

ISBN 5—08—000930—6

© Ломунов К. Н., 1989

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Р

ождение М. Ю. Лермонтова.—
Его воспоминания о рано умершей матери и тяжелой
судьбе отца.— Жизнь в Тарханах, имении Е. А. Ар-
сеньевой — бабушки Лермонтова.— Первые его
друзья.— Первые поездки с бабушкой на Кавказ.—
Первые стихи.— Современники юного поэта о его
разносторонней одаренности.— Первые учителя и во-
спитатели.— Сопоставление детства и отрочества
Лермонтова и Льва Толстого.— Современники о
внешнем облике юного Лермонтова и его характере.



Михаил Юрьевич Лермонтов родился 15 октября (нового стиля) 1814 года в Москве. И хотя дом, где произошло это событие, не сохранился, место рождения великого поэта знает каждый москвич, и его легко находят все, кто посещает нашу столицу, кто любит Лермонтова.

Нужно только приехать на Лермонтовскую площадь¹ и подойти к высотному зданию, на стене которого — памятная доска, извещающая, что «на этом месте находился дом, где 3(15) октября 1814 года родился великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов». Чуть повыше доски — небольшой портрет поэта, в ближнем сквере — памятник Лермонтову: на середине гранитной площадки бронзовая пятиметровая фигура на постаменте².

При входе на площадку на стеле читаем лермонтовские строки:

*Москва, Москва!.. люблю тебя как сын,
Как русский,— сильно, пламенно и нежно!*³

Есть немало других признаний поэта в сыновней любви к городу, где он родился, где прошли его ученические и студенческие годы, куда он не раз приезжал в пору военной службы, где жило немало его друзей...

¹ До 1941 года она называлась площадью Красных ворот.

² Памятник установлен в 1965 году; выполнен скульптором И. Д. Бродским.

³ Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6-ти т. М., Изд-во АН СССР, 1955, т. 4, с. 43. Далее цитаты из произведений и писем поэта приводятся по этому изданию без указания тома и страницы.

Лермонтовские места в Москве и Подмоскowie, как и в других городах и уголках нашей страны,— это не только дань благодарной памяти великому сыну Родины, а и ценнейшие источники, питающие «Летопись жизни и творчества» поэта, которую сообща создают ученые-лермонтоведы, научные сотрудники лермонтовских музеев, а также их добровольные помощники, истинные почитатели гениального «сына Москвы».

Но вернемся к нашему рассказу о жизни Лермонтова. Он рано осиротел: его мать умерла, когда будущему поэту шел третий год. Воспитательницей Лермонтова стала его бабушка — Елизавета Алексеевна Арсеньева. В ее имении Тарханы (ныне село Лермонтово, Блинского района, Пензенской области) прошли детские годы поэта. Они были омрачены тяжелой семейной распрей между бабушкой и отцом поэта — небогатым армейским капитаном в отставке Юрием Петровичем Лермонтовым. Е. А. Арсеньева завещала состояние внуку при условии, если он останется жить у нее до совершеннолетия, а отец не будет вмешиваться в дела воспитания своего сына.

Юрий Петрович вынужден был согласиться на это требование и после кончины жены, Марии Михайловны, уехал из Тархан в свое родовое имение Кропотово (Ефремовского уезда, Тульской губернии). В 1827 году юный Лермонтов приезжал к отцу в Кропотово, а затем, живя в Москве, виделся с ним крайне редко.

1 октября 1831 года Юрий Петрович умер в возрасте сорока четырех лет. Первый биограф Лермонтова, П. А. Висковатый, говорит об этой смерти: «Что сразило его — болезнь или нравственное страдание? Может быть, и то, и другое; может быть, только болезнь»¹.

Невозможность личного общения отец и сын Лермонтовы старались возместить перепиской. Но, к сожалению, она до нас не дошла. Сохранилось лишь завещание Юрия Петровича, в котором он писал сыну: «...ты одарен способностями ума,— не пренебрегай ими и всего более страшись употреблять оные на что-либо вредное или бесполезное: это талант, в котором ты должен будешь некогда дать отчет богу!.. Ты имеешь, любезнейший сын мой, доброе сердце... Благодарю тебя, бесценный друг мой,

¹ Висковатый П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891, с. 69. (Далее в списках на это издание пишется: Висковатый П. А. и указывается страница.)

за любовь твою ко мне и нежное твое ко мне внимание...»

Лермонтов дарил отцу свои рисунки и картины и посвятил его памяти несколько стихотворений.

По этим юношеским стихотворениям Лермонтова, и в особенности по ранним его пьесам, легко увидеть, сколько душевных мучений принесла ему семейная драма.

Студент Юрий Волин, герой лермонтовской трагедии «Люди и страсти» (1830), говорит о себе: «Я здесь как добыча, раздираемая двумя победителями, и каждый хочет обладать ею». Он признается другу: «...ты знаешь, что у моей бабки, моей воспитательницы, — жестокая распря с отцом моим, и это все на меня упадет».

В год смерти отца Лермонтов написал о себе и своих родителях горькие строки в автографе стихотворения «Пусть я кого-нибудь люблю»:

*Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя по конец.
В слезах угасла мать моя.
От них остался только я...²*

Лермонтов не мог помнить рано умершей матери³, но ему казалось, что в нем живет воспоминание об ее голосе. «Когда я был трех лет, — записал он в 1830 году, — то была песня, от которой я плакал... Ее певала мне покойная мать».

Со слов тарханских старожиллов первый биограф поэта писал о его матери: «Мария Михайловна была одарена душою музыкальною. Посадив ребенка своего себе на колени, она заигрывалась на фортепьяно, а он, прильнув к ней головкой, сидел неподвижно, звуки как бы потрясали его младенческую душу, и слезы катились по его личику. Мать передала ему необычайную нервность свою»⁴.

В стихотворении «Кавказ» (1830) Лермонтов посвятил матери строфу:

¹ Щеголев П. Е. Книга о Лермонтове, в. I, Л., 1929, с. 66.

² Эта строфа, как и первая, вместе с названием «Стансы» были опущены при первой публикации стихотворения (Соч. под ред. П. А. Ефремова, т. 2, СПб., 1880, с. 253.).

³ «Житие ей было 21 год, 11 месяцев и 7 дней» — гласила надпись на памятнике матери поэта, похороненной в Тарханах.

⁴ Висковатый П. А., с. 15.

*В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.*

Люди, знавшие Лермонтова в его отроческие и юношеские годы, заметили, что он никогда не говорил о своих родителях, об их взаимоотношениях, о том, кто разлучил его с отцом. Как пишет А. З. Зиновьев, готовивший 12-летнего Лермонтова к поступлению в Благородный пансион при Московском университете, «Миша не понимал противоборства между бабушкой и отцом...»¹.

Но это «противоборство» рано заставило его задуматься о сложности людских отношений, о тяжелой судьбе близкого, но гонимого человека, каким он видел своего отца...

Описывая в стихотворении «Эпитафия» (1832) похороны отца, Лермонтов так говорит о его и своей участи:

*Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведаль...
Но понимаем был одним.*

В отце и в самом себе юный поэт увидел «две жертвы жребия земного». Как будет показано дальше, этот рано возникший в лермонтовской поэзии мотив жертвенности уже в ранних стихах поэта обрел разнообразное и сильное звучание.

Если в «Эпитафии» прозвучал скрытый упрек умершему отцу («...счастья не дал»), то в написанном годом раньше стихотворении «Ужасная судьба отца и сына» Лермонтов подчеркивал мысль о том, что отца судили бесчестные и безжалостные люди:

*Не мне судить, виновен ты или нет;
Ты светом осужден. Но что такое свет?*

На резко и прямо поставленный вопрос он дает столь же резкий и прямой ответ:

*Толпа людей, то злых, то благосклонных,
Собрание похвал незаслуженных
И столько же насмешливых клевет.*

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972, с. 73.

Заметим, что эта характеристика «светских людей» получит развитие и углубление во многих последующих произведениях Лермонтова — в его поэзии, прозе и драматургии.

Отец Лермонтова знал о разносторонней одаренности сына и гордился им. А. З. Зиновьев, преподаватель Московского университетского пансиона, писал о Лермонтове-пансионере: «Как теперь смотрю я на милого моего питомца, отличившегося на пансионском акте, кажется, 1829 года. Среди блестящего собрания он прекрасно произнес стихи Жуковского к Морю и заслужил громкие рукоплескания. Он и прекрасно рисовал, любил фехтование, верховую езду, танцы, и ничего в нем не было неуклюжего: это был коренастый юноша, обещавший сильного и крепкого мужа в зрелых летах»¹

Воспитатель Лермонтова, перечисляя его разносторонние способности, не отметил музыкальную одаренность своего ученика. П. А. Висковатый пишет, что Лермонтов «хорошо играл на скрипке и фортепиано»², а также с самых ранних лет увлекался шахматами.

Лермонтов рано столкнулся с неправдой, злобой, завистью, тщеславием, хитростью, подлостью и многими проявлениями других людских пороков.

Словно бы откликаясь на письмо отца, завещавшего ему беречь свой талант, Лермонтов говорит в стихотворении 1831 года «Унылый колокола звон»:

*Я чувствую — судьба не умертвит
Во мне возросший деятельный гений;
Но что его на свете сохранит
От хитрой клеветы, от скучных наслаждений,
От истощительных страстей,
От языка ласкателей развратных
И от желаний, непонятных
Умам посредственных людей?*

Рано потеряв родителей, Лермонтов нашел в бабушке человека, ему одному посвятившего всю свою жизнь. По свидетельству близкого лермонтовского друга, Святослава Афанасьевича Раевского, Е. А. Арсеньева баловала внука как только могла. «Елизавета Алексеевна, — пишет первый биограф поэта, — так любила своего внука, что для

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 74.

² Висковатый П. А., с. 40.

него не жалела ничего, ни в чем ему не отказывала. Все ходило кругом да около Миши. Все должны были угождать ему, забавлять его. Зимой устраивалась гора, на ней катали Михаила Юрьевича, и вся дворня, собравшись, потешала его. Святками каждый вечер приходили в барские покои ряженные из дворовых, плясали, пели, играли, кто во что горазд. При каждом появлении нового лица Михаил Юрьевич бежал к Елизавете Алексеевне в смежную комнату и говорил: «Бабушка, вот еще один такой пришел!» — и ребенок делал ему посылное описание. Все, которые рядились и потешали Михаила Юрьевича, на время святок освобождались от урочной работы.

Праздники встречались с большими приготовлениями, по старинному обычаю. К пасхе заготавливались крашеные яйца в громадном количестве. Начиная с светлого воскресенья, зал наполнялся девушками, приходившими катать яйца. Михаил Юрьевич все проигрывал, но лишь только удавалось выиграть яйцо, то с большою радостью бежал к Елизавете Алексеевне и кричал:

— Бабушка, я выиграл!

— Ну, слава богу, — отвечала Елизавета Алексеевна. — Бери корзинку яиц и играй еще.

«Уж так веселились, — рассказывают тарханские старушки, — так играли, что и передать нельзя. Как только она, царство ей небесное, Елизавета Алексеевна-то, шум такой выносила».

А летом опять свои удовольствия. На троицу и семик ходили в лес со всею дворней, и Михаил Юрьевич впереди всех. Поварам работы было страсть — на всех закуску готовили, всем угощение было».

Бабушка в это время сидела у окна гостиной комнаты и глядела на дорогу в лес и длинную просеку, по которой шел ее баловень, окруженный девушками. Уста ее шептали молитву. С нежнейшего возраста бабушка следила за играми внука. Ее поражала ранняя любовь его к созвучиям речи. Едва лепетавший ребенок с удовольствием повторял слова в рифму: «пол — стол» или «кошка — окошко», ему ужасно нравились, и, улыбаясь, он приходил к бабушке поделиться своей радостью.

Пол в комнате маленького Лермонтова был покрыт сукном. Величайшим удовольствием мальчика было ползать по нем и чертить мелом»¹.

¹ Висковатый П. А., с. 18—19.

Участниками детских игр Лермонтова были его сверстники — дети крепостных крестьян села Тарханы. Они открыли ему глаза на положение «крещеной собственности». Современники видели, как маленький Миша, в котором, как было сказано, Е. А. Арсеньева души не чаяла, сердился на бабушку, когда она бранила крепостных, и выходил из себя, если кого-нибудь велели наказывать. «Не позволю бить», — кричал он на бабушку. И чаще всего Елизавета Алексеевна уступала его требованиям и отменяла наказание «провинившегося» крестьянина или дворовой девушки¹. Увиденное в деревне в детские и отроческие годы дало Лермонтову материал для антикрепостнических сцен драмы «Станный человек» и незаконченного романа «Вадим». А главное, в его сердце тогда зародилось глубокое чувство симпатии и любви к русскому крестьянину-труженику, которое позднее отозвалось в таких замечательных созданиях лермонтовской поэзии, как «Бородино» (1837) и «Родина» (1841).

Проводя в Тарханах годы детства и отрочества, когда у юного человека ум и сердце особенно широко открыты «всем впечатлениям бытия», Лермонтов навсегда полюбил красоту родной русской природы. Много позднее он вспоминал с чувством светлой печали о своих первых встречах с нею:

*И вижу я себя ребенком, и кругом
Родные все места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;
Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я: сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листья
Шумят под робкими шагами.*

Живя в Тарханах, поэт впервые услышал русскую песню и сказку, былинку про Ивана Грозного и предание про Емельяна Пугачева, правдивые повести о недавно отгремевших сражениях Отечественной войны 1812 года. Все это нашло отражение в его творчестве, преобразившись в произведения высочайшей художественной пробы, такие, например, как «Песня про царя Ивана Василь-

¹ Корнилов В. Тарханы. М., 1948, с. 57.

свича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», получившая восторженную оценку В. Г. Белинского.

Подробности раннего периода лермонтовской жизни в Тарханах невольно заставляют вспомнить страницы из первой автобиографической повести Л. Н. Толстого «Детство».

«Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства», — говорит ее автор, показывая, однако, что в судьбе героя повести — Николенки Иртеньева — не все было лучезарно и празднично уже в его детские годы.

Как и Лермонтов, Толстой рано потерял родителей: его мать, Мария Николаевна, умерла, когда ему было полтора года, а отец, Николай Ильич, — когда будущему писателю шел девятый год. И если Лермонтова в детские и отроческие годы пестовала бабушка, то в жизни Толстого эту роль исполняла его любимая тетюшка — Татьяна Александровна Ергольская. Как и Лермонтов, Толстой начинал писательскую деятельность в Москве, но, подобно Лермонтову, настоящим писателем почувствовал себя на Кавказе, где, как и автор «Героя нашего времени», будущий автор «Войны и мира» служил офицером в действующей армии... Черты сходства лермонтовско-толстовских судеб этим не исчерпываются. Много можно сказать и об отношении Толстого к творчеству Лермонтова, и о том, как «лермонтовский элемент» отразился в грандиозном художественном мире, созданном Толстым.

...Летом 1825 года по совету врачей Е. А. Арсеньева везет внука на «горячие воды» на Кавказ. Ехали на своих лошадях до Горячеводска (с 1830 года — Пятигорск). Остановились в имении бабушкиной сестры — генеральши Екатерины Алексеевны Хастатовой, находившемся в станице Шелковской на левом берегу Терека.

Кавказ поразил мальчика Лермонтова: его величественные горы с вершинами, покрытыми снегом, его быстрые реки, целебные источники, бескрайняя степь... Здесь в ту пору шла долгая война, и маленький город, каким был тогда Пятигорск, охранялся казаками...

«С малых лет, — пишет И. Андроников, — воображение Лермонтова поражали рассказы о нравах и обычаях горцев, о кровной мести, о кровопролитных сражениях и схватках, о засадах, подстерегавших казаков на каждом шагу, о жителях ближайших за Терекоем аулов...

В основу всех юношеских кавказских поэм и стихотворений Лермонтова легли эти первые неизгладимые впе-

чатления, этот виденный им в детстве край войны и судьбы, этот подлинный сражающийся Кавказ»¹.

Исследователи кавказской темы в лермонтовском творчестве справедливо подчеркивают: «Кажется, что М. Ю. Лермонтов родился с любовью к Кавказу в крови. И уже потом никогда не изменял этой любви»².

В доказательство этой мысли они приводят признание поэта:

*Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили...*

Этому признанию предшествовал ряд других, в частности взволнованные строки стихотворения «Кавказ» (1830):

*Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз.
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.*

Каждая из трех строф этого произведения завершает-ся, словно рефреном, короткой строкой: «Люблю я Кавказ».

С весны 1815 и до осени 1827 года Лермонтов жил в Тарханах у бабушки Е. А. Арсеньевой, вместе с нею лишь изредка отлучаясь в долгие и недолгие поездки в другие края. Озабоченная воспитанием и образованием внука, Елизавета Алексеевна пригласила в Тарханы несколько учителей. География, история, русская словесность, уроки музыки, французский и немецкий языки — таков круг предметов, которым обучался маленький Лермонтов в своем домашнем «университете».

Соучеником Лермонтова с осени 1826 года стал его троюродный брат Аким Шан-Гирей, которого Елизавета Алексеевна взяла на воспитание, когда ему было семь лет. Позднее он вместе с Лермонтовым переезжает в Москву (1828), а затем и в Петербург (1834) и живет вместе с ним у Е. А. Арсеньевой. Лермонтов тепло относился к

¹ Андроников Ираклий. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1964, с. 385.

² Виноградов Б. С., Виноградов В. Б. Этюды о Лермонтове. — В кн.: М. Ю. Лермонтов и Чечено-Ингушетия. Сборник статей. Грозный, 1981, с. 3.

нему (Аким был на четыре года его моложе), их дружеские отношения сохранились на всю жизнь.

Вот каким остался в его памяти юный Лермонтов: «Мне живо помнится смуглый, с черными блестящими глазками Мишель, в зеленой курточке и с клоком белокурых волос надо лбом, резко отличавшихся от прочих, черных как смоль»¹.

Интересно сопоставить этот словесный портрет юного Лермонтова с другим его портретом, который дан в воспоминаниях художника М. Е. Меликова, познакомившегося с Лермонтовым в 1827 году в Москве. «В детстве наружность его невольно обращала на себя внимание: приземистый, маленький ростом, с большой головой и бледным лицом, он обладал большими карими глазами, сила обаяния которых до сих пор остается для меня загадкой. Глаза эти, с умными, черными ресницами, делавшими их еще глубже, производили чарующее впечатление на того, кто был симпатичен Лермонтову. Во время вспышек гнева они бывали ужасны»². Тот же художник признается, что он «никогда не в состоянии был бы написать портрет Лермонтова» и что с этой задачей мог бы справиться, по его мнению, «один только К. П. Брюллов (...), так как он писал не портреты, а взгляды (по его выражению, вставить огонь глаз)»³.

А. З. Зиновьев в своих воспоминаниях о поэте пишет: «Бывши с 1826 до 1830 в очень близких отношениях к Лермонтову, считаю обязанностью сообщить о нем несколько сведений, относящихся к этому периоду, и вообще о раннем развитии его самостоятельного и твердого характера». И далее: «...и дома, и в унив. пансионе, и в университете, и в юнкерской школе Лермонтов был, несомненно, между лучшими людьми. Что же значит приписываемое ему честолюбие *выбраться в люди?* Где привился недуг этот поэту? Неужели в то время, когда он мог сознать свое высокое призвание... и его славую дорожило избранное общество и целое отечество?»⁴

Нельзя отказать автору этих воспоминаний в верности и непредвзятости суждений, в понимании истинного значения Лермонтова.

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 32.

² Там же, с. 70.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 72, 74.



ГЛАВА ВТОРАЯ

Из Тархан — в Москву. — Лермонтовские адреса в столице. — Прогулки по Москве. — Подготовка к поступлению в Благородный пансион при Московском университете. — Лермонтов-полупансионер. Учителя и наставники. Участие в литературном обществе. — Превращение Пансиона в казенную гимназию. — Прошение Лермонтова об увольнении из Пансиона. — Литературное творчество Лермонтова в 1828—1830 гг. Школа литературного мастерства.



В конце лета 1827 года Е. А. Арсеньева везет двенадцатилетнего внука в Москву, решив познакомить его со своей многочисленной родней, жившей в древней столице, а также определить его в учебное заведение, где он мог получить не домашнее, а более основательное образование, которое бы, как она думала, дало право на обеспеченную и «солидную» жизнь.

Приехав в Москву, Е. А. Арсеньева с внуком сначала жила на Поварской улице¹, потом переехала на Малую Молчановку. Е. А. Арсеньева не сразу выбрала жилище, отвечавшее ее вкусу и привычкам. Она поселилась в одном из центров стародворянской Москвы, каким издавна был Арбат с прилегавшими к нему улицами и переулками. Елизавета Алексеевна часто возила внука на Трубную улицу в дом Петра Афанасьевича Мещеринова, который приходился ей дядей. В его семье царил культ Пушкина. Пушкинские книги занимали заметное место в обширной библиотеке Мещериновых. Никогда еще юный Лермонтов не видел так много книг русских и иностранных авторов. В этом доме часто звучала музыка. Мишель, как звали его московские друзья, рано увлекшийся рисованием, подолгу разглядывал картины, украшавшие стены комнат.

¹ Ныне улица В. Воровского. Дом, где жил юный Лермонтов с бабушкой, не сохранился.

Дворянская «фамусовская» Москва хорошо знала дом отца бабушки Лермонтова — Алексея Емельяновича Столыпина, владельца крепостного театра. Когда ему понадобилась крупная сумма денег, он решил распродать своих крепостных. По челобитной актеров Александру I их приобрела казна. И вышло так, что «труппа Столыпина положила основание труппе московского Малого театра»¹.

Поселившись на Поварской, Е. А. Арсеньева с внуком почти ежедневно бывала у живших поблизости своих родственников Столыпиных, а позднее каждое лето проводила с ним в подмосковной усадьбе Середниково, приобретенной в 1825 году ее братом — Дмитрием Алексеевичем Столыпиным².

Любил бывать Лермонтов в семье Екатерины Аркадьевны Столыпиной — вдовы Дмитрия Алексеевича, умершего в 1826 году. Екатерина Аркадьевна была талантливой пианисткой, в ее доме собиралась молодежь, умевшая и любившая веселиться. Ее дети быстро подружились с Лермонтовым.

Близ Поварской находилась усадьба Александра Николаевича и Екатерины Петровны Лопухиных. Их три дочери — Елизавета, Мария, Варвара — и сын Алексей стали друзьями Лермонтова. С Марией Лермонтов долгие годы находился в переписке. Варенька Лопухина покорила его сердце, и он посвятил ей несколько чудесных стихотворений. С Алексеем Лопухиным поэт был особенно дружен в годы студенчества.

Некоторое время спустя, словно бы оценивая годы своей московской жизни, Лермонтов писал Марии Лопухиной: «...Москва есть и всегда будет моя родина. — Я в ней *родился*, в ней много *страдал*, в ней был *чрезмерно счастлив!*»³

В том же письме Лермонтов прислал свое знаменитое стихотворение «Белеет парус одинокий...». Его, как и другие лермонтовские стихи, бережно сохранили в семье Лопухиных.

По совету Мещериновых Е. А. Арсеньева решила отдать внука в Благородный пансион при Московском уни-

¹ Иванова Т. Юность Лермонтова. М., 1957, с. 34.

² Здесь теперь находится санаторий «Мцыри».

³ Подлинник письма на французском языке.

верситете. По своему значению это учебное заведение приравнивалось к привилегированному Царскосельскому лицее, воспитанниками которого были Пушкин и некоторые из его друзей-декабристов.

Подготовку внука к поступлению в Университетский пансион Е. А. Арсеньева поручила А. З. Зиновьеву. Это был не только высокообразованный педагог, но и на редкость добрый человек. Увлекаясь русской историей, он и своему воспитаннику старался привить к ней интерес. Надолго запомнились юному Лермонтову прогулки со своим педагогом по Москве. А. З. Зиновьев знакомил его с историческими памятниками, а затем требовал от него письменные «Отчеты о полученных впечатлениях». Для будущего поэта, писателя это была отличная школа.

Осенью 1828 года Лермонтов поступил в Московский благородный пансион и был принят сразу в 4-й класс. По его просьбе он был зачислен полупансионером, что давало ему возможность ежедневно бывать дома. К 8 утра он в сопровождении гувернера приезжал в Дом Пансиона¹, занимался до 6 вечера и возвращался на Малую Молчановку, где жил с бабушкой. Едва отдохнув, он принимался за домашние задания, и никакие силы не могли его оторвать от занятий языками, русской словесностью, немецкой литературой, рисованием.

Исключительные способности, а также рвение, с которым Лермонтов постигал учебные предметы, позволили ему при аттестации за 4-й класс занять второе место, а при аттестации за 5-й класс — первое место среди пансионеров.

В пансионе преподавались предметы: математика, естествознание, физика, география, военное дело, богословие, рисование, музыка, танцы, древние языки, иностранные языки. Кроме того, уделялось большое внимание юридическим наукам, истории, словесности, ораторскому искусству.

Как удавалось пансионерам справляться с таким громадным объемом самого разнообразного учебного материала? Им предоставлялась возможность выбрать предметы, к которым они питали наибольшую склонность, и сосредоточить на них свое внимание. Все остальные науки изучались ими весьма поверхностно.

¹ Дом не сохранился. На его месте стоит здание Центрального телеграфа.

Когда инспектором Пансиона был университетский профессор М. Г. Павлов, среди воспитанников преобладал интерес «к литературному направлению»¹. В Пансионе выпускались воспитанниками рукописные журналы и альманахи. В них увидели свет первые стихи Лермонтова и произведения других даровитых пансионеров. Все они состояли членами пансионского Литературного общества², на заседаниях которого присутствовали не только преподаватели Пансиона поэты А. Ф. Мерзляков и С. Е. Раич, но и уже престарелый тогда поэт И. И. Дмитриев, в прошлом государственный деятель. Заседания Общества посещали и другие московские литераторы.

Воспитанниками Пансиона были В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, Ф. И. Тютчев. За год до поступления Лермонтова в Пансион, его учеником был будущий друг и соратник А. И. Герцена — поэт Н. П. Огарев.

Воспитанниками Пансиона были также многие из декабристов, и среди них: Н. М. Муравьев, Н. И. Тургенев, И. Д. Якушкин, А. И. Якубович, В. Ф. Раевский...

В Московском Пансионе царил дух свободомыслия, непокорства и преклонения перед памятью казненных вождей декабрьского восстания. Всего лишь за три года до поступления Лермонтова в Пансион его закончили многие из будущих «бунтовщиков», и в их числе П. Г. Каховский, казненный после восстания 1825 года. Пансионеры передавали из рук в руки запрещенные стихи казенного К. Рылеева, ссыльного В. Кюхельбекера, А. Пушкина, А. Грибоедова, А. Полежаева.

Начальник III отделения собственной его величества канцелярии граф А. Х. Бенкендорф в 1830 году докладывал императору Николаю I: «Среди... воспитанников... пансиона при Московском университете... встречаем многих... мечтающих о революциях и верящих в возможность конституционного правления в России»³.

Подобные сигналы поступали к Николаю I еще в 1826 году, вскоре после завершения расправы над декабристами. Царь долго собирался посетить московский «рассадник свободомыслия», в котором, по словам Бенкендор-

¹ Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, с. 290.

² Официальное его название: «Собрание воспитанников университетского благородного пансиона». Год возникновения 1799. (Лермонтовская энциклопедия, с. 289—290).

³ Лермонтовская энциклопедия, с. 290.

фа, обучались «настоящие карбонарии», и сделал это в марте 1830 года, нагрянув в Пансион и не предупредив никого о своем посещении. «Оно было до того неожиданно, непредвиденно, что начальство наше совершенно потеряло голову,— вспоминал Д. А. Милютин.— На беду, государь попал в Пансион во время «перемены» между двумя уроками (...). В такой-то момент император, встреченный в сенях только старым сторожем, пройдя через большую актовую залу, вдруг предстал в коридоре среди бушевавшей толпы ребятишек (...). Когда, наконец, появились надзиратели, инспектор и директор и навели порядок, император, возвратившись в зал, излил весь свой гнев и на начальство наше, и на нас с такою грозною энергией, какой нам никогда и не снилось»¹.

Особую ярость императора вызвало то, что на почетной доске Пансиона он увидел имя одного из основателей Северного общества декабристов Николая Тургенева. В 1824 году Тургенев уехал за границу, после разгрома восстания был заочно осужден и приговорен к пожизненному заключению.

Судьба Пансиона была решена: в конце марта 1830 года Николай I подписал «высочайший указ» о превращении Пансиона из привилегированного учебного заведения в казенную гимназию.

Через две недели после объявления этого «указа» Лермонтов подал прошение об увольнении из преобразованного Пансиона, которое было незамедлительно удовлетворено.

Два неполных года учился Лермонтов в Пансионе. И несмотря на усиленные занятия учебными предметами, он находил время для творчества. В пансионские годы он написал поэмы: «Кавказский пленник», «Корсар», «Преступник», «Олег», «Два брата», «Джюлио», «Исповедь», либретто оперы «Цыганы». В эти же годы юным поэтом была написана вторая редакция самой известной его поэмы «Демон». К этим произведениям нужно прибавить около шестидесяти стихотворений и не дошедшие до нас три поэмы: «Индианка», «Геркулес» и «Прометей».

Когда же Лермонтов начал писать стихи? В «Автобиографических заметках» он так ответил на этот вопрос: «Когда я начал марать стихи в 1828 году, я как бы по инстинкту переписывал и прибирал их, они еще теперь у меня».

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 78—79.

Эта «заметка» сделана Лермонтовым в тетради в 1830 году. Заканчивается она таким признанием: «Нынче я прочел в жизни Байрона¹, что он делал то же — это сходство меня поразило».

Из Тархан в Москву Лермонтов привез тетрадь, на обложке которой его рукой сделана надпись: «Разные сочинения принадлежат М. Л. 1827 года 6-го ноября». Если до этой даты в тетрадь переписаны стихотворения, на которые указал ему губернёр-француз, то после нее в тетрадь попали пушкинский «Кавказский пленник» и переведенная Жуковским поэма Байрона «Шильонский узник».

К допансионскому периоду раннего лермонтовского творчества следует отнести и поэму «Черкесы», написанную летом 1828 года, и, как помечено на обложке ее рукописи автор: «В Чембар, за дубом». По-видимому, летом указанного года Лермонтов проезжал в Тарханы через город Чембар, Пензенской губернии, где бывал и в последующие годы². В той же тетради вслед за титульным листом «Черкесов» автор поместил титульный лист «Кавказского пленника», помечив на нем: «Москва 1828».

И в домосковский и в первый московский периоды творчество юного Лермонтова в значительной степени носит ученический характер. Не боясь никаких укоров и упреков в «подражаниях», он «заимствовал» для своих поэм строки, а иногда и строфы из поэм А. С. Пушкина, Д. Г. Байрона, И. И. Козлова, И. И. Дмитриева, М. В. Ломоносова, В. А. Жуковского, К. Ф. Рылеева и других поэтов. Особенно много таких «переносов» в поэмах «Черкесы», «Кавказский пленник», «Корсар».

В статье Д. Д. Благого «Лермонтов и Пушкин (Проблема историко-литературной преемственности)» показано, что «усвоение Лермонтовым Пушкина начинается с детских лет»: тринадцатилетний Лермонтов «старательно переписывает... весь «Бахчисарайский фонтан». Затем «весьма скоро от простого переписывания стихов Пушкина Лермонтов переходит к следующей стадии — более или менее близкого их пересказа». Смысл этих заимствований лермонтоведы видят в том, что «юный поэт пытается отыскать свой путь в процессе овладения чужим го-

¹ Один из томов книги Т. Мура «Письма и дневники лорда Байрона с заметками о его жизни», изданной в Лондоне и Париже в 1830 году

² Ныне город Белинский.

товым материалом. При этом надо иметь в виду, что сам Лермонтов не предназначал свои ранние стихи и поэмы для печати, многие из них были ученическим этапом, творческой лабораторией поэта»¹.

Сопоставив две ранние поэмы — пушкинскую и лермонтовскую, — написанные на кавказском материале, Д. Д. Благой установил, что сюжет лермонтовского «Кавказского пленника» частично заимствован из одноименной поэмы Пушкина².

Фабула поэмы четырнадцатилетнего поэта разрешается не по Пушкину. Если пушкинский пленник одинок в плену, то у Лермонтова он встречается в ауле своих старых друзей:

(...) Его мученья
Друзья готовы разделять
И вместе плакать и страдать.

«В «Кавказском пленнике», — пишет Д. Д. Благой, — сказывается и смелое стремление 14-летнего мальчика померяться силами с величайшим поэтом современности, кумиром самого же Лермонтова, потребность рассказать взволновавший, захвативший его сюжет на свой лад, передать как-то по-своему»³. Еще более заметно это стремление к самостоятельности в ранней лирике Лермонтова и в «Демоне» — одном из самых ранних лермонтовских замыслов. Поэт воплощал его до конца дней, сначала в стихотворении, а затем и в поэме.

Как и в поэме «Кавказский пленник», в разработке этой темы Лермонтов идет за Пушкиным, он подчеркнуто повторяет заглавие: у Пушкина стихотворение «Демон», написанное в 1823 году, называлось сначала «Мой демон». Лермонтов берет это заглавие для стихотворения, написанного в 1829-м, а затем переработанного в 1831 году.

Но как далеко он отходит от пушкинской трактовки этого образа и в стихотворении, а затем в особенности в своей великой поэме «Демон», начальные редакции которой были им написаны еще в отроческом возрасте!

¹ Лермонтовская энциклопедия, с. 174.

² Благой Д. Д. Лермонтов и Пушкин. В кн. Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. М., 1941, с. 358.

³ Там же, с. 362.

Пушкиноведы справедливо говорят, что для зрелого Пушкина демон был уже пережитым увлечением, отошел от него в прошлое. Кроме того, он воспринимался поэтом как нечто ему противостоящее¹. Для Лермонтова же это был если и не «двойник», то спутник («Как демон мой, я зла избранник...»).

Образ демона был гениальным открытием юного поэта, он многое значил не только для лермонтовского творчества, а и для всей русской и мировой поэзии.

¹ Благой Д. Д. Лермонтов и Пушкин. — В кн.: Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова, с. 365—366.



ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Лермонтов-студент. — Московский университет в 30-е годы прошлого века. — Белинский, Герцен, Станкевич, Огарев — соученики Лермонтова. — Студенческие кружки. — Влияние декабристских идей. — Лермонтов и декабристы. — Кружок друзей поэта. — Его отклики на события русской и западноевропейской жизни 30-х годов. — Участие Герцена, Лермонтова и их друзей в «маловской истории». — Исключение Белинского из университета. — Арест и ссылка Герцена и Огарева. — Лермонтов оставляет университет.



середине апреля 1830 года Лермонтов распрощался с Благородным пансионом. Выданное ему свидетельство удостоверяло, что «он в 1828 году был принят в Пансион, обучался в старшем отделении высшего класса разным языкам, искусствам и преподаваемым в оном нравственным, математическим и словесным наукам, с отличным прилежанием, с похвальным поведением и с весьма хорошими успехами; ныне же по прошению его от Пансиона с сим уволен»¹.

Лермонтов стал готовиться к поступлению в Московский университет. В августе 1830 года поэт выдержал экзамены и был принят в число его своекоштных студентов².

Лермонтов поступил на отделение нравственно-политическое (позднее переименованное в юридическое), но, проучившись полгода, понял, что оно не отвечает его призванию, и перевелся на словесное отделение.

¹ М а н у й л о в В. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.— Л., Наука, 1964, с. 31.

² В отличие от казеннокоштных, своекоштные студенты не получали содержания от казны.

Проучившись в университете всего около двух лет, Лермонтов хранил о нем добрые воспоминания. Достаточно привести одну строфу из его поэмы «Сашка», чтобы в этом убедиться:

*Из пансиона скоро вышел он,
Наскуча все твердить азы да буки,
И, наконец, в студенты посвящен,
Вступил надменно в светлый храм науки.
Святое место! помню я, как сон,
Твои кафедры, залы, коридоры,
Твоих сынов заносчивые споры:
О боге, о вселенной и о том,
Как пить: ром с чаем или голый ром;
Их гордый вид пред гордыми властями,
Их шутки, висающие клочками.*

«Сашка» — поэма реалистическая и во многих строфах насмешливо-ироническая. Но в словах «святое место» и «светлый храм науки» если и есть оттенок иронии, то отнюдь не насмешливой, а доброй и благодарной. Принадлежа к числу «сынов заносчивых» университетской, студенческой семьи, Лермонтов за два неполных года «студенства», как тогда говорили, многое увидел и узнал, заметно повзрослел. В ту пору университет еще не утратил своих давних хороших традиций подлинного «храма науки» и способствовал быстрому духовному возмужанию своих питомцев. И еще одно обстоятельство нужно иметь в виду, говоря о Московском университете 30-х годов прошлого века.

Может быть, никогда еще в его старых стенах не было среди студентов столько выдающихся личностей, как в студенческие годы Лермонтова. Ведь тогда же в Московском университете учились В. Г. Белинский, А. И. Герцен, И. А. Гончаров, Н. М. Станкевич, Н. П. Огарев. Вокруг каждого из них объединялась молодежь, возникали кружки, складывались дружеские взаимоотношения, сохранявшиеся долгие годы. Достаточно напомнить о дружбе Герцена и Огарева, которую они пронесли через всю жизнь.

Студенческая молодежь не замыкалась в своей среде, горячо откликалась на события общественной жизни.

В сентябре 1830 года в Москве вспыхнула холерная эпидемия¹. Занятия в университете были прерваны на

¹ Она была занесена в Россию из Малой Азии.

несколько месяцев, а преподаватели и студенты медицинского факультета отправились в больницы и холерные бараки, чтобы помочь врачам и санитарам бороться со страшной болезнью. «Зараза приняла чудовищные размеры,— писал сокурсник Лермонтова Павел Вистенгоф.— Университет, все учебные заведения, присутственные места были закрыты, публичные увеселения запрещены, торговля остановилась. Москва была оцеплена строгим военным кордоном и учрежден карантин. Кто мог и успел, бежал из города»¹.

«Тридцатый, холерный год» Белинский назвал «черным годом», принесшим родине много бед².

Лермонтов и Е. А. Арсеньева остались в Москве в это опасное время. Вскоре стало известно, что эпидемия холеры распространилась в Поволжье и на юге России. Многие тогда называли ее чумой.

В 1830 году Лермонтов пишет стихотворения «Чума в Саратове» («Чума явилась в наш предел...») и «Чума».

Второе из них не закончено и имеет подзаголовок: «Отрывок». Вот его начало:

*Два человека в этот страшный год,
Когда всех занимала смерть одна,
Хранили чувство дружбы.*

Одного из них, кто «был юн годами и душой, имел блистающий и быстрый взор», ужасали картины «гладного моря». Другой был старше и опытнее, многое перенес и лишь «как бы невольно жить хотел» ради своего юного друга. Чума с беспощадной яростью убила того, кто так ее боялся и молил бога о спасении.

И с невероятной быстротой наступил страшный финал:

*Пришли к ним люди, зацепив крючком
Холодный труп, к высокой груде тел
Они без сожаленья повлекли,
И подложили бревен, и зажгли...*

¹ Вистенгоф П. Ф. Из моих воспоминаний. — Исторический вестник, т. III, СПб., 1890, с. 204.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М., 1954, т. 1, с. 87. — Далее в ссылках на это издание указываются автор, том и страница.

Можно подумать, что поэт своими глазами увидел эту картину — с такой безжалостной достоверностью подробностей она написана...

Мрачные события «холерного года» послужили поводом для создания Лермонтовым целого цикла стихотворений, в которых юный поэт размышляет о смерти, как о неизбежном конце для всего живого и в то же время как о черте, переступая которую человек должен вспомнить и оценить всю свою жизнь. Таковы написанные в 1830 году стихотворения «Смерть» («Закат горит огнистой полосою...»), «Кладбище», «1830. Май. 16 число» («Боюсь не смерти я. О нет!..»). «К...» («Не говори: я трус, глупец!..»), «Могила бойца» («Он спит последним сном давно...»). Таковы и написанные в следующем году «1831-го января» («Редеют бледные туманы...»), «Завещание» («Есть место близ тропы глухой...»), «Чаша жизни» («Мы пьем из чаши бытия...»), «Метель шумит и снег валит...», «Пора уснуть последним сном...» и другие.

Юный поэт страшится, что слепая судьба умертвит его «возросший деятельный гений» раньше, чем он сможет до конца пройти путь своего «самопознания», а также познать «все, в чем есть искра жизни». Отсюда в высшей степени характерное для Лермонтова признание:

...и понять

Я не могу, что значит отдыхать.

Для него «жизнь скучна, когда боренья нет».

Таковыми признаниями наполнено не только стихотворение-исповедь «1831-го июня 11 дня», но и многие другие лермонтовские произведения 30-х годов. В них юный поэт правдиво передал мысли и чувства своего поколения. «Жажда бытия», понимаемая как «жажда действия», была символом веры лучших представителей молодой русской интеллигенции во все периоды освободительного движения в стране.

В программной статье В. Г. Белинского «Литературные мечтания» (1834), сделавшей его имя известным всей читающей России, прозвучали слова, выразившие самую заветную мысль начинающего критика: «Без борьбы нет заслуги; без заслуги нет награды, а без действия нет жизни»¹.

¹ Белинский В. Г., т. 1, с. 32.

Молодой А. И. Герцен столь же искренне и страстно, как и Белинский, признавался: «...хочется действия, ибо одно действие может удовлетворить человека. Действие — сама личность»¹.

Но как могли эти необыкновенные энтузиасты, эти бесконечно талантливые молодые люди осуществить свои порывы к действию, если эпоха, в которую они жили, была, по герценовской оценке, «зловещей».

Тридцатые годы прошлого века были страшной порой в жизни России. Подавив восстание декабристов, Николай I стремился превратить страну в казарму для русского народа и в тюрьму для «инопорodцев». Малейшие проявления свободомыслия беспощадно преследовались и подавлялись.

Трагичной была судьба многих молодых мыслящих людей из числа передовых дворян. Вот что писал о них А. И. Герцен в своей книге «Былое и думы»: «Им раннее совершеннолетие пробил колокол, возвестивший России казнь Пестеля и коронацию Николая; они были слишком молоды, чтоб участвовать в заговоре, и не настолько дети, чтоб быть в школе после него... Разумеется, в десять лет они не могли состариться, но они сломились, затаились, окруженные обществом без живых интересов, жалким, струсившим, подбострастным»².

О том, как проходила юность его поколения, Герцен писал в книге «О развитии революционных идей в России»: «Нам дают широкое образование, нам прививают желания, стремления, страдания современного мира, а потом кричат: «Оставайтесь рабами, немymi и пассивными, иначе вы погибли». В возмещение за нами сохрaняется право драть шкуру с крестьянина и проматывать за зеленым сукном или в кабаке ту подать крови и слез, которую мы с него взимаем»³.

Такой же вопль души мы слышим в юношеском стихотворении Лермонтова, написанном в 1829 году:

*К чему глубокие познaнья, жажда славy,
Талант и пылкая любовь свободy,
Когда мы их употребить не можем?*

¹ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1962, т. 26, с. 291. — Далее в ссылках на это издание указываются автор, том и страница.

² Герцен А. И., т. 9, с. 161—162.

³ Герцен А. И., т. 7, с. 205.

*...И душно кажется на родине,
И сердцу тяжело, и душа тоскует...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,
И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остылой жизни чаша,
И уж ничто души не веселит.*

Двумя годами ранее, чем было написано это полное скорбной грусти стихотворение, смерть унесла молодого русского поэта — Дмитрия Веневитинова. По словам Герцена, это был «юноша, полный мечтаний и идей 1825 года. Отчаяние, как и боль после ранения, наступает не сразу. Но едва успев промолвить несколько благородных слов, он увял, словно южный цветок, убитый леденящим дыханием Балтики»¹.

Он не мог жить в удушающей атмосфере последекабрьской реакции и умер, «убитый обществом», в возрасте 22 лет. «Нужно было, — продолжает Герцен, — иметь другую закалку, чтобы дышать воздухом этой зловещей эпохи, надобно было с детства приспособиться к этому резкому и непрерывному ветру, сжиться с неразрешимыми сомнениями, с горчайшими истинами, с собственной слабостью, с каждодневными оскорблениями; надобно было с самого нежного детства приобрести привычку скрывать все, что волнует душу, и не только не терять ничего из того, что в ней схоронил, а напротив, — давать выречь в безмолвном гневном гневе всему, что ложилось на сердце. Надо было уметь ненавидеть из любви, презирать из гуманности, надо было обладать безграничной гордостью, чтобы, с кандалами на руках и ногах, высоко держать голову»².

Вслед за этой поистине выстраданной характеристикой поколения своих сверстников Герцен с болью в сердце говорит о трагической судьбе Лермонтова, без колебаний заявив при этом: «Он полностью принадлежит к нашему поколению»³.

Спросим себя: встречались ли Лермонтов и Герцен, когда были студентами Московского университета?

Очень бы хотелось дать положительный ответ на этот вопрос. Но у нас нет никаких данных, никаких докумен-

¹ Герцен А. И., т. 7, с. 223.

² Герцен А. И., т. 7, с. 223—224.

³ Герцен А. И., т. 7 с. 225.

тов или свидетельств их общих знакомых, которые бы подтвердили, что Лермонтов и Герцен лично знали друг друга. Как же это могло произойти, если каждый из них выделялся и своими способностями, и независимостью мысли, и сильным характером, привлекавшими к себе общее внимание? Дело в том, что Герцен, поступив в университет на год раньше Лермонтова, учился на физико-математическом отделении, Лермонтов же, как мы уже говорили, сначала был студентом нравственно-политического, а затем словесного отделений.

У Герцена и Огарева был свой кружок единомышленников, у Лермонтова — кружок друзей. Вне университета студенты встречались на квартирах своих вожakov. В «11 номере» университетского общежития жил студент словесного отделения Белинский. По предложению Белинского его кружок превратился в «Литературное общество». На заседаниях «Общества» Белинский прочитал свою драму «Дмитрий Калинин». О ее резкой антикрепостнической направленности проводило университетское начальство. За Белинским стали следить и вскоре его исключили из университета.

В лермонтовский кружок входили верные друзья поэта: Андрей Закревский (кстати, лично знакомый с Герценом и Огаревым), Николай Поливанов, Алексей Лопухин и еще несколько знакомых им лиц. Лермонтов охотно читал друзьям свои стихи, а они (особенно Закревский) распространяли их без ведома автора по всей Москве.

Во времена николаевской реакции самая невинная деятельность кружков была делом небезопасным. «При Лермонтове, — пишет Т. А. Иванова, — летом 1831 года, были арестованы студенты, принадлежавшие к «тайному обществу» Сунгурова (...). Большинство членов его кружка были разночинцы. Арестованную по сунгуровскому делу, мечтавшую о конституции молодежь в июне 1832 года военный суд приговорил к смертной казни: двух членов кружка к четвертованию, десятерых к повешению, одного к расстрелу. Какое впечатление должен был произвести на Лермонтова этот чудовищный приговор! Один из приговоренных к повешению студентов обычно сидел с ним рядом в аудитории университета. Приговор был отменен только в феврале 1833 года, и больше чем полгода осужденные жили в ожидании смертной казни»¹.

¹ Иванова Т. Юность Лермонтова. М., 1957, с. 138—139.

«Сунгуровцы» были арестованы летом 1831 года, а в марте того же года в университете произошла так называемая «маловская история», участниками которой были Герцен, Огарев, Лермонтов и десятки других студентов.

Герцен подробно рассказывает о ней в первой части своей художественно-мемуарной книги «Былое и думы». Сначала он описывает атмосферу, царившую тогда в студенческой среде: «Мы и наши товарищи говорили в аудитории открыто все, что приходило в голову; тетрадки запрещенных стихов ходили из рук в руки, запрещенные книги читались с комментариями, и при всем том, я не помню ни одного доноса из аудитории, ни одного предательства. Были робкие молодые люди, уклонявшиеся, отстранявшиеся, — но и те молчали».

А про «маловскую историю» рассказал матери под угрозой прута один «пустой мальчик». И вот «нежная мать, аристократка и княгиня, бросилась к ректору и передала донос сына как доказательство его раскаяния»¹.

Узнав об этой «истории», университетское начальство перепугалось: вдруг о ней слухи дойдут до Петербурга, до Бенкендорфа, до самого царя? Что же произошло?

«Малов, — продолжает свой рассказ Герцен, — был глупый, грубый и необразованный профессор в политическом отделении. Студенты презирали его, смеялись над ним».

Малов так дерзил студентам, что они решили прогнать его из аудитории и однажды прогнали: проводили по университетскому двору на улицу и бросили вслед за ним калоши»².

Начальство решило «замять» дело и «закрыть» его, отправив в карцер предводителей студенческого «бунта», и среди них — Герцена.

Друг Лермонтова, Н. Поливанов, записал в своем альбоме, что в те дни Лермонтов «ожидал строгого наказания»³.

Свидетельством этих тревожных для поэта дней служит его стихотворение, записанное им в альбом Поливанова:

*Послушай! вспомни обо мне,
Когда, законом осужденный,*

¹ Герцен А. И., т. 7, с. 117—119.

² Там же.

³ Мануйлов В. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова, с. 38.

*В чужой я буду стороне —
Изгнанник мрачный и презренный.
И будешь ты когда-нибудь
Один, в бессонный час полночи,
Сидеть с свечой... и тайно грудь
Вздохнет — и вдруг заплачут очи;
И молвишь ты: когда-то он
Здесь, в это самое мгновенье
Сидел тоскою удручен
И ждал судьбы своей решенье!*

Здесь особенно отчетливо зазвучали характерные для лермонтовской лирики мотивы осуждения поэта законом, его изгнания из родных мест, горькой разлуки с друзьями. Первым биографам Лермонтова эти мотивы в его ранних произведениях казались заимствованными у Байрона, Пушкина, других поэтов. А на самом-то деле за ними стояла его реальная жизнь в последекабристской николаевской России, когда ее судьбами распоряжались шеф III отделения граф Бенкендорф, потешавший царя, называя Герцена Герцелем, а Гоголя Гогелем¹, министр иностранных дел граф Нессельроде, участвовавший в гонениях, мучившие Пушкина, Лермонтова, другие господа из окружения Николая Палкина, почти три десятилетия правившего страной.

В стихотворении «Послушай! вспомни обо мне...» поэт выразил рано овладевшее им предчувствие его неизбежного столкновения с сильными мира сего, с охраняемым ими насильническим строем жизни.

Лермонтов все сильнее тяготится обстановкой, складывавшейся в университете, на экзаменах вступает в пререкания с профессорами, винившими его в том, что он пренебрегает лекционным материалом, хотя и обнаруживает обширные познания по многим предметам. Он приобретал эти познания, читая книги, не входившие в учебные программы.

Отношения Лермонтова с наставниками-рутинерами и с начальством настолько обострились, что он подал прошение об увольнении из университета и в июне 1832 года получил свидетельство.

Летом 1833 года Герцен с блеском сдал выпускные

¹ См.: Нович М. Молодой Герцен. М., 1980, с. 97.

экзамены в университете и получил степень кандидата, а через год был арестован, девять месяцев находился в тюрьме, а потом пять лет отбывал ссылку. Тогда же был выслан из Москвы и его друг Н. Огарев.

В конце июля или начале августа 1832 года Лермонтов вместе с Е. А. Арсеньевой едет в Петербург.

О жизни Лермонтова в столице мы расскажем в следующей главе, а здесь остановимся на одной из сторон его биографии, во многом определившей взгляды и настроения поэта и отразившейся в его творчестве.

В поэзии Лермонтова особое место занимает декабристская тема. Она была близка и дорога ему по многим мотивам: идейным, творческим, биографическим.

В конце 1825 года, когда Лермонтову исполнилось одиннадцать лет, в Тарханы пришло известие о восстании декабристов на Сенатской площади в Петербурге. А вскоре дошла весть о том, что на юге восстал Черниговский полк. Эти известия глубоко потрясли Е. А. Арсеньеву. Ее родные братья, Аркадий Алексеевич и Дмитрий Алексеевич Столыпины, были друзьями декабристов К. Ф. Рылеева и П. И. Пестеля. Лермонтоведы называют Д. А. Столыпина «сослуживцем П. И. Пестеля и единомышленником декабристов». Только смерть избавила братьев Столыпиных от арестов и кары: Аркадий скончался за полгода до восстания, а Дмитрий — через две недели после разгрома восстания.

Как стало известно, декабрист Н. А. Бестужев заявил следственной комиссии на допросе, что «покойный сенатор А. А. Столыпин одобрял тайное общество и потому, верно бы, действовал в нынешних обстоятельствах вместе с ним». Более того, стало известно, что декабристы предполагали ввести его в члены временного правительства, если им удастся одержать победу. Нужно добавить, что А. А. Столыпин был женат на дочери адмирала Н. С. Мордвинова — человека, пользовавшегося большим уважением за независимость своих мнений и не боявшегося их высказывать. Декабристы прочили его в члены временного правительства.

Когда А. А. Столыпин умер, К. Ф. Рылеев послал его вдове стихи. В них поэт писал о будущем ее сыновей:

*Пусть их сограждане увидят
Готовых пасть за край родной,
Пусть они возненавидят
Неправду пламенной душой...*

*Пусть в сонме юных исполинов
На ужас гордых их узрим
И смело скажем: знайте, им
Отец — Столыпин, дед — Мордвинов.*

Напечатанное в 1825 году в «Северной пчеле», это стихотворение стало известным в Тарханах. Здесь получали альманах «Полярная звезда» и другие издания, в которых сотрудничали Рылеев и его соратники. Родственники отца поэта — Д. Н. и М. Н. Лермонтовы, служившие в Гвардейском флотском экипаже, — были связаны с декабристами. Д. Н. Лермонтов был с восставшими на Сенатской площади и каким-то чудом избежал тяжкого наказания.

Нетрудно представить, какое впечатление на отроческую душу Лермонтова произвело все, что он узнал о восстании декабристов, а затем об их казнях и ссылках.

Ведь и себя самого он мог считать не чуждым декабристской среде: по материнской линии он принадлежал к опальному роду Столыпиных. Сын А. А. Столыпина Алексей с детских лет был его другом.

Историческая трагедия — поражение декабрьского восстания 1825 года — явилась для Лермонтова таким событием, которое определило направление его духовного развития.

Подобно своим сверстникам А. Герцену и Н. Огареву, Лермонтов рос и мужал под воздействием подвига декабристов.

«...Не знаю, — писал Герцен, — как это сделалось, по, мало понимая или очень смутно, в чем дело, я чувствовал, что я не с той стороны, с которой картечь и победы, тюрьмы и цепи. Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческий сон моей души»¹.

Друг и соратник Герцена, поэт Николай Огарев говорил то же самое в своих стихах:

*Мы были отроки. В то время
Шло стойкой поступью бойцов —
Могучих деятелей племя
И сеяло благое семя
На почву юную умов²*

¹ Герцен А. И., т. 8, с. 61.

² Огарев Н. П. Избранное. М., 1977, с. 173.

После того как дробь барабанов на кронверке Петропавловской крепости известила о казни вождей восстания,

*В нас сердце молча содрогнулось,
Но мысль живая вострепнулась
И путь означен жизни всей¹*

Бессмертный подвиг декабристов во многом определил и путь Лермонтова. Он рано почувствовал себя их идейным наследником. Темы и мотивы декабристской поэзии появились уже в самых ранних его стихах и поэмах.

«Острота политических формулировок, собранных в стихотворении «Жалобы турка», — указывает Б. М. Эйхенбаум, — заставляет думать, что Лермонтов уже в это время был знаком с поэзией декабристов и признавал свое идейное родство с ними. Наброски поэмы «Олег» (1829) написаны под впечатлением «Дум» Рылеева. В стихотворениях и поэмах 1830 года появляется характерная для декабристов тема вольного Новгорода и трагической борьбы с самовластием»².

Действительно, в лермонтовских произведениях о древнем Новгороде легко высветить декабристскую оценку «вольного града» как идеала республиканского строя. Но есть в них и прямое обращение юного поэта к потерпевшим поражение декабристам, его стремление воодушевить их на продолжение борьбы с самовластьем и вера в их стойкость и преданность своим убеждениям.

В стихотворении «Новгород» всего восемь строк, но как много ими сказано, как отчетливо сопоставлены в нем история и современность! Поэт обращается к «сынам снегов, сынам славян» с призывом сохранить веру в то, что погибнет их тиран, *«как все тираны погибали!»* (курсив мой. — К. Л.).

*До наших дней при имени свободы
Трепетает ваше сердце и кипит!..
Есть бедный град, там видели народы
Все то, к чему теперь ваш дух летит.*

Лермонтов не мог назвать имена героев, к которым обращены были эти слова. Но думается, что они адресованы тем, кто после поражения декабрьского восстания

¹ Огарев Н. П. Избранное. М., 1977, с. 173.

² Эйхенбаум Б. М. Статьи о Лермонтове. М. — Л., 1961, с. 13.

1825 года был сослан «во глубину сибирских руд» и ко-го Пушкин призывал «хранить гордое терпенье».

За строкой «как все тираны погибали!» стоит не только знание поэтом истории — русской и европейской, — но и знание событий своего времени.

В «холерный» год по России прокатилась волна крестьянских восстаний, солдатских бунтов в военных поселениях. В июльские дни 1830 года в Париже вспыхнула революция. Албанский народ восстал против турецких угнетателей. Лермонтовские стихи этой поры свидетельствуют, что он был тогда захвачен и антикрепостнической борьбой русского крестьянства, и национально-освободительной борьбой албанского народа, и июльской революцией в Париже, где народ требовал суда над королем-преступником Карлом X, отрекшимся от престола и бежавшим в Англию.

*О! чем заплатишь ты, тиран,
За эту праведную кровь —
За кровь людей, за кровь граждан...*

Событиям Французской революции Лермонтов посвятил стихотворение «30 июля. — (Париж). 1830 года». Гроза пролившему «кровь граждан» тирану народным судом, Лермонтов предрекал ему справедливую кару:

*Ты обернешь молящий взгляд,
И строй кровавый закричит:
Он виноват! он виноват!*

Тем же событиям во Франции посвящено юношеское стихотворение Лермонтова «10 июля (1830)», проникнутое острейшим антидеспотическим пафосом и открыто выраженным сочувствием французскому народу, выступившему под «знаменем вольности кровавой».

Реакционно настроенные профессора Московского университета, разумеется, не знали ни этих стихотворений Лермонтова, ни его ранних пьес «Испанцы» и «Станный человек», проникнутых страстным свободолобием, но «строптивое» поведение студента-поэта заставляло их относиться к нему не только с настороженностью, но и с нескрываемой подозрительностью.

Герцена арестовали по выдуманным «уликам». Полиция узнала про студенческую пирушку, на которой пелись песни с «неприличными» насмешками над... императором.

И хотя Герцен не был на этой вечеринке, его арестовали, устроили у него дома обыск, забрали письма Огарева к нему и рукописи статей, а после суда Бенкендорф сообщил графу Блудову о том, что «причиной ссылки Герцена из Москвы был обнаруженный им в письмах непозволительный образ мыслей...»¹

Пройдет менее пяти лет жизни Лермонтова в Петербурге, и эта же «формула» будет применена к нему шефом жандармского корпуса, графом Бенкендорфом.

¹ Нович И. Молодой Герцен, М., 1980, с. 115.



ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Проезд

Лермонтова и Е. А. Арсеньевой из Москвы в Петербург. — Остановка в Новгороде. Произведения «Новгородского цикла». Первые впечатления от северной столицы. — Попытка поступить в столичный университет. — Два «страшных года» в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. — Производство в корнеты. — Написанное Лермонтовым в Юнкерской школе. — Светская и полковая жизнь. — Первые опубликованные произведения поэта. — Главные темы его творчества первой половины 30-х годов.



В начале августа 1832 года Лермонтов и Е. А. Арсеньева выехали из Москвы в Петербург. В одном из писем, посланных с дороги в Москву, поэт жаловался: «Дело в том, что я обретаюсь в ужасной тоске: извозчик едет тихо, дорога пряма, как палка (...) и перо скверное!.. (...) Кажется довольно, чтобы истощить ангельское терпение, подобное моему».

Теплым августовским днем Лермонтов и Е. А. Арсеньева сделали короткую остановку в Новгороде. Здесь поэт написал стихотворение, в котором словно бы соединились мысли и чувства нескольких его произведений о «святой колыбели», где «вольности одной // Служил тот колокол на башне вечевой, // Который отзвонил ее уничтожение // И столько гордых душ увлек в свое паденье!» («Приветствую тебя, воинственных славян // Святая колыбель!..»).

Начинается это стихотворение восторженным словословием древнего Новгорода, а заканчивается вопросом к нему, в котором звучат и упрек и надежда:

— Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?

Как и в ранней романтической поэме Лермонтова «Последний сын вольности» (1831); здесь снова звучит укор современникам, пребывающим в покорном бездействии. В поэме он выражен с еще большей прямоотой и силой, чем в стихотворениях о Новгороде:

*Ужель мы будем только петь,
Иль с безнадежьем немым
На стыд отечества глядеть...*

В этом обращении героя поэмы Вадима к его друзьям звучат, как их принято называть современными литературоведами, «слова-сигналы», заключающие в себе определенные понятия, нередко их зашифровывающие, спасающие от цензорского красного карандаша, но, однако, вполне доступные для восприятия внимательными читателями произведений поэта. Вместе с тем они служат «ключевыми словами», помогающими читателю понять авторский замысел.

Из комедии Грибоедова «Горе от ума» перешли в народный язык слова-сигналы «дым отечества». (Помните, в одном из монологов Чацкого: «И дым отечества нам сладок и приятен»?) В лермонтовской поэме, как и во всех произведениях поэта о древнем Новгороде, «ключевыми словами» стали слова «стыд отечества». Что означают они в «Последнем сыне вольности»?

Эта ранняя поэма посвящена автором его другу по школе юнкеров Николаю Шеншину. В посвящении к ней есть строки:

*Прими ж, товарищ, дружеский обет,
Прими же песню родины моей...*

Лермонтов дает понять, что его «повесть», как он называет поэму, посвящена не только далекому прошлому, но и сегодняшнему дню родины. Описав, как «пред властью чужой//Склонилась гордая страна//И песня вольности святой...//Уже забвенью предана», поэт торжественно напоминает:

*Но есть поныне горсть людей
В дичи лесов, в дичи степей;
Они, увидев падший гром,
Не перестали помышлять.
В изгнаньи дальном и глухом,
Как вольность пробудить опять...*

Вслед за К. Ф. Рылеевым и другими поэтами-декабристами Лермонтов в поэме «Последний сын вольности» воспевает Вадима — легендарного героя древнего Новгорода, боровшегося за свою свободу и независимость.

Так по дороге из Москвы в Петербург Лермонтов встретился со старинным русским городом, о котором много думал, чья история и самый его образ послужили поэту основой для создания «Новгородского цикла» произведений, душой которых явилось чувство родины, не отвлеченной, а глубоко личной и деятельной любви к ней.

В начале августа 1832 года Лермонтов и Е. А. Арсеньева прибыли в Петербург и остановились в доме гостеприимного ее родственника Н. В. Арсеньева (дом сохранился до наших дней: угол Лермонтовского проспекта и улицы Союза печатников, д. №10-а/8).

На первых порах северная столица произвела на поэта неблагоприятное впечатление:

*Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный ворот,
Как шиш, торчит перед тобой;
Нет милых сплетен — все сурово,
Закон сидит на лбу людей;
Все удивительно и ново —
А нет не пошлых новостей!*

Так писал Лермонтов своей хорошей московской знакомой С. А. Бахметевой в первые дни своей петербургской жизни, полной хлопот, забот, визитов, встреч, всяческой суеты. Некоторое время С. А. Бахметева жила в доме бабушки Лермонтова. С нею и двумя ее сестрами он провел лето 1830 года в подмосковной усадьбе Столыпиных Середникове и очень с нею сдружился, хотя она и была намного старше его. Петербургские письма Лермонтова к ней, как и к М. А. Лопухиной, исполнены дружеского чувства, очень искренни и, несомненно, с полной откровенностью передают его настроения.

В столичном университете, куда Лермонтов хотел поступить, в это время, как и в других, добавили к двухгодичному сроку обучения еще год. Лермонтов решил стать военным и начал усиленно готовиться к экзаменам для поступления в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

«Я все еще не могу представить себе, какое впечатление произведет на вас такая важная новость обо мне; — писал он в Москву своему старшему другу М. А. Лопухиной, — я до сих пор предназначал себя для литературного поприща и принес столько жертв своему неблагодарному кумиру и вдруг становлюсь воином».

В ответном письме М. А. Лопухина выразила свое огорчение «дурной новостью», однако приняла ее как неизбежный для Лермонтова выход и, лучше, чем он, зная среду, в которую поэт вступал, старалась его предостеречь от излишней доверчивости к новым товарищам. «Ну вот, мой дорогой, — писала она, — теперь для вас приходит самый критический момент, ради бога, помните, насколько возможно, обещание, данное мне вами перед отъездом. Остерегайтесь слишком быстрого сближения с вашими товарищами, сначала узнайте их хорошо. У вас добрый характер и с вашим любящим сердцем вы можете быть быстро покоренным; особенно избегайте ту молодежь, которая бравировует всякими выходками и ставит себе в заслугу глупое фанфаронство. Умный человек должен быть выше всех этих мелочей; это не заслуга, а наоборот, это хорошо только для мелких умов, предоставьте им это и следуйте своим путем»¹.

Автор этих строк — старшая сестра друга Лермонтова — Алексея Лопухина — Мария Александровна. В письме Мария Александровна (она была на двенадцать лет старше Лермонтова) старается поддержать своего юного друга в трудный момент его жизни, когда ему нужно было сделать «выбор пути». «Мужайтесь, мой дорогой, мужайтесь! — пишет она, — не позволяйте разочарованию сломить вас, не отчаивайтесь, верьте мне, что все будет хорошо...»²

Некоторыми из советов Марии Александровны Лермонтов, поступив в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, воспользовался в полной мере, и это спасло его от многих неприятностей. Она предложила поэту прислать ей на сохранение все, что он написал до поступления в Школу: «Вы можете быть уверены, что я честно сохраняю присланное; и вы же будете в восторге, найдя это когда-нибудь». Она предостерегала доверчивого

¹ Письма к Лермонтову. — В кн.: Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6-ти т., т. 6, с. 762—763. (Подлинник по-французски.)

² Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6-ти т., т. 6, с. 763.

юношу, каким успела его узнать за годы знакомства: «Если вы будете продолжать писать, не делайте этого никогда в школе и не показывайте ничего вашим товарищам, потому что иногда самая невинная вещь доставляет нам гибель»¹.

Очень скоро Лермонтов убедился в том, какой это был важный и для него совершенно необходимый совет. Но даже казарменный распорядок, какой существовал в Школе, не мог помешать ему писать. Он очень не хотел, чтобы кто-либо из юнкеров сообщил начальству, например, о романе «Вадим», тайно от товарищей по Школе написанном им в ночные часы в отдаленных классных комнатах.

Лермонтов подвергал себя риску, но вот какие признания вырывались у него в одном из писем к московским друзьям в первые дни жизни в Петербурге:

*Я жить хочу! Хочу печали
Любви и счастию назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело;
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман: —
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан? (Подчеркнуто мной. — К. Л.)*

Двумя неделями позднее Лермонтов пошлет в письме М. А. Лопухиной стихотворение «Белеет парус одинокий...», проникнутое тем же настроением, что и стихотворение «Я жить хочу! Хочу печали...».

Эти два произведения, близкие по времени написания, взятые не только в их эстетически-философском значении, а и в значении исповедально-биографическом, воспринимаются как сигналы, предвещающие уже в недалеком будущем такие события в жизни Лермонтова, которые выведут его на прямой путь борьбы с гигантскими силами зла, к всенародной славе, пришедшей к нему одновременно с травлей и с гонениями, к трагическому безвременному концу, к бессмертию его имени и поэтического наследия, предсказанному Белинским, Герценом — теми, кто, как и он, отдали свою жизнь борьбе с погубившим Лермонтова злом...

¹ Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6-ти т., т. 6, с. 763.

Подумать только, гениальный поэт, уволенный из Московского университета и не принятый в Петербургский, держит экзамены в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в числе других «недорослей из дворян», как сказано в журнале исходящих бумаг Школы на 1832 год. Эта же «аттестация» повторена в предписании командиру Школы генерал-майору К. А. Шлиппенбаху от 13 ноября 1832 года зачислить «недоросля из дворян Михаила Лермонтова, просящегося в лейб-гвардии Гусарский полк (...) на праве вольноопределяющегося унтер-офицером»¹.

В «Воспоминании о Лермонтове» его соученик по школе А. М. Меринский так объяснил смысл этого предписания: «В то время юнкера, находившиеся в школе, считались в полках и носили каждый своего полка мундир»². Чтобы получить первый офицерский чин, Лермонтову нужно было выдержать два года «маршировки», «парадировки» и прочих тягот в Школе, о которых он рассказал в «Юнкерской молитве».

Добавим к сказанному, что, выдержав вступительные экзамены, Лермонтов был зачислен кандидатом в Школу. И лишь через месяц с лишним последовало предписание ее командиру К. А. Шлиппенбаху произвести Лермонтова из кандидатов в юнкера.

В это время произошел несчастный случай. О нем рассказывает А. М. Меринский: «Сильный душой, он был силен и физически и часто любил выказывать свою силу». Лермонтов на занятиях в манеже, «подстрекаемый старыми юнкерами... чтоб показать свое знание в езде, силу и смелость, сел на молодую лошадь, еще не выезженную». Она стала «беситься» и задевать других лошадей, стоявших в манеже. «Одна из них ударила Лермонтова в ногу и расшибла ее ему до кости. Его без чувств вынесли из манежа. Он проболел более двух месяцев, находясь в доме у своей бабушки Е. А. Арсеньевой»³.

Вспоминая о Юнкерской школе (так позднее стала называться Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров), ее бывшие воспитанники рассказывают, что среди юнкеров царил «ребяческий дух», но что

¹ Мануйлов В. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова, с. 46.

² М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 130.

³ Там же.

они умели отделять школьничество, шутки от серьезных вещей, «когда затрагивались честь, достоинство, звание или наносилось личное оскорбление». К числу предметов, не заслуживающих внимания, относились занятия в классах. Они «посвящались обыкновенно разговорам, чтению книг, которые прятались по приходе начальника, игре в орлянку на задней скамейке и шалостям с учителем»¹.

А. М. Меринский рассказывает, что в Юнкерской школе «не позволялось читать книг чисто литературного содержания». Молодые люди, любившие чтение, могли уделять ему время только по праздникам, когда их отпускали из школы по домам. Ему случалось заходить к Лермонтову домой, и он «почти всегда находил его с книгою в руках»².

Меринский видел, что «в Юнкерской школе Лермонтов был хорош со всеми товарищами, хотя некоторые из них не очень любили его за то, что он преследовал их своими остротами и насмешками за все ложное, натянутое и неестественное, чего никак не мог переносить»³.

Не исключено, что уже в это время у одного из соучеников Лермонтова по Юнкерской школе — Н. С. Мартынова — зародилось чувство неприязни к поэту, вызванное завистью к его таланту, обидой самовлюбленного, ограниченного, злого позера и хвастуна на лермонтовские шутки и остроумные насмешки.

«Многие боялись его метких острот и шуток, — говорит о Лермонтове И. Л. Андроников. — Но в затеях и шалостях юнкеров он принимал самое живое участие. Не отставал он от них и на учениях: был силен и вынослив, крепко сидел на лошади, хорошо фехтовал на эспадронах (на саблях). Этим оружием, кроме него, владел только юнкер Мартынов — тот самый, имя которого проклинает каждый, кому дорога поэзия. Их встречи привлекали внимание. Фехтовали они ловко и хорошо»⁴.

Да, это тот Мартынов, который менее чем через десять лет, встретившись с Лермонтовым в Пятигорске, вызовет своего товарища по Юнкерской школе на его последнюю дуэль...

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 119, 121.

² Там же, с. 134.

³ Там же, с. 131.

⁴ Андроников Ираклий. Лермонтов. Исследования и находки, с. 557—558.

Лермонтов в письмах М. А. Лопухиной и другим московским друзьям, написанным через год после поступления в юнкера, уверял их, что очень изменился, что у него не осталось ни веры в прекрасное, ни счастливых грез. «...Мне нужны вещественные наслаждения, — писал он осенью 1833 года, — осязаемое счастье, счастье, за которое платят золотом, счастье, которое носят в кармане как табакерку; счастье, которое обманывает только мои чувства, оставляя душу в покое и бездействии».

Верный его друг Аким Шан-Гирей, живший в доме бабушки поэта, вносит поправки в то представление, которое хотел создать о себе юнкер Лермонтов в письмах к друзьям: «Нравственно Мишель в школе переменялся не менее, как и физически, следы домашнего воспитания и женского общества исчезли: в то время в школе царствовал дух какого-то разгула, кутежа, бамбашерства; по счастью, Мишель поступил туда не ранее девятнадцати лет и пробыл там не более двух; по выпуске в офицеры все это пропало, как с гуся вода»¹.

Квартира, нанятая Е. А. Арсеньевой, находилась «в нескольких шагах от школы», рассказывает этот родственник Лермонтова, и он «почти каждый день ходил к Мишелю с контрабандой», принося ему от бабушки паштеты, конфеты и другие угощения. Но — и это главное — Шан-Гирей видел своими глазами нравы и обычаи, царившие в Юнкерской школе, очень сочувствовал Лермонтову и боялся за него. Два года, проведенные в ней поэтом, он называет «злополучными годами» и вместе с Е. А. Арсеньевой радовался от души, когда его друг Мишель был произведен в офицеры. Произошло это 4 декабря 1834 года, когда в приказе командира Школы было объявлено, что юнкер Лермонтов произведен в корнеты² лейб-гвардии Гусарского полка.

В письме к М. А. Лопухиной, полном грустных мыслей о своем будущем, поэт попрощался со школой словами: «Двух страшных годов как не бывало...»

По выходе из Юнкерской школы Лермонтов делил свое

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 39. — Заметим, что поэт поступил в Школу юнкеров не девятнадцати, как пишет Шан-Гирей, а восемнадцати лет.

² К о р н е т — младший офицерский чин в русской кавалерии, введенный в 1801 году. Соответствовал чину прапорщика, а с 1884 года — чину подпоручика в пехотных частях.

время между Царским Селом (где стоял его Гусарский полк) и Петербургом, где вел образ жизни, принятый в среде молодых аристократов. «Я увидел, вступая в свет,— писал он А. М. Верещагиной в Москву,— что у каждого имеется свой пьедестал: богатство, имя, титул, покровительство... Я понял, что если бы мне удалось кого-нибудь занять собой, то другие незаметно займутся мной, сначала из любопытства, а потом из соревнования».

В том же письме он жалуется на одиночество, которое стал чувствовать особенно остро после отъезда бабушки из Петербурга: «Перспектива остаться в первый раз в жизни совершенно одному — меня пугает. Во всем большом городе не останется ни единого существа, которое действительно мне сочувствует».

Жалоба Лермонтова на полное одиночество не вполне справедлива. В начале 30-х годов в Петербурге появился дальний родственник поэта Святослав Раевский, знавший его с детских лет. Позднее, в петербургские годы их совместной жизни в доме Е. А. Арсеньевой, по словам Раевского, «коротко с ним (с Лермонтовым) сошелся»¹.

Раевский был шестью годами старше Лермонтова. В 1827 году он окончил нравственно-политическое отделение Московского университета, кроме того, прослушал лекции на словесном и физико-математическом отделениях. Свои широкие познания он успешно применял в журналистике. Раевский познакомил Лермонтова с кружком редактора «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду», а затем и журнала «Отечественные записки» А. А. Краевского. На страницах этого журнала впервые были напечатаны почти все произведения Лермонтова, которые он сам считал возможным отдать на суд читателю. В «Отечественных записках» появились знаменитые статьи Белинского о стихотворениях Лермонтова и его романе «Герой нашего времени».

Раевский помогал Лермонтову: под его диктовку он переписывал роман «Княгиня Лиговская».

Таким преданным друзьям Лермонтова, как С. А. Раевский и А. П. Шан-Гирей, мы обязаны тем, что узнали много ценнейших сведений о жизни поэта, его творчестве, увлечениях, характере, взаимоотношениях с теми, кто был рядом с ним и в раннем детстве, и во все другие периоды его короткого жизненного пути.

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 389.

Нельзя, однако, не заметить, что и самые близкие к поэту люди были не всегда точными в своих воспоминаниях о нем, написанных спустя много лет после его гибели.

Так, например, А. П. Шан-Гирей утверждает, что в годы пребывания в Школе юнкеров Лермонтов, приходя домой по праздникам и воскресеньям, «ровно ничего не писал»¹.

Этому трудно поверить. Вряд ли написанное в Школе тайком от товарищей, никому из них не показанное, Лермонтов не уносил домой, где жила Е. А. Арсеньева. А. П. Шан-Гирей все лермонтовское творчество 1832—1834 годов сводит к эпиграммам, «вольным» стихам, печатавшимся в рукописном журнале «Школьная заря», а также к «знаменитой в свое время» поэме «Уланша», относящейся к циклу «юнкерских поэм», в которых поэт отдал дань царившему в Школе «духу какого-то разгула, кутежа», легкомыслия, грубого веселья, о которых рассказывает А. П. Шан-Гирей в своих «Воспоминаниях»².

Но в эти же годы Лермонтов написал произведение в прозе «Панорама Москвы», поэму «Хаджи Абрек», работал над романом из эпохи Пугачевского восстания «Вадим», над пятой редакцией поэмы «Демон». Он написал тогда же несколько стихотворений, которые включил в тексты писем своим московским друзьям («Белеет парус одинокий...» и другие). Наброски сатирических портретов людей светских, аристократов, злые эпиграммы на них воспринимаются как «заготовки» к драме «Маскарад», написанной Лермонтовым в первый же год после окончания Школы юнкеров, когда он лицом к лицу встретился со столичным «высшим светом», познакомившись с самыми разными его представителями — от тех, кто совсем недавно приобрел громкие титулы, «отличившись» участием в подавлении декабрьского восстания, до царской фамилии.

Первым произведением Лермонтова, появившимся в печати, стало стихотворение «Весна». Оно было опубликовано в 1830 году в московском журнале «Атеней», издававшимся профессором университета М. Г. Павловым.

«Весна» входит в так называемый «сушковский цикл» ранних стихотворений Лермонтова, появление которых

¹ Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 40

² Там же, с. 39.

связано с увлечением поэта Екатериной Сушковой, позднее включившей в свои «Воспоминания» посвященные ей лермонтовские стихи. «Весна» — типичное произведение романтической любовной лирики поэта.

Из ранних лермонтовских поэм первой была напечатана поэма «Хаджи Абрек». Она была написана Лермонтовым в 1833 году в Школе юнкеров. Без ведома автора его дальний родственник и товарищ по Школе Н. Д. Юрьев отвез текст поэмы журналисту О. И. Сенковскому, и тот напечатал ее в «Библиотеке для чтения» (1835 г., т. XI, отд. 1).

Сохранились сведения о том, что Пушкин был заинтересован лермонтовскими стихами, восхищался ими и что номер журнала с «Хаджи Абреком» сохранился в его библиотеке¹.

Служивший вместе с Лермонтовым в лейб-гвардии Гусарском полку граф А. В. Васильев был знаком с А. С. Пушкиным. Впоследствии он вспоминал, что Пушкин сказал о ранних произведениях Лермонтова, с которым никогда не встречался: «Далеко мальчик пойдет». Это свидетельство Васильева не получило подтверждения у других мемуаристов².

Добрые слова о «Хаджи Абреке» сказал В. Г. Белинский в рецензии на сборник «Стихотворения М. Лермонтова», отметив, что на поэме, как и на других произведениях ее автора, лежит печать «его мощного, крепкого таланта».

«Хаджи Абреку» предшествовали несколько лермонтовских поэм, написанных на кавказском материале. Это — «Каллы», «Аул Бастунджи» и другие. Завершая этот цикл романтических произведений о Кавказе, поэт в «Хаджи Абреке» обращается к традиционной для них теме измены и кровной мести и решает ее в духе горских легенд, добиваясь исключительной энергии стиха. Однако пройдет шесть лет, и Лермонтов снова вернется к кавказскому материалу — в поэме «Беглец» (1839) еще раз зазвучит тема измены и мести. Энергия стиха, его напряжение здесь еще выше, а главная тема будет решаться не только как национальная, но и общечеловеческая³.

¹ Лермонтовская энциклопедия, с. 600—601.

² Там же, с. 80.

³ Это было отмечено Л. Гинзбург в кн.: Творческий путь Лермонтова. Л., 1940, с. 47.

В первой половине 30-х годов прошлого века в русской литературе широкое развитие получают прозаические жанры повести и романа. В то время когда Пушкин работает над «Капитанской дочкой» и «Историей Пугачева», Лермонтов также обращается к «пугачевской» теме и создает свой первый роман «Вадим»¹.

Исследователями творчества поэта доказано, что у повести А. С. Пушкина «Дубровский» и у лермонтовского «Вадима» один источник. «...Нам становится ясным, — пишет И. Л. Андроников, — что в работе над «Вадимом» Лермонтов опирался на материал, связанный исключительно с пензенским краем, где находилось имение Е. А. Арсеньевой Тарханы и поместья ее родни — Столыпиных. Легко предположить, что Лермонтов описал как раз те места, где было имение бабки»².

Но тот же исследователь справедливо указывает, что «Лермонтов в своем романе отразил (...) характерную черту пензенского восстания — «пугачевщину» без Пугачева»³. Известно, что сам Пугачев не появлялся ни в Тарханах, ни в окружавших имение Е. А. Арсеньевой деревнях, но его «пугачевцы» были в этих краях и творили суд и расправу над помещиками.

Лермонтов широко воспользовался для романа «Вадим» воспоминаниями о пугачевщине своих родственников, соседей-дворян, а также крестьян села Тарханы и прилегающих к нему других сел и деревень.

Роман «Вадим» примечателен также тем, что образ главного героя, несущий в себе черты романтического «благородного злодея», дан на фоне народных, крестьянских сцен, написанных в реалистическом ключе. Можно предположить, что соединить эти резко контрастные способы изображения начинающему романисту, каким был автор «Вадима», оказалось не под силу и потому роман остался незавершенным.

Резкая контрастность характерна также в изображении

¹ Рукопись романа не была завершена Лермонтовым и оставлена без названия. Оно было дано редакторами первых изданий романа по имени главного героя. Лермонтовед С. Ломинадзе считает «Вадима» завершенным произведением, в котором «ни убавить, ни прибавить» (Ломинадзе С. «Поэтический мир Лермонтова». М., 1985, с. 262).

² Андроников Ираклий. Лермонтов. Исследования и находки, с. 102.

³ Там же, с. 103.

автором романа «барства дикого»¹ и людей из народа — суровых в своем праведном гневе, жалостливых и добрых, когда надо помочь людям, попавшим в беду.

Автор романа поэтизирует подвиг простого русского человека: «В важные эпохи жизни, когда в самом обыкновенном человеке разгорается искра героизма, неизвестно доселе тлевшая в груди его, и тогда он совершает дела его, о коих до сего ему не случалось и грезить, которым даже после он сам едва верует».

Трудно переоценить значение незавершенного романа «Вадим» для идейного и творческого развития Лермонтова. Как и Пушкин в «Капитанской дочке» и «Дубровском», Лермонтов выходил в «Вадиме» к эпохальным темам: народ и крепостной строй, народ и дворянство, родина и ее судьбы.

В романе «Вадим» усиливается и усложняется психологический анализ мыслей и чувств главного героя. Вводя его в реалистически описываемую обстановку, Лермонтов придает монологам Вадима исповедальный, повышенно-страстный тон, рисует его внешний облик и внутренний мир, используя средства романтической стилистики. Исследователями отмечены нити, связывающие Вадима с героем ранних лермонтовских поэм, в частности с образом Демона из первых редакций поэмы «Демон». Несомненна также связь тревожных размышлений Лермонтова, нашедших отражение в его лирике 1830—1831 годов, с авторскими отступлениями, занимающими заметное место в романе «Вадим». Это позволяет отнести «Вадима» к числу произведений во многом автобиографических.

¹ Слова-сигналы из стихотворения Пушкина «Деревня».



ГЛАВА ПЯТАЯ

Т

еатральные увлечения юного Лермонтова. — Пьесы Шиллера и Шекспира. — Первые драматургические замыслы. — Театр в жизни Лермонтова-студента. — Первые пьесы: «Люди и страсти», «Испанцы» и «Странный человек». Их связь с лирикой поэта. — «Маскарад» — крупнейшее из произведений Лермонтова-драматурга. Главный герой «Маскарада» и его окружение. Глубины творческого метода и новое в стиле и поэтике пьесы. Ее сценическая судьба. — «Два брата» — последняя из пьес Лермонтова.



рудно сейчас сказать, какое из искусств раньше других увлекло Лермонтова: поэзия, музыка или живопись. Еще труднее установить, когда он увлекся театром. Известно, что ему шел всего пятый год, когда он впервые «переступил порог» театра в Москве, куда его привезла Е. А. Арсеньева летом 1819 года. 1 июля он смотрел с бабушкой оперу «Невидимку»¹. Видимо, она произвела на него впечатление, так как в 1827 году он снова смотрел эту оперу, о чем написал своей двоюродной тетушке М. А. Шан-Гирей.

В том же письме тринадцатилетний Лермонтов просит прислать принадлежащие ему «воски» и вот для чего: «...мы сами делаем Театр, который довольно хорошо выходит и будут восковые фигуры играть...»

«Устроителями» этого театра были сын Марии Акимовны Шан-Гирей — Аким, дети соседей Мещериновых и будущий художник М. Н. Меликов, познакомившийся с Лермонтовым в 1826 году.

¹ Волшебно-комическая опера «Князь-Невидимка», или «Личардово-волшебник», в 4 действиях, музыка композитора К. А. Кавоса (1776—1840).

Как пишет Б. М. Эйхенбаум, «детские игры в театр с «восками» были тогда очень распространены по всей Европе; это было, конечно, отражением той популярности, которую приобрел театр в широкой публике»¹. Это «все-европейское» увлечение нашло отражение в замечательном романе И. В. Гёте «Ученические годы Вильгельма Мейстера», главный герой которого «вскоре от кукольного театра (...) перешел к живой игре. Началась лихорадочная работа над созданием пьес и инсценировок»².

Бабушка Лермонтова могла бы повторить слова, сказанные Вильгельму Мейстеру его матерью: «Сколько раз укоряла я себя за этот проклятый кукольный театр, подаренный вам мною на рождество двенадцать лет тому назад и впервые внушивший вам любовь к сцене»³.

Юный Лермонтов сочинял для кукольного театра сценарии, сценки и либретто. Позднее он искал сюжеты для драм и трагедий на исторические и современные темы, а в студенческие годы и для своих первых пьес.

В пансионские и университетские годы Лермонтов участвует в бурных спорах, которые вела молодежь о пьесах Шиллера и Шекспира и их постановках на сценах московских и петербургских театров.

В письме к М. А. Шан-Гирей Лермонтов со всем пылом юности старается убедить свою «тетиньку» в том, что Шекспир — величайший из драматургов во всей вселенной. «Вступаюсь за честь Шекспира» — так начинается это письмо⁴. Интересно, что его заступничество за великого английского драматурга не сводится к тому, чтобы объяснить смысл драмы «Гамлет». Лермонтов резко критикует скверные переводы шекспировской пьесы на русский язык и горько сетует на то, что «эти переводы, к сожалению, играют у нас на театре». Он бранил дельцов театра за произвольное исключение замечательных сцен «Гамлета» из текста пьесы в дурных ее постановках.

Далее молодой поклонник Шекспира приводит свой перевод некоторых сцен пьесы и восклицает: «И это не прекрасно!»

¹ Эйхенбаум Б. М. Статьи о Лермонтове, с. 136.

² Там же, с. 135.

³ Гёте И. В. Собр. соч.: В 13-ти т., М., 1935, т. VII, с. 24.

⁴ Исследователи датируют его весьма условно: «Москва, февраль 1831 или 1832» (VI, 407).

Заклячая, Лермонтов говорит: «Ваше письмо меня воспламенило: как обижать Шекспира?»

Лермонтов никому не позволял «обижать» и другого великого драматурга и поэта — Фридриха Шиллера.

В ранних лермонтовских пьесах чувствуется влияние Шиллера и в построении, и в романтически приподнятых над окружающей их средой главных героях. Однако это не помешало молодому автору сказать правду о крепостничестве в России.

Увлечение немецким поэтом в пансионские годы побудило Лермонтова осуществить переводы «из Шиллера». Это — «Три ведьмы» (отрывок из шекспировского «Макбета» в переводе Шиллера), «Встреча», «Баллада» («Над морем красавица-дева сидит...»), «Дитя в люльке», «Перчатка» и другие.

Переводами произведений иностранных авторов Лермонтов занимался в течение всей жизни. Он обращался не только к творчеству Ф. Шиллера, но и к таким поэтам, как И. В. Гете, Д. Байрон, Г. Гейне, А. Мицкевич. «Переводы» у Лермонтова большей частью не столько воспроизводят оригинал, — пишет А. В. Федоров, — сколько являются вариацией на мотивы иноязычного автора, или так называемым вольным подражанием. В них Лермонтов чрезвычайно самостоятелен; он сохраняет специфику подлинника лишь в той мере, в какой она отвечает его творческим интересам¹.

В пансионские и университетские годы Лермонтова театральная Москва увлекалась гениальным русским актером П. С. Мочаловым, исполнявшим главные роли в пьесах Шиллера. Лермонтов писал в 1829 году М. А. Шан-Гирей: «Помните ли, милая тетинька, вы говорили, что наши актеры (московские) хуже петербургских. Как жалко, что вы не видали здесь *«Игрока»*², трагедию *«Разбойники»*³. Вы бы иначе думали. Многие из петербургских господ соглашаются, что эти пьесы лучше идут, нежели там, и что Мочалов в многих местах превосходит Каратыгина».

Это лермонтовское письмо относится к весне 1829 года.

¹ Лермонтовская энциклопедия, с. 370.

² «Игрок» — мелодрама Дюканжа (1783—1833) шла в переводе Ф. Ф. Кокошкина под названием «Тридцать лет, или Жизнь игрока»

³ «Разбойники» — драма Ф. Шиллера (1781), шла в переделке Н. Сандунова.

А осенью того же года юный В. Г. Белинский писал из Москвы родителям, что он уже успел четыре раза побывать в театре и «видел в ролях *Отелло* и *Карла Моора* знаменитого *Мочалова*, первого, лучшего трагического московского актера, единственного соперника *Каратыгина*. Гений мой слишком слаб, слишком ничтожен, недостаточен, чтобы достойно описать игру сего неподражаемого актера, сего необыкновенного гения, сего великого артиста драматического искусства»¹.

Из писем Лермонтова и Белинского выясняется, что оба они были не только страстными поклонниками артистического таланта Мочалова, но и могли «постоять» за него, когда кто-либо ставил его «ниже» актера петербургского Александринского театра В. А. Каратыгина.

В оценках Лермонтовым и Белинским Шиллера и Шекспира также много сходного. Не отсюда ли зародилась взаимная симпатия поэта и критика, обнаружившая себя много времени спустя при их недолгом личном знакомстве?

Итак, Лермонтов готовился к созданию своей первой пьесы. Он тщательно выбирал для нее сюжет. В его тетради появляются записи сюжетов — «разбойничьего», «из римской истории», «испанского», «русского» (о молодом человеке «недворянского происхождения») и других, но ни один из них не увлек его настолько, чтобы он предпочел его другим.

Но вскоре Лермонтов стал работать почти одновременно над двумя пьесами: «Испанцы» и «Люди и страсти». Время их создания — начало 30-х годов. Время действия в «Испанцах» — историческое (конец XV или первые годы XVI века), а в пьесе «Люди и страсти» запечатлена современность. В первой из них Испания под властью инквизиции, во второй — Россия под крепостническим гнетом. «Испанцы» написаны вольным стихом, «Люди и страсти» — прозой. В первой из них язык возвышенно-риторический, во второй — язык бытовой у всех персонажей, кроме главного героя, который, чтобы сильнее выразить свои чувства, нередко прибегает к риторике.

Обе пьесы Лермонтова проникнуты пафосом свободного любия, негодованием против любых форм деспотизма — социального, национально-расового, религиозного.

¹ Белинский В. Г. Избранные письма в двух томах, т. 1, М., 1955, с. 6.

Исследователи ранней драматургии поэта полагают, что, приступая к работе над «Испанцами», Лермонтов не думал писать историческую трагедию «условного стиля» в духе таких хорошо известных ему пьес, как «Дон Карлос» Ф. Шиллера, «Эрнани» В. Гюго и другие. «Испания,— утверждает Б. М. Эйхенбаум,— понадобилась Лермонтову только как исторический материал, при помощи которого можно было высказать свои мысли о положении на родине. Ему не нужны ни короли, ни герцоги; ему не нужна даже хронология. Действие «Испанцев» происходит в Кастилии (как указано в ремарке), но когда — неизвестно: на это нет никаких прямых указаний ни в ремарках, ни в тексте»¹.

Это мнение об «условной» Испании в пьесе Лермонтова разделяют и другие лермонтоведы². Но есть и иная точка зрения на характер «историзма» в трагедии «Испанцы». В ней, как пишет Н. М. Владимирская, «обобщенность и романтическая условность изображения сочетаются с конкретностью исторических деталей и национального колорита»³.

Известно, что в юные годы поэт был увлечен семейным преданием о происхождении рода Лермонтовых от мифического испанского герцога Лермы. Свои письма к друзьям, да и стихи в альбомы к подругам юности он иногда подписывал так: М. Lerma.

Герцога Лерму исследователи называют «мнимым испанским предком Лермонтова». После кончины поэта был найден в архиве документ о шотландском прапорщике Георге Лермонте, перешедшем в начале XVII века на русскую службу. Установлено, что М. Ю. Лермонтов «приходится ему прямым потомком 7-го поколения»⁴.

Но не только этой причиной был вызван его острый интерес к испанской теме в конце 20-х — начале 30-х годов. В западноевропейской и русской литературе и журналистике широкое освещение получили события, вызванные Испанской революцией 1820—1823 годов. Лермонтов — с его удивительной отзывчивостью на возникавшие в его время всплески освободительной борьбы народов — не мог не откликнуться и на события в Испании.

¹ Эйхенбаум Б. М. Статьи о Лермонтове, с. 156.

² Там же, с. 157, примеч. 80.

³ Лермонтовская энциклопедия, с. 200.

⁴ Там же, с. 467.

В поэме «Две невольницы» (1830) юный поэт нари-
совал романтические образы пленниц Султана Ахмета —
гречанки Заиры и испанки Гюльнары. Гордо поет Гюль-
нара «песнь Испании счастливой», «и часто, часто слово
мщенье звучит за томною струной».

Исследователи находят испанские мотивы в лермон-
товской «Исповеди», в стихотворении «Плачь! плачь Из-
раиля народ», в некоторых других произведениях поэта.
Но, разумеется, сильнее всего они звучат в трагедии «Ис-
панцы». Перенеся ее действие в средневековье, Лермонтов
построил драматический сюжет на противостоянии героя-
мятежника Фернандо с инквизиторами и другими носи-
телями зла. Ему противостоят спесивый, кичащийся своим
«древним семейством» дон Алварец (его дочь Эмилию
любит «безродный» Фернандо), корыстная жена его донна
Мария (мачеха Эмилии) и патер-иезуит Соррини — раз-
вратный и коварный злодей, признающий лишь «власть
золота». Об этих людях Фернандо судит, хорошо зная их
взгляды и поступки:

*У них и рай и ад,— всё на весах,
И деньги сей земли владеют счастьем неба,
И люди заставляют демонов краснеть
Коварством и любовью ко злу!..
У них отец торгует дочерьми,
Жена торгует мужем и собою,
Король народом, а народ свободой;
У них, чтоб угодить вельможе или
Монаху, можно человека
Невинного предать кровавой пытке!..
И сжечь за слово на костре, и под окном
Оставить с голоду погибнуть, для того,
Что нет креста на шее бедняка,
Есть дело добродетели великой!*

В борьбе против сильных мира сего Фернандо прибе-
гает к страшному средству: убивает свою возлюбленную
Эмилию, не находя иного способа вырвать ее из рук патера
Соррини. Фернандо знает, что ему грозят пытки и казнь.
Инквизиторы приговорили молодого испанца к сожжению
на костре.

Простые люди Испании воспринимают этот приговор
как торжество «гордого Фернандо» над палачами. «Он
смерть предпочитал позорной жизни», — говорит о героя

трагедии «4-й испанец» — человек из «народа», но другого пути не знал Фернандо.

Ни напряжения динамично разворачивающегося действия, ни гордых героев, ни чрезмерного накала борьбы нет во второй пьесе молодого Лермонтова «Люди и страсти», написанной, как и трагедия «Испанцы», в 1830 году.

В пьесе «Люди и страсти» Лермонтов изобразил семейные взаимоотношения, сходные с теми, какие сложились между бабушкой Лермонтова и его отцом.

Современники поэта легко угадывали прототипов драмы «Люди и страсти». Марфа Ивановна Громова — бабушка Лермонтова; Николай Михалыч Волин — его отец, Юрий Волин — Лермонтов и т. д.

Однако исследователи творчества Лермонтова давно и справедливо говорят о том, что не следует преувеличивать значение биографических моментов в пьесе.

Если Фернандо в «Испанцах» показан в обстановке, условность которой очевидна, то Юрий Волин в драме «Люди и страсти», сохраняя черты романтического героя, живет и действует в обстановке, типичной для деревенской помещицкой среды того времени.

В Юрии Волине, а затем в главном герое следующей своей драмы «Станный человек» Владимире Арбенине Лермонтов как бы накапливал черты, которые вскоре найдут широкое и полное воплощение в «герое нашего времени» — Григории Александровиче Печорине, о котором в кратком предуведомлении к роману автор скажет, что его герой — это «точно портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии».

Юрий Волин, Владимир Арбенин, Евгений Арбенин из драмы «Маскарад» — герои со своей судьбой, своими мыслями и чувствами. И вместе с тем каждый из них — сын своего времени, выразивший типические черты того поколения молодых дворян, на долю которого выпала тяжкая участь испытать на себе все беды переходной поры русского освободительного движения.

В «Станном человеке», как и в пьесе «Люди и страсти», конфликт строится на неблагоприятии родственных взаимоотношений (между родителями главного героя или между его бабушкой и отцом).

Юрия Волина и Владимира Арбенина роднит их богиборчество: в своих неудачах и бедах оба они винят бога, вступая с небом в «гордую вражду».

Владимир Арбенин — поэт, и в его монологах и репликах больше романтически-выспренных фраз и слов, чем у Юрия Волина. «Станным» человеком считают Владимира не только в гостиных московской знати, но и предавший его друг и любимая девушка.

Если образы Юрия Волина и Владимира Арбенина нарисованы «по-шиллеровски» приподнято, то окружающая их среда изображена «по-грибоедовски», в стиле комедии «Горе от ума». Один из персонажей в «Странном человеке» назван Чацким; в пьесе говорят о сумасшествии Арбенина, как и о безумии Чацкого в комедии Грибоедова.

Владимир Арбенин, Юрий Волин и Фернандо задуманы были героями, обладающими сильными характерами. Но ни одного из них нельзя назвать истинно сильным человеком, который бы мог повести борьбу за свои идеалы. Новой попыткой решить эту творческую задачу явилась пьеса Лермонтова «Маскарад». Создав три ее редакции, Лермонтов убедился в том, что пьеса ему удалась, и приложил много усилий, добываясь разрешения ее для постановки на сцене. Тогда же велись им переговоры и о напечатании пьесы.

«Маскарад» был направлен Лермонтовым в цензуру в октябре 1835 года, когда он еще почти никому не был известен как писатель. Однако пьеса неизвестного автора настолько встревожила цензоров, что те поспешили сообщить о ней шефу жандармов Бенкендорфу. Чем же «Маскарад» привлек внимание III отделения императорской канцелярии?

Хорошо осведомленный в делах этого мрачного учреждения, крупный чиновник А. Н. Муравьев позднее рассказал в своих мемуарах, по каким причинам цензура три раза запрещала драму «Маскарад». «Пришло ему (Лермонтову) на мысль, — указывает Муравьев, — написать комедию, вроде «Горе от ума», резкую критику на современные нравы...» Автору «хотелось видеть ее на сцене», и он настойчиво добивался разрешения драмы. Его настойчивость весьма не понравилась начальству, и это, как говорит Муравьев, «ему вскоре отозвалось неприятным образом»¹.

Двумя годами позднее сам Лермонтов писал по поводу запрещения его пьесы: «Драма «Маскарад», в стихах, от-

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 195—196.

данная мною на театр, не могла быть представлена по причине (как мне сказали) слишком резких страстей и характеров и также потому, что в ней добродетель недостаточно награждена».

Обращает на себя внимание многозначительная оговорка: «как мне сказали». Лермонтов отлично понимал, что жандармы по делам печати ему не все сказали, что дело было вовсе не в резких страстях и характерах.

В архивах царской цензуры сохранились отзывы цензоров о первой, второй и третьей редакциях драмы Лермонтова, из которых видны подлинные мотивы ее запрещения. «Я не понимаю, — возмущался цензор Ольдекоп, — как автор мог допустить такой резкий выпад против костюмированных балов в доме Энгельгардтов»¹.

«Маскарад» был встречен охранителями как вызов всему великосветскому придворному Петербургу. Все знали, что костюмированные балы у Энгельгардтов посещались самим императором и членами царской фамилии.

В лермонтовской драме с необыкновенной страстью зазвучал «железный стих, облитый горечью и злостью», направленный против тех, кто превратил свою жизнь в пестрый и шумный, блестящий и пустой маскарад. Только скрыв свои лица масками, эти люди позволяют себе быть такими, каковы они на самом деле.

«Повсюду зло — везде обман», — говорит о светском обществе герой драмы Евгений Арбенин. Плоть от плоти этого общества, им воспитанный и с ним связанный, Арбенин его осуждает. «Везде я видел зло, — говорит он, — и, гордый, перед ним нигде не преклонился».

Полюбив юную Нину, ставшую его женой, Арбенин вновь обрел утраченную веру в возможность добра и счастья. Ему захотелось «небесные мечты осуществить, предавшись надежде, и в сердце оживить все, что цвело в нем прежде». Радуюсь этим надеждам, он «воскрес для жизни и добра».

Однако воскресение Арбенина было недолгим. «Воскресший» Арбенин кровно связан с тем обществом, которое он отрицает, с головы до ног опутан паутиной светских отношений. Порочное, «арбенинское» настолько в нем сильно, что в мнимую измену Нины ему поверить легче, чем в ее невинность. Арбенин казнит Нину за обман, ложь, в которых он ее подозревает. До последнего

¹ См.: Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6-ти т. М.—Л., 1956, т. 5, с. 738.

ее вздоха он ждет признания в «измене» и раскаяния, со страшной настойчивостью добивается у нее этого признания. Может показаться, что Арбенин слишком легко поверил князю и Неизвестному, объявившим ему, что Нина не виновна. Лермонтов здесь ни на шаг не отступил от художественной правды. Всем своим поведением перед смертью Нина вызвала в Арбенине сомнения в ее «вине». Это была поистине страшная месть света Арбенину.

Великосветские интриганы казнят Нину руками Арбенина, а затем и самого Арбенина. «Ты надо мной смеялся, и я повеселиться рад», — говорит обезумевшему от горя Арбенину Неизвестный. И когда потрясенный Арбенин восклицает: «Не я ее убийца!», когда он бросается на князя и Неизвестного с криком: «Я задушу вас, палачи!» — в этом и заключена вся правда.

Чего хотел, чего добивался Неизвестный? «Давно хотел я полной мести, и вот вполне я отомщен!» В чем же выразилась полнота мести? «И этот гордый ум сегодня изнемог», — глядя на потерявшего рассудок, обессиленного Арбенина, говорит Неизвестный. Сломить «гордый ум» Арбенина, поставив его на колени, пригнуть к земле, растоптать его душу, разбить его счастье, вырвать у независимого, сильного, гордого человека страшное признание: «Тебя, как и других, к земле прижал наш век» — вот в чем полнота мести «света» Арбенину.

Холодным презрением отгородился Арбенин от мира, в котором жил. Он чувствовал себя чужим среди «блестящего и ничтожного» общества.

Арбенин горько жалуется на одиночество: «Они все чужды мне, и я им всем чужой». «Далеко, далеко от толпы завистливой и злой, я счастлив...» — говорит он Нине. Ей же он говорит перед ее смертью:

*Да, ты умрешь — и я останусь тут
Один, один... года пройдут,
Умру — и буду все один! Ужасно!*

Чувство одиночества, разобщенности присуще не только Арбенину. Его испытывал каждый, кто не хотел «гнуться» и «преклоняться». О том, что низкопоклонство было одним из важнейших и обязательных законов жизни общества, говорят даже мало чем примечательные персонажи драмы. Так, например, 3-й гость говорит на балу: «Не гнется гордый наш язык, за то уж мы как гнемся

добродушно». Неудивительно, что эти стихи стали пословицами!

Арбенин, вместо того чтобы «преклониться» перед злословием «света», перед клеветниками и интриганами, гордо заявляет: «Я докажу, что в нашем поколении есть хоть одна душа, в которой оскорбление, запав, приносит плод... О! Я не их слуга. Мне поздно перед ними гнуться...»

Он пришел к князю Звездичу, чтобы, подобно героям Шекспира и Шиллера, расправиться с ним одним ударом. Но он не нашел в себе решимости на убийство князя. Времена романтических героев прошли! Арбенин с презрением обращается к себе:

*Беги, красней, презренный человек.
Тебя, как и других, к земле прижал наш век*

Было бы ошибочно эти огромной, обобщающей силы стихи отнести только к данному «частному» случаю: несостоявшемуся убийству князя Звездича. Разве эти стихи не перекликаются с той характеристикой, которую дает князю Звездичу маска?

*Ты бесхарактерный, безнравственный, безбожный,
Самолубивый, злой, но слабый человек;
В тебе одним весь отразился век,
Век пынешний, блестящий, но ничтожный.*

«Язык и золото... вот наш кинжал и яд!» — как бы дополняет эту характеристику Арбенин.

«Повсюду зло — везде обман», — подводит он последнюю черту в характеристике своего общества и своего времени. Князю Звездичу Арбенин дает «урок», как надо жить в этом мире, где все продажно: «Все презирать: закон людей, закон природы».

А когда Звездич последовал этому совету в отношении к своему спасителю и его жене, Арбенин в отчаянии:

*Раз в жизни человека мне чужого,
Рискуя честью, от гибели я спас.
А он — смеясь, шутя, не говоря ни слова,
Он отнял у меня всё, всё — и через час.*

Раз в жизни Арбенин поступил не «по-арбенински» и жестоко поплатился.

Арбенин тяжело страдает. Но причина его страда-

ний — те же законы морали, которые он сам исповедовал и которым следовал до того, как, встретив Нину, «снова воскрес для жизни и добра». Но теперь эти законы обращаются против него, и он, быть может впервые, на самом себе почувствовал всю их губительную силу.

В самом деле, разве не «по-арбенински» поступает князь Звездич, интригуя Нину, стремясь к тому, чтобы Арбенин попал в число мужей, о которых он сам говорит Нине: «Беспечные, но жалкие мужья, которых некогда обманывал и я»?

Разве не «по-арбенински» поступает Неизвестный, жестоко мстя ему за то, что в пору юности Неизвестного Арбенин разорил его за карточным столом и на все мольбы и слезы «ответил смехом»?

Разве не «по-арбенински» поступает баронесса Штраль, когда, запутавшись в интриге с князем Звездичем, решает погубить Нину, лишь бы спасти свой престиж: «Нет, я себя спасу... хотя б на счет другой»?

Откуда же у Арбенина такая реакция на «арбенинские», в сущности, поступки других действующих лиц драмы? Старый друг и партнер Арбенина, Казарин, увидав страдающего Арбенина, думает, что тот притворяется, и говорит ему: «Да полно, брат, личину ты сними, не опускай так важно взоры. Ведь это хорошо с людьми, для публики, — а мы с тобой актеры».

Казарин привык видеть Арбенина в маске бессердечного, холодного эгоиста. Страдающий, потрясенный Арбенин ему непонятен и удивителен.

Сам Арбенин говорит о себе: «Любил я часто... чаще ненавидел, и более всего страдал».

В другом месте: «Каким страданиям земным на жертву грудь моя не предавалась, а я все жив». Такие персонажи пьесы, как Казарин и Неизвестный, видят в Арбенине злодея «по призванию». Им трудно поверить, что была пора, когда Арбенин был совсем другим человеком, душа которого была открыта «для жизни и добра».

Взволнованный воспоминаниями Казарина о молодости, которая проходила не только за вином и картами, а и в «беседах шумных», Арбенин восклицает: «О! Кто мне возвратит... вас, буйные надежды, вас, нестерпимые, но пламенные дни?»

Легче всего принять Арбенина за «рыцаря червоного туза», стосковавшегося по «зеленому полю». Но ведь к картам дорога для Арбенина никогда не была закрыта!

К картам у него давно пропал интерес. «Все тонкости их знаю, и вот зачем я нынче не играю», — говорит он князю.

О другом тоскует Арбенин. Он вспоминает «нестерпимые, но пламенные» дни своей юности.

Цензура помешала Лермонтову более определенно сказать о «буйных надеждах» его героя, у которого «пружина пылкого ума» вызывала «мысли гигантские».

Дважды в пьесе возвращается Арбенин к своим несбывшимся мечтам: первый раз в беседе с Казариным, второй — в объяснении с Ниной перед ее смертью. В чем обвиняет он Нину? «Быть может, я б успел небесные мечты осуществить, предавшись надежде, и в сердце б оживил все, что цвело в нем прежде, — ты не хотела, ты!»

Какие мечты хотел осуществить Арбенин, найдя себе счастье и успокоение в любви к Нине?

Стоит ли пытаться расшифровать авторские намеки и «недоговоренности» в образе Арбенина, поставить все точки над «и»?

Это неизбежно привело бы к домыслам и гипотезам, да и вряд ли это нужно. Важно понять, что за этими «недоговоренностями» скрыто не только глубоко личное, интимно-душевное, но и большое социальное содержание, что трагедия Арбенина включает в себе нечто такое, что выходит за рамки его личной судьбы.

В чем же смысл арбенинской трагедии?

Просвещение и образование, талант, душа, «кипучая как лава», стремление к большой деятельности — все, что было ему дано, не нашло себе применения.

В «нестерпимые, но пламенные дни» его юности, полной «буйными надеждами», отгремели пушки на Сенатской площади, и надолго наступила глухая пора «молчаливого замирания с платком во рту, — гибели без вести», — как писал Герцен, когда за одно смело сказанное слово грозили казематы Петропавловской крепости, ссылка в Сибирь на каторгу.

Богатая, деятельная, кипучая натура Арбенина нашла себе выход в сражениях на «зеленом поле» карточных столов. Арбенин, узнав «все хитрости» игры, ушел с «зеленого поля», растлевающее, опустошающее влияние которого он почувствовал и понял. В первой редакции драмы дан любопытный вариант мести Арбенина князю Звездичу. Арбенин хотел втянуть князя в игру, приковать его навсегда к карточному столу. Он говорит: «И жизнь твоя пройдет вся тут, за карточным столом, без мысли, од-

ноцветна как ассигнация...» Стоит сравнить эти слова Арбенина с той «поэтизацией» карточной игры, которой полны речи приятеля его молодости Казарина, чтобы увидеть глубокую разницу между двумя «друзьями».

В одной из сцен ранней редакции «Маскарада», сокращенной по требованию цензуры, Казарин говорит о том, что «годы тяжкие пришли»; он жалуется: «За то, что прежде как нелепость сходило с рук не в счет бедам, теперь Сибирь грозитя нам и Петропавловская крепость. В такие страшные года, когда все общество готово вдруг разорваться навсегда, нужней нам боле, чем когда, товарищ умный, господа, с огнем в груди и силой слова...» Казарин рекомендует своего старого друга: «Дарами этими вполне снабдил Арбенина создатель, он будет верен старине...»

Не странно ли, что этот шулер, для которого «жизнь — банк», дает очень точную политическую характеристику своего времени?

Редактор журнала «Библиотека для чтения» О. И. Сенковский писал о «Горе от ума»: «Подобно «Свадьбе Фигаро», эта комедия политическая: Бомарше и Грибоедов с одинаковыми дарованиями и равною колкостью сатиры вывели на сцену *политические понятия и привычки общества*, в которых они жили...»¹.

Нельзя отказать Сенковскому в том, что он правильно определил общественное значение комедии Грибоедова. Эта же характеристика целиком может быть отнесена к «Маскараду» Лермонтова. Становятся понятными и нападки на «Маскарад», брань и клеветнические измышления, которыми было встречено появление лермонтовской пьесы в печати.

Да, «Маскарад», как и «Горе от ума», — сатирическая и политическая пьеса.

В «Горе от ума» — дворянское общество до восстания декабристов, в «Маскараде» — оно же после разгрома декабристов. Луначарский говорил о «Горе от ума»: «Комедия — точный, совершенно точный самоотчет о том, как живет, вернее, как гибнет, как умирает на Руси умный человек»². Эти слова с полным основанием относятся и к «Маскараду». Как и политическая, гражданственная

¹ Библиотека для чтения, 1834, № I, отд. VI, с. 44.

² Луначарский А. Классики русской литературы. М., 1935, с. 160.

лирика поэта, неразрывно связанная с нею драма «Маскарад» явились «искренним эхом декабрьских настроений»¹.

Что же следует из несомненной близости «Маскарада» с «Горем от ума», из органической связи «Маскарада» с общественно-политической лирикой поэта 30-х годов?

Арбенин — не Чацкий, не повторяет Чацкого. В чем их главное различие? Чацкий находится вне того общества, которое он отрицает. Он лишь на короткое время сталкивается со стеной Фамусовых, Скалозубов, Молчалиных и бежит от них.

Арбенин — внутри того общества, которое он отрицает и с которым он сталкивается, от которого гибнет. Больше того, он заражен многими пороками своего общества.

Чем же более всего привлекает нас главный герой «Маскарада»? Какова его родословная? И не нарушаем ли мы истину, находя в Арбенине некоторые черты, присущие передовой дворянской молодежи 30—40-х годов прошлого века?

Арбенин не декабрист. Он принадлежит к последекабристскому поколению молодых дворян с его разочарованием, пессимизмом, раздвоенностью, противоречием между безудержными стремлениями к делу и жалкостью действий, жадой деятельности и невозможностью найти себе разумное применение.

Арбенин вызывает у нас сложное отношение: «действующий» Арбенин часто отталкивает от себя, но рассуждающий, осуждающий свои поступки, свое общество, обнаруживающий богатство натуры, страдающий и гибнущий Арбенин не может не вызывать к себе сочувствия.

Лермонтов осуждает Арбенина за его эгоизм, жестокость, за то, что Арбенин «не угадал своего назначения»... Но при этом Лермонтов гневно обличает петербургское общество, свет, растоптавший в Арбенине «все, что цвело в нем прежде», осуждает весь строй жизни, погубивший «буйные надежды» Арбенина.

Поединок гордого, независимого человека с «кучей каменных сердец» закончился его поражением. Человек этот погиб потому, что он не мог и не хотел

*В рядах дворянства с рабским униженьем,
Прикрыв мундиром сердце подлеца,
Искать чинов, мирясь с людским презреньем.*

¹ Луначарский А. Классики русской литературы. М., 1935, с. 187.

Ключи к раскрытию авторского замысла, положенного в основу «Маскарада», лежат в самом лермонтовском творчестве: «Дума», о которой Белинский сказал, что она принадлежит к произведениям, написанным кровью, дает ключ к раскрытию образа Арбенина. С нею связано и резко сатирическое изображение великосветского петербургского общества.

Как и в ранних лермонтовских пьесах, главный герой «Маскарада» — с явно выраженными романтическими чертами, а другие действующие лица драмы обрисованы реалистически, с оттенком язвительной иронии (баронесса Штраль, князь Звездич, банкомет Казарин), а некоторые — и с оттенком презрительного сарказма (сплетник Шприх).

Сосредоточив действие вокруг узкого круга лиц (их всего пять), Лермонтов выводит на сцену множество эпизодических персонажей (гости в маскараде и на балу, маски, сплетники, «рыцари» карточной игры и другие), не являющихся, однако, безликим фоном, а увлеченно занятых своим «делом» (танцы, сплетни, интриги, сражения за карточным столом) и в то же время проявляющих острейшую заинтересованность стремительным развитием главного конфликта, в который втянуты ведущие персонажи пьесы.

Чтобы передать ощущение этой многоликой, пестрой светской толпы, старающейся (особенно в сценах маскарада, бала, карточных баталей) быть оригинальной, изобретательной на выдумки, остроумной, Лермонтов использует широкие возможности вольного стиха (чаще всего разноstopного ямба). Добиваясь впечатления «маскарадного» характера жизни людей света и полусвета, автор пьесы насытил их реплики шутками, насмешками, каламбурами, намеками; их диалоги временами звучат, как удары хлыста — короткие, резкие, гулкие.

Подобные сцены возникали не раз перед глазами поэта, когда, после окончания Юнкерской школы, он вел светскую жизнь молодого гусарского офицера, бывая в домах столичной знати.

Каков же был результат? Что он вынес для себя, посещая карнавальные балы и танцевальные вечера во дворцах петербургской аристократии?

Об этом можно узнать из его писем, в Москву к М. А. Лопухиной и другим друзьям. Вот одно из них, написанное в Петербурге в конце декабря 1834 года: «...с

каждым днем я убеждаюсь все больше и больше, что из меня ничего не выйдет: со всеми моими прекрасными мечтами и моими неудачными опытами на жизненном пути... Я бываю теперь в свете... для того, чтобы меня узнали, чтобы доказать, что я способен находить удовольствие в хорошем *обществе*...» Но способен ли?

Льву Толстому принадлежит «формула», наикратчайшим образом определяющая полную несогласия жизнь супружеской пары, самую сущность семейного разлада. Толстой говорил так: «Вместе — врозь».

Этой «формулой» можно охарактеризовать и взаимоотношения Лермонтова со средой, к которой он принадлежал по рождению и воспитанию. Ею можно определить и взаимоотношения главных персонажей последней лермонтовской драмы «Два брата», написанной вслед за «Маскарадом».

Этой пьесой заканчивается цикл драматургических произведений Лермонтова, сюжеты которых целиком или частично основаны на его биографии. По поводу «Двух братьев» поэт писал из Тархан 16 января 1836 года С. А. Раевскому: «...пишу четвертый акт новой драмы, взятой из происшествия, случившегося со мной в Москве (...). Надо тебе объяснить сначала, что я влюблен».

Из какого же своего московского «происшествия» извлек Лермонтов основу сюжета новой драмы? Биографы поэта свидетельствуют, что это была его встреча с Варварой Александровной Лопухиной, недавно вышедшей замуж за Н. Ф. Бахметева.

О том, что значило для Лермонтова это событие, можно судить по воспоминаниям его друга А. П. Шан-Гирея, который писал о поэте: «Будучи студентом, он был страстно влюблен (...) в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную В. А. Лопухину; это была натура пылкая, восторженная, поэтическая, и в высшей степени симпатичная (...). Чувство к ней Лермонтова было безотчетно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей...»¹.

Далее А. П. Шан-Гирей рассказывает, что, уехав из Москвы в Петербург и поступив в Юнкерскую школу, а затем став корнетом, Лермонтов был на какое-то время захвачен шумной столичной жизнью, надолго оторвался от Москвы. В Петербурге до Лермонтова дошла весть о

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 36.

замужестве В. Лопухиной. В. Лопухина вышла замуж за человека старше ее, сухого, черствого, ревнивого. По чему она приняла такое решение, мы никогда не узнаем. По его настоянию была уничтожена переписка Варвары Александровны с Лермонтовым. Их последнее свидание в Москве, о котором Лермонтов написал С. А. Раевскому, проходило в присутствии мужа В. А. Лопухиной, а теперь В. А. Бахметевой...

Вере из пьесы «Два брата» и из романа «Княгиня Лиговская» во многом близка и своим характером, и безрадостной судьбой Варенька Лопухина-Бахметева. В Юрии многое от автора. А кто же Александр Радин? Ведь у Лермонтова не было брата, а по пьесе Юрий и Александр — братья. Александр по натуре своей эгоист, ставший разрушителем счастья даже близкого ему человека. А Юрий — мечтательный, легко воспламеняющийся, доверчивый романтик с доброй душой. Извечный конфликт добра и зла персонифицируется в этой пьесе Лермонтова, как в драме Ф. Шиллера «Разбойники», в образах двух родных братьев.

Как в ранних драмах и «Маскараде», Лермонтов в «Двух братьях» продолжает обличать аристократическое, светское общество. В предисловии к драме «Станный человек» Лермонтов спрашивает себя: «Справедливо ли описано у меня общество?» И отвечает: «Не знаю! По крайней мере оно всегда останется для меня собранием людей бесчувственных, самолюбивых в высшей степени и полных зависти к тем, в душе которых сохраняется хотя малейшая искра небесного огня!..»

Это отношение к знати, к аристократии, к придворным кругам столицы Лермонтов сохранит до конца своих дней. Великосветские знакомые Лермонтова скоро убедятся в том, что поэт никогда не пойдет к ним в друзья. Вскоре они станут травить его злобно, расчетливо и беспощадно. В посвящении к трагедии «Испанцы» он говорит:

*Нет! не для света я писал
Он чужд восторгам вдохновенья,
Нет! не ему я обещал
Свои любимые творенья.*

Не для света написаны были не только «Испанцы», а и все другие пьесы, составившие лермонтовский романтический театр, долго пробивавший себе дорогу на сцене

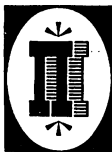
нические подмостки. Когда были преодолены препоны драматической, театральной и общей цензуры, через десятилетие спустя после кончины Лермонтова, «Маскарад» впервые увидели зрители: он был поставлен на сцене Александринского театра в Петербурге в 1852 году. А яркая сценическая жизнь замечательной драмы Лермонтова наступила лишь после Великого Октября. В после-революционные годы были поставлены на сцене и другие лермонтовские пьесы.



ГЛАВА ШЕСТАЯ

Ж

изнь корнета Лермонтова в Петербурге и Царском Селе. «Солнце нашей поэзии закатилось...» — гибель Пушкина на дуэли в январе 1837 года. Стихотворение «Смерть Поэта» и его огромный общественный резонанс. Допесение о нем Бенкендорфа Николаю I и царская «резолюция» Арест Лермонтова и его друга С. А. Раевского, распространявшего стихотворение. Полицейское «Дело о непозволительных стихах...». — Стихи, написанные Лермонтовым на гауптвахте Главного штаба. — Ссылка Лермонтова на Кавказ. Его поездки «от Кизляра до Тамани». Встречи со ссыльными декабристами, дружба с поэтом А. И. Одоевским. Знакомство с Н. А. Грибоедовой-Чавчавадзе. Стихотворение «Кинжал» и его «биография». —хлопоты Е. А. Арсеньевой о «прощении» Лермонтова. Его возвращение в столицу. — Лермонтовский «Поэт» и его место в русской гражданской, политической лирике. Дуэль Лермонтова с де Барантом. Новый арест поэта.



одневная летопись петербургско-царскосельской жизни молодого гусарского офицера Лермонтова, спешившего забыть «страшные годы», проведенные в Юнкерской школе, заполнена упоминаниями о балах и званых вечерах, о салонах знатных дам, стремившихся привлечь в свой круг тех, кто вызывал к себе внимание общества.

В последний день декабря 1834 года Е. А. Арсеньева писала давней знакомой о светской жизни внука: «Гусар мой по городу рыщет, и я рада, что он любит по балам ездить: мальчик молоденький, в хорошей компании и научиться хорошему, а ежели только будет знаться с молодыми офицерами, то толку не много будет»¹.

Бабушка напрасно беспокоилась. Лермонтова тянуло к людям, чьи интересы не замыкались службой, карьерой, легкими, бездумными забавами.

¹ Литературное наследство, т. 45—46, М. Ю. Лермонтов, П., М., 1948, с. 646.

Зимой 1834—1835 годов поэт был частым гостем в доме братьев Трубецких. Здесь он виделся с людьми, которые несколько лет спустя вместе с ним составят «Кружок шестнадцати». А домашний кружок у Трубецких один из его участников, художник Г. Г. Гагарин, охарактеризовал, как «небольшое общество исключительно добрых и честных юношей, очень дружных между собой. Каждый сюда приносит свой небольшой талант и, в меру своих сил, способствует тому, чтобы весело и свободно развлечься значительно лучше, чем во всех «чопорных» салонах»¹.

Однако в это «дружное» общество входил князь А. И. Барятинский. Соученик поэта по Юнкерской школе и сослуживец по Гусарскому лейб-гвардии полку, он сделал блестящую придворную и военную карьеру. Лермонтова он не любил. Завидуя славе поэта, он называл его «посредственным подражателем Байрона»². Роль его в событиях, приведших к трагической гибели Лермонтова, не вполне ясна, однако ясно одно: он ничего не сделал, чтобы ее предотвратить.

...Вся читающая Россия узнала имя Михаила Юрьевича Лермонтова в дни прощания с Пушкиным, убитым на дуэли. В те скорбные дни гневные строки стихотворения Лермонтова «Смерть Поэта», словно раскаты грома, прозвучали над Петербургом и отзвуки его прокатились над всей Россией.

В «Смерти Поэта» Лермонтов не только выразил на родную скорбь, но и бесстрашно назвал тех, кто погубил Пушкина: толпу вельмож, окружавшую царский трон. Он заклеил их как безжалостных палачей, погубивших великого поэта. Он предсказал им гибель неизбежную:

*И вы не смаете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!*

Стихотворение «Смерть Поэта» правящие круги николаевской России встретили с ненавистью и страхом: его текст был доставлен царю с припиской: «Воззвание к революции».

Но как могло случиться, что нигде не напечатанное стихотворение никому в ту пору не известного поэта в несколько дней стало достоянием тысяч людей? У Лер

¹ «Литературное наследство», т. 58, М., 1952, с. 274.

² Висковатый П. А., с. 186.

монтова, по болезни не выходившего из дому в дни прощания с Пушкиным, нашелся верный и энергичный помощник. Это был его ближайший друг — Святослав Раевский. Он много раз переписывал стихотворение «Смерть Поэта» и передавал знакомым снятые им копии, не сомневаясь в том, что с них будут сделаны новые списки и разосланы по Петербургу и другим городам. Резонанс, вызванный лермонтовским откликом на кончину Пушкина, был поразительным. Известный литератор И. И. Панаев в своих воспоминаниях попытался определить цифру рукописных копий стихотворения. «Переписывались в десятках тысяч экземпляров, перечитывались и выучивались наизусть всеми»¹.

«Виновник» столь быстрого рукописного «тиражирования» «Смерти Поэта», С. А. Раевский писал в своем объяснении по «Делу о непозволительных стихах...»: «Экземпляров просили полных, я раздавал и с прибавлением <более и более> стихи требовали...»²

О каком «прибавлении» говорил Раевский, давая свои письменные показания по требованию жандармов?

Узнав о смертельной ране Пушкина, полученной на дуэли с Дантесом, Лермонтов сначала создал текст стихотворения без последних 16 строк. Но когда ему стало известно, что в придворных кругах распространяют клевету на Пушкина, называя его виновником дуэли, Лермонтов был крайне возмущен. Свое негодование он излил, как говорит Раевский, в «известном прибавлении», содержащем 16 строк, первая из которых начинается словами, точно указывающими, кому они адресованы: «А вы, надменные потомки//Известной подлостью прославленных отцов...»

В дни прощания с Пушкиным Владимир Стасов (будущий художественный критик) — вместе с сокурсниками по Училищу правоведения — ощутил, как «заразителен был жар, пламеневший в этих (лермонтовских) стихах». «Навряд ли когда-нибудь еще в России, — утверждал Стасов, — стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление»³.

В наше время обнаружена неизвестная незавершенная

¹ Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1950, с. 96.

² Андроников Ираклий. Лермонтов. Исследования и находки, с. 49.

³ Щеголев П. Е. Книга о Лермонтове, вып. I, Л., 1929, с. 256—257.

статья о Лермонтове писателя и критика А. В. Дружинина. Вот как в ней оценивается стихотворение «Смерть Поэта»: «Когда погиб Пушкин, перенесший столько не отразимых обид от общества, еще недозревшего до его понимания, мальчик-Лермонтов в жгучем поэтическом ямбе первый оплакал поэта, первый кинул железный стих в лицо тем, которые ругались над памятью великого человека»¹.

Известный теоретик «чистого искусства», нападавший на проявления «тенденциозности» в художественных произведениях, Дружинин тем не менее был потрясен гигантской эмоциональной силой лермонтовского «тенденциозного», политического произведения, в котором к позорному столбу навсегда пригвождены гонители великого поэта, палачи Свободы, Гения и Славы. При этом они названы если и не поименно, то настолько прозрачно, что современникам не стоило труда разгадать имена «надменных потомков известной подлостью прославленных отцов». Они хорошо были известны Лермонтову. В его архиве найдена рукопись «Смерти Поэта» с перечислением на последней странице фамилий обличаемых Лермонтовым «надменных потомков». Кто они? Это «графы Орловы, Бобринские, Воронцовы, Завадовские, князья Барятинские, Васильчиковы, бароны Энгельгардты и Фредериксы» «Вот чьи потомки преследовали Пушкина! — пишет И. Андроников. — Их отцы достигли высокого положения при российском дворе и причислены к знати не за гражданские доблести, не за победы в сражениях и не за заслуги перед историей (...). Это — темные убийцы, готовые на все ради положения, богатства и власти»².

Им поэт противопоставляет «обломки игрою счастья обиженных родов». Достаточно вспомнить пушкинское стихотворение «Моя родословная», чтобы понять, что, подобно Пушкину, Лермонтов отвергал наглые попытки царедворцев — Бенкендорфов, Клейнмихелей, Дубельтов, Нессельроде — принизить историческое и национальное достоинство и значение тех русских дворянских родов, которые верой и правдой служили своему Отечеству.

¹ «Литературное наследство», т. 67 М., 1959, с. 630. — В дни прощания с Пушкиным Лермонтову, которого Дружинин называет «мальчиком», было 22 года.

² См. Андроников Ираклий Исследования и находки, с. 10 11

В начале второй половины февраля 1837 года Лермонтов был арестован, и его содержали под стражей в Главном штабе. Шеф жандармов Бенкендорф писал об этом Николаю I: «Я уже имел честь сообщить вашему императорскому величеству, что я послал стихотворение гусарского офицера Лермонтова генералу Веймарну; дабы он допросил этого молодого человека и содержал его при Главном штабе без права сношения с кем-нибудь извне, покуда власти не решат вопрос о его дальнейшей участи и о взятии его бумаг, как здесь, так и на квартире его в Царском Селе. Вступление к этому сочинению дерзко, а конец бесстыдное вольнодумство, более чем преступное. По словам Лермонтова, эти стихи распространяются в городе одним из его товарищей, которого он не хотел назвать»¹.

На донесении А. Бенкендорфа император написал: «Приятные стихи, нечего сказать. Я послал Веймарна в Царское Село осмотреть бумаги Лермонтова и, буде обнаружатся еще другие подозрительные, наложить на них арест. Пока что я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону».

Приведя эту царскую «резолюцию», начертанную на письме Бенкендорфа, И. Л. Андроников справедливо замечает, что сделать с Лермонтовым подобное тому, что было сделано с автором знаменитого «Философического письма» П. А. Чаадаевым (он незадолго до гибели Пушкина был объявлен сумасшедшим), Николай I не мог, ибо тогда нельзя было бы поступить с арестованным поэтом «по закону»².

В тот же день, когда царь прочел записку Бенкендорфа и наложил на ней свою «резолюцию», жандармы произвели обыск на квартире Лермонтова и Раевского и составили «Описи» писем и бумаг того и другого. И к названию «Дело о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтовым...» были добавлены слова: «...и о распространении оных гусарским секретарем Раевским».

¹ Мануйлов В. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова, с. 72.

² Андроников Ираклий. Лермонтов. Исследования и находки, с. 68.

На другой день Святослав Раевский отправил камердинеру Лермонтова записку и черновик своего объяснения по «Делу о непозволительных стихах...». «Андрей Иванович! — просил Раевский. — Передай тихонько эту записку и бумаги Мишелю. Надобно, чтобы он отвечал согласно с нею, и тогда дело кончится ничем... А если он станет говорить иначе, то может быть хуже...» Заканчивалась эта записка просьбой «потом непременно сжечь ее»¹.

Записка Раевского попала в руки жандармов и послужила добавочной уликой против него: он был наказан не только «за распространение сих стихов» («Смерть Поэта». — К. Л.), но «и, в особенности, за намерение тайно доставить сведения корнету Лермонтову о сделанном им показании...»².

Младший родственник поэта А. П. Шан-Гирей рассказывает: «Лермонтова посадили под арест в одну из комнат верхнего этажа здания Главного штаба (...). Под арестом к Мишелю пускали только его камердинера, приносившего обед; Мишель велел завертывать хлеб в серую бумагу и на этих клочках с помощью вина, печной сажки и спички написал несколько пьес, а именно: «Когда волнуется желтеющая нива...»; «Я, мать божия, ныне с молитвою...»; «Кто б ни был ты, печальный мой сосед...» и переделал старую пьесу «Отворите мне темницу...», прибавив к ней последнюю строфу «Но окно тюрьмы высоко»³.

Впервые оказавшись в заточении, Лермонтов вел себя мужественно. Однако, зная, что его участь будет решаться царем-деспотом, он не ожидал ничего для себя хорошего, очень волновался за судьбу своего друга С. А. Раевского, считая себя виновником обрушившихся на него репрессий.

Переживания и настроения поэта в эти дни воплотились в стихотворения так называемого «тюремного цикла»: «Кто б ни был ты, печальный мой сосед...» и «От-

¹ Мануйлов В. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова, с. 73.

² Там же, с. 75.

³ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 42—43. — Стихотворение «Кто б ни был ты, печальный мой сосед...» печатается под названием «Сосед», а стихотворение «Отворите мне темницу...» — под заглавием «Узник» (в основу его легло лермонтовское стихотворение 1832 года «Желание»).

ворите мне темницу...». Связанные с другими стихотворениями этого цикла («Сосед» (1830—1831), «Соседка», «Пленный рыцарь»), проникнутыми тревогой, тоской, ненавистью к тем, кто лишил его свободы, они содержат в себе и светлые мотивы.

Вслушиваясь в печальные песни незнакомого ему человека, томящегося в смежной камере, заключенный поэт воспламеняется стремлением к деятельности, к общению с людьми, как и он, достойными лучшего будущего:

*И лучших лет надежды и любовь
В груди моей все оживает вновь,
И мысли далеко несутся,
И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит — и слезы из очей,
Как звуки, друг за другом льются.*

В «Узнике», особенно в первой его строфе, с большой энергией переданы жажда жизни, любование ее радостями и любовь к ней.

С еще большей поэтической силой нарисованы Лермонтовым картины бесконечно много говорящей сердцу каждого человека родной ему природы в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...». Умиротворяя, утишая тревоги, помогая переносить тяжкие заботы, радуют людские души «тени сладостные» зеленого листка, обрызганный «росой душистой» лесной ландыш, «студеный ключ», играющий по оврагу. Как все это знакомо, близко и дорого поэту! И выражено всего в 16 строках, звучащих гармонично, составленных из слов простых, всем знакомых и лишь в концовке стихотворения возвышенно-торжественных:

*И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога...*

В этих двух строчках, завершающих стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива...», а также в созданном одновременно с ним стихотворении «Молитва» («Я, мать божия, ныне с молитвою...») и в других произведениях Лермонтова исследователи его творчества долгое время видели лишь черты глубокой религиозности поэта. Современное советское литературоведение религиозные мотивы в творчестве Лермонтова связывает с его бого-

борчеством, которое еще поэт-символист Вл. Соловьев называл «тяжкой поэта с богом». Мотивы этой «тяжбы» в лермонтовских произведениях, сталкиваясь с религиозными, берут над ними верх. Совершенно правы исследователи творчества Лермонтова, подчеркивающие, что бунтарство поэта «с его бесстрашием духа, мужественным неприятием несовершенства мира, уникально, необычно по силе и масштабности даже для русской классики с ее неизменно глубоким интересом к коренным проблемам человеческого бытия»¹.

В справедливости этого вывода убеждают не только лирические произведения Лермонтова, но и его поэмы «Мцыри» и «Демон», а также роман «Герой нашего времени».

Написанная Лермонтовым, когда он находился под арестом, «Молитва» вызвала одобрение такого убежденного атеиста, как В. Г. Белинский, отметившего ее среди других произведений поэта той поры: «чудная «Молитва»². И действительно, сколько здесь душевного тепла, сколько тревоги за судьбу другого человека; ничего для себя не просит у богоматери лирический герой стихотворения: «Не за свою молю душу пустынную».

Одиноким странник, знающий жизнь и людей, страстно просит уберечь юную невинную девушку от бед и опасностей:

*Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.*

Быстрота, с которой было произведено расследование и принято «высочайшее» решение по «Делу о непозволительных стихах...», может быть объяснена только тем, что Николай I спешил избавиться от «господина Лермонтова», как он будет называть поэта в письмах к императрице, отныне следя за каждым его шагом.

Нельзя отказать Николаю I в проницательности: он раньше своих ближайших советников и помощников разглядел в Лермонтове прямого преемника декабристов и Пушкина. Он приказал немедленно выслать молодого по-

¹ Лермонтовская энциклопедия, с. 66.

² Там же, с. 284.

эта на Кавказ, определив его в действующую армию. Царь рассчитывал, что здесь мятежный поэт скоро «успокоится», а то и погибнет в одной из стычек с горцами.

Но Лермонтов не успокоился и не погиб. Ссылный поэт много дней провел в странствованиях по Кавказу. Он объехал всю линию боевых действий русской армии «от Кизляра до Тамани», участвовал в нескольких сражениях, побывал в горских аулах, казачьих станицах и приморских городах, посетил Пятигорск, Тифлис, Кахетию, проехал по Военно-Грузинской дороге, познакомился с выдающимися поэтами Грузии и Азербайджана, встречался и сблизился с декабристами, отбывавшими на Кавказе ссылку.

Сблизившись с поэтом-декабристом Александром Ивановичем Одоевским, Лермонтов находил много общего в своей и его судьбе:

*Я знал его: мы странствовали с ним
В горах востока и тоску изгнания
Делили дружно...*

Одному из них не суждено было дожидаться возвращения из ссылки:

*Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений!*

Сколько нежной ласки, доброй грусти в словах прощания:

Мир сердцу твоему, мой милый Саша!

И с какой силой звучит заключительная, седьмая строфа о последнем подарке судьбы тому, чья «могила неизвестная» окружена радовавшей его при жизни величественной синей степью, которую «серебряный Кавказ объемлет», а рядом — любимое Одоевским море, и о нем — пронзительная, щемящая сердце последняя строка стихотворения:

А море Черное шумит не умолкая.

В лирике Лермонтова стихотворение «Памяти А. И. Одоевского» — одно из самых поразительных по неразрывной, полной слитности трагических нот проща-

ния с близким человеком и мужественного оптимизма, восторга перед героем, в котором, вопреки всему, что его угнетало, жила «вера гордая в людей и жизнь иную».

Кавказ, куда Лермонтова привозили на лечение в детские и отроческие годы, оказал на него и на этот раз самое благотворное влияние: «...для меня горный воздух — бальзам; хандра к черту, сердце бьется, грудь высоко дышит — ничего не надо в эту минуту; так сидел бы да смотрел целую жизнь», — писал Лермонтов из Тифлиса С. А. Раевскому во второй половине ноября — начале декабря 1837 года.

В том же письме поэт сообщил другу новость: «Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе, — да жаль теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться».

Стремление овладеть татарским (азербайджанским) языком было вызвано живейшим интересом Лермонтова к восточному фольклору, о чем свидетельствует сделанная поэтом в 1837 году запись народной сказки «Ашик-Кериб», рассказанной ему «каким-либо местным ашугом, несомненно азербайджанцем по происхождению».

Находясь в Тифлисе, Лермонтов поддерживал связи с домом выдающегося грузинского поэта Александра Чавчавадзе. С этим домом были знакомы Грибоедов и Кюхельбекер, Пушкин и его брат Лев Сергеевич, поэт-декабрист А. И. Одоевский, Я. П. Полонский, художник Г. Г. Гагарин и другие русские писатели, поэты, художники. Лермонтов поддерживал дружеские отношения с дочерью Александра Чавчавадзе Ниной — вдовой А. С. Грибоедова.

Р. Н. Николадзе засвидетельствовал в своих воспоминаниях, что Лермонтов и Александр Одоевский, находясь в 1837 году в Грузии, часто бывали в семье Чавчавадзе, беседовали с Ниной, поднимались на гору Мтацминда, где похоронен Грибоедов. «Нина была тронута их вниманием, — пишет В. С. Шадури, — и в знак благодарности решила подарить каждому из них по кинжалу из общей коллекции своего отца и мужа. При чем кинжал в качестве подарка был выбран «со значением» (как тогда говорили) — «как символ верности долгу, чести, дружбе, светлому делу своих друзей по оружию и по лире»¹.

¹ Шадури В. С. Клятва Лермонтова (О стихотворении «Кинжал») // В кн.: За хребтом Кавказа. Тбилиси, 1977, с. 27.

В память о дорогом подарке Лермонтов написал в том же, 1837 году стихотворение «Кинжал».

Прямым подтверждением этого свидетельства служат вторая и третья строфы лермонтовского стихотворения:

*Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза — жемчужина страданья.
И черные глаза, остановясь на мне,
Исполнены таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне
То вдруг тускнели, то сверкали.*

В концовке «Кинжала» — клятва поэта сохранить твердость души, верность высоким идеалам:

*Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.*

«Кинжал» — не редкий в наследии Лермонтова пример произведения, в котором автором использован прием своеобразного «кодирования», которое исследователям приходится «расшифровывать», чтобы выяснить его жизненную первооснову. Часто в таких произведениях Лермонтов «снимает» точные обозначения места и времени изображаемых событий, опускает или меняет имена их участников. Устранив детали и подробности, связывающие то или иное стихотворение с частной, определенной средой, где было заложено его сюжетное (событийное) «зерно», поэт придает произведению обобщенный, общезначимый, а в иных случаях и общечеловеческий смысл.

До наших дней сохранился кинжал Лермонтова, привезенный им из первой ссылки на Кавказ. Бесконечно дорогая для всех почитателей поэта реликвия! Но как сузили бы мы смысл замечательного лермонтовского стихотворения, если б свели его к своего рода заздравному тосту в честь булатного «товарища» поэта, как он сам назвал его. Да, мы не забыли, когда, и с каким «значением» он был подарен Лермонтову. В первой редакции стихотворение называлось «Подарок», в окончательной — стихотворение обрело глубокий смысл и новое название «Кинжал». Стихотворения 1838 года «Кинжал» и «Поэт» — программные в творчестве Лермонтова.

В «Поэте» Лермонтов вернулся к теме «Кинжала», посвятив ей более половины стихотворения. Но «кинжальной» теме здесь придан совсем иной поворот: «игрушкой золотой он блещет на стене», теперь уже «бесславный и безвредный».

*Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает...*

И вслед за этим с лермонтовской страстью звучит важнейший для художника вопрос:

*В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначение,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?*

Здесь Лермонтов предстал перед читателями как великий поэт, отстаивающий идеи гражданственности и народности искусства, гневно осуждающий тех его «жрецов», кто на потеху праздной толпы изготавливает «блестки и обманы». Голос поэта-борца, поэта-трибуна должен звучать, «как колокол на башне вечевой//Во дни торжеств и бед народных».

Даже Белинского, знавшего силу лермонтовского слова, поразили в «Поэте» «бурное одушевление», «трепещущая, изнемогающая от полноты своей страсть» и заключенная в его строках пламенная *мысль*¹.

Стихотворение «Поэт» кровно связано с потрясшей соотечественников «Смертью Поэта» и служило свидетельством верности Лермонтова пушкинским заветам.

В статье А. В. Дружинина, который не был единомышленником Белинского, лермонтовское стихотворение — отклик на кончину Пушкина — расценивается как «первый подвиг поэта». Критик пишет: «Немилость и изгнание, последовавшие за первым подвигом поэта, Лермонтов, едва вышедший из детства, вынес так, как переносятся житейские невзгоды людьми железного характера, предназначенными на борьбу и владычество»².

¹ Белинский В. Г., т. 4, с. 523.

² «Литературное наследство» М., 1959, т. 67, с. 630.



М. Ю. Лермонтов.
Портрет П. Заболотского. 1837.



Ю. П. Лермонтов — отец поэта.
Портрет неизвестного художника.



М. М. Лермонтова — мать поэта.
Портрет неизвестного художника.



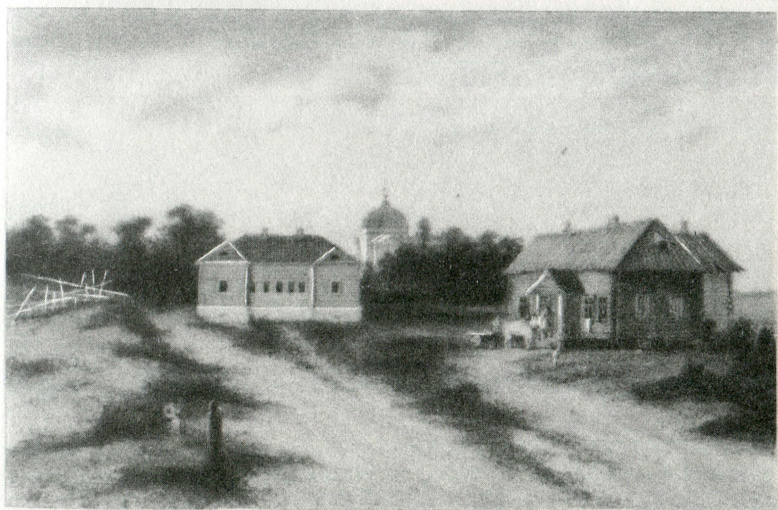
Площадь Красных ворот, налево дом,
где родился М. Ю. Лермонтов.
Литография по рисунку Д. Струкова.



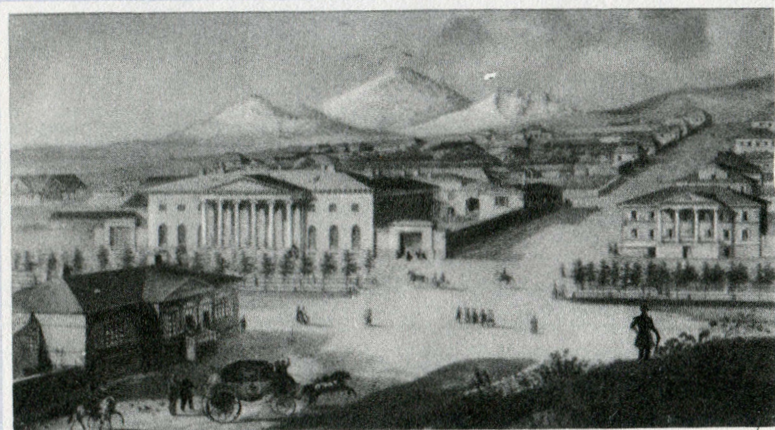
Е. А. Арсеньева — бабушка поэта.
Портрет неизвестного художника.



М. Ю. Лермонтов в детстве.



Тарханы.

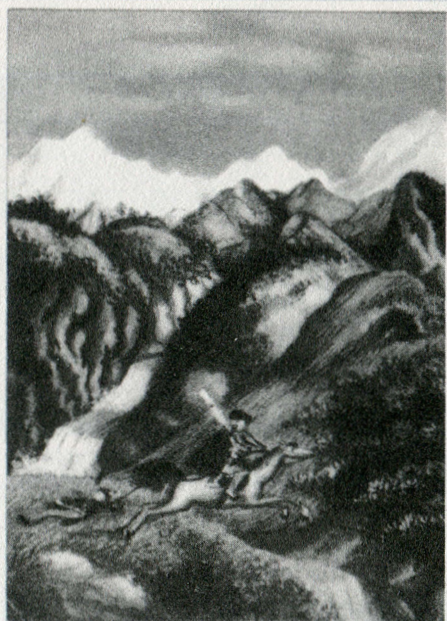


М. Ю. Лермонтов в детстве. 1820—1822.
Портрет неизвестного художника.

Пятигорск. Литография К. Бегрова
по рисунку А. Бернардаци.

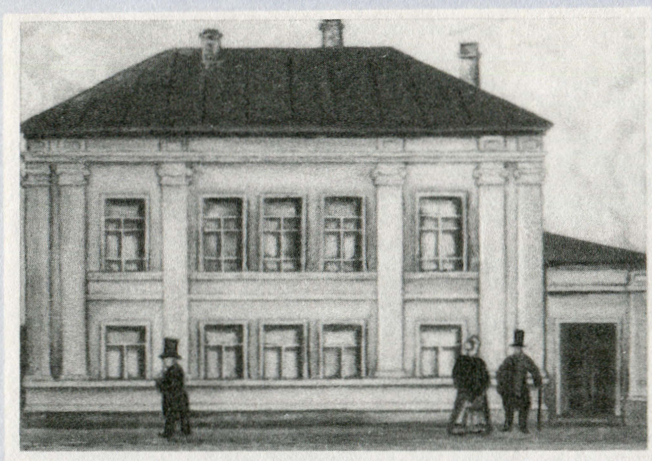


«Черкесы».
 Заглавный лист
 рукописи поэмы.
 1828.

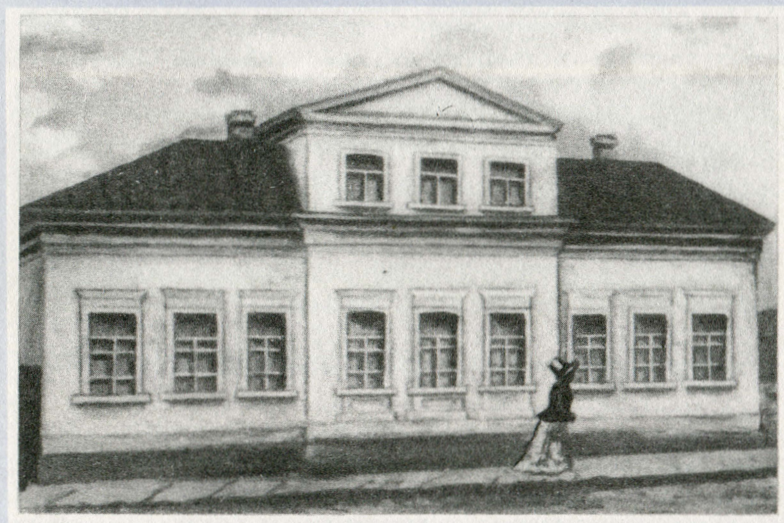


«Кавказский пленник».
 Автоиллюстрация к поэме. 1828.

«На Горячих водах».
 Ранний рисунок М. Ю. Лермонтова. 1825.



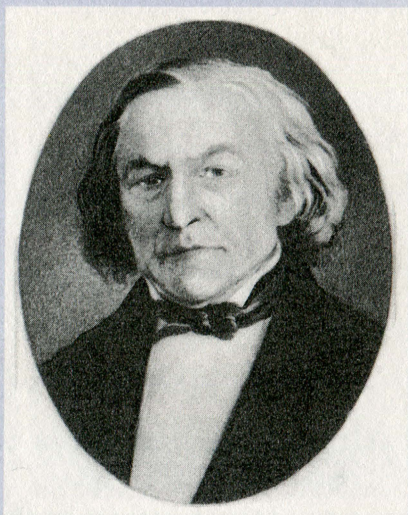
Москва. Дом Столыпиных. Поварская, 11.
Реконструкция Б. Земенкова.



Москва. Дом на Малой Молчановке,
где жил М. Ю. Лермонтов.
Реконструкция Б. Земенкова.



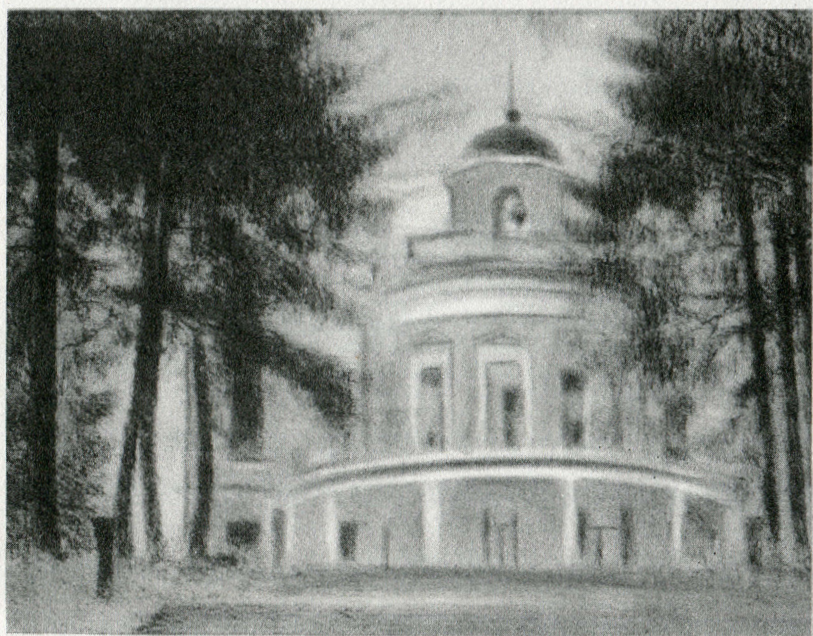
М. Г. Павлов.
Портрет неизвестного художника.



С. Е. Раич.
Портрет неизвестного художника.



Московский университетский благородный пансион.
Гравюра на дереве.

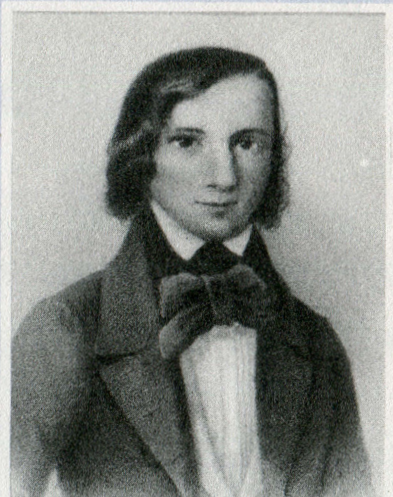


Е. А. Сушкова.
Миниатюра 1830-х годов.

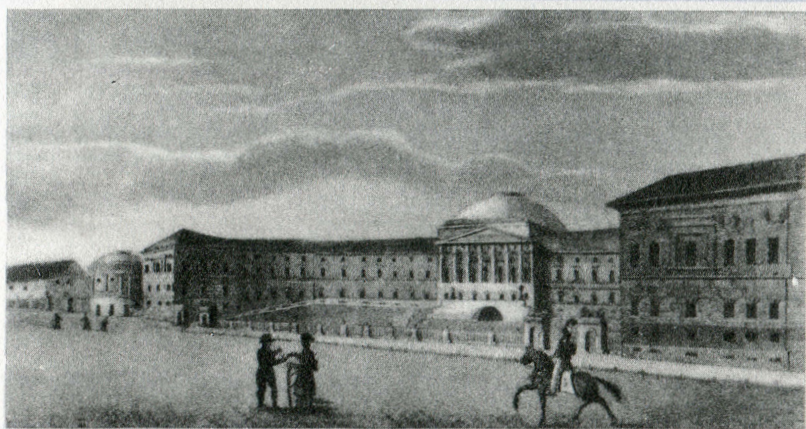
Дом в Средниково.
Рисунок Лебедева-Шуйского.



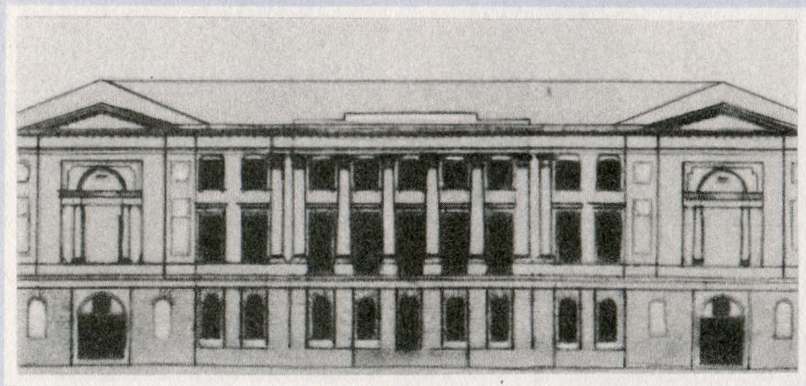
А. И. Герцен.
Художник А. Л. Витберг.



Н. В. Станкевич.
Акварель Л. Беккера. 1838.



Московский университет.
Литография. Первая четверть XIX в.



Петербург. Школа гвардейских подпоручиков
(дом Чернышова).



«Маршировка юнкеров».
Рисунок из альбома Л. Поливанова.



М. Ю. Лермонтов-юнкер.
Художник А. Чельшев.



Николай I в маскараде.
Картина А. Лядюрнера. 1830-е гг.

Петербург.
Дом Энгельгардта на Невском проспекте.



Герцог Лерма.
Картина М. Ю. Лермонтова. 1833.

Эмилия — героиня драмы Лермонтова «Испанцы»
(портрет В. А. Лопухиной).
Картина М. Ю. Лермонтова. 1830—1831.

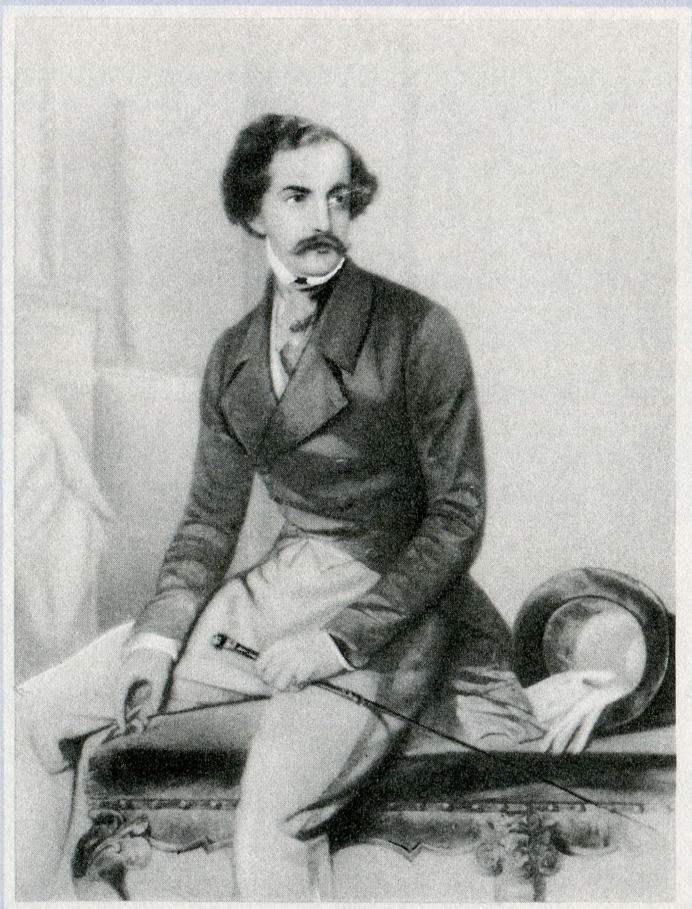


А. П. Шан-Гирей.
Фотография.



Н. И. Бухаров.
Портрет неизвестного художника.

Вид Царского Села.
Литография А. Мартынова. 1821—1822.



А. А. Столыпин (Монго).
Акварель В. Гау.

Разумеется, говоря о том, что Лермонтов был предназначен для «владычества», критик имел в виду владычество поэтическое, духовное, сфера которого неизмеримо велика, — власть над умами и сердцами людей, и прежде всего — своих современников.

Напомним, что Лев Толстой увидел в Лермонтове поэта, который вошел в литературу как «власть имеющий»¹. Однако честь и хвала Дружинину за то, что он, побывав на Кавказе и поездив «по следам Лермонтова», встретившись с еще помнившими поэта людьми, очень точно определил главную особенность лермонтовского характера. Да, это был поистине «железный характер», помогавший поэту преодолевать препятствия, которые вставали на его пути. Борьба эта становилась для него все более трудной...

В 1838 году бабушка Лермонтова добилась разрешения на возвращение поэта из ссылки. Вскоре после приезда в Петербург Лермонтов напечатал в журнале «Отечественные записки» стихотворение «Дума». Как и «Смерть Поэта», оно произвело сильнейшее воздействие на умы и сердца современников.

*Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.*

В этих горьких словах Белинский услышал «громы негодования», он почувствовал в них «грозу духа, оскорбленного позором общества». Великий критик увидел в «Думе» исповедь одного из лучших представителей поколения, живущего в страшные годы реакции, наступившей после поражения восстания декабристов. «Эти стихи, — с волнением говорил Белинский, — писаны кровью... И кто же из людей нового поколения не найдет в нем разгадки собственного уныния, душевной апатии, пустоты внутренней и не откликнется на него своим воплем, своим стоном?»²

В это время много шума наделала в Петербурге ссора Лермонтова с сыном французского посланника Эрнестом де Барантом. Оба они ухаживали за великосветской красавицей княгиней М. А. Щербатовой. Между ними возникли натянутые отношения.

¹ Лев Толстой об искусстве и литературе. М., 1958, т. 2, с. 106.

² Белинский В. Г., т. 4, с. 522.

В начале 1840 года на балу у графини Лаваль в присутствии Лермонтова де Барант позволил себе оскорбительно отозваться о русских обычаях. Лермонтов сказал ему: «Мы меньше других позволяем оскорблять себя безнаказанно»¹. Барант вызвал его на дуэль.

В воскресенье 18 февраля 1840 года дуэль состоялась за Черной речкой. Дрались на рапирах, потом секунданты подали пистолеты. Барант «выстрелил и дал промах», Лермонтов выстрелил в воздух².

В «Литературных и житейских воспоминаниях» И. С. Тургенев красочно описал впечатления, которые он вынес от двух встреч с Лермонтовым. Впервые он увидел поэта в Петербурге в салоне княгини Шаховской.

Тургенев обратил внимание на то, что Лермонтов, одетый в мундир лейб-гвардии Гусарского полка, не снял ни сабли, ни перчаток и сидел сгорбившись и насупившись, угрюмо глядя на гостей.

«В наружности Лермонтова было что-то злое и трагическое,— говорит Тургенев,— какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно-темных глаз. Их тяжелый взор странно не согласовался с выражением почти детски нежных и выдававшихся губ»³.

У посетителей великосветских салонов Лермонтов возбуждал «ощущение неприятное». Однако, говорит Тургенев о поэте, ему «присущую мощь тотчас сознавал всякий».

Второй раз Тургенев увидел поэта в зале Дворянского собрания на маскараде, устроенном под Новый, 1840 год. «Внутренно Лермонтов, вероятно, скучал глубоко; он задыхался в тесной сфере, куда его втолкнула судьба,— пишет Тургенев.— На бале Дворянского собрания ему не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выра-

¹ Лермонтовская энциклопедия, с. 149.

² Мануйлов В. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова, с. 115—116.

³ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем.: В 8-ми т. М., 1967. Письма, т. 14, с. 80.

жение поэтического творчества. Быть может, ему прихотили в голову те стихи:

*Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки... и т. д.»¹*

Обладая впечатлительной, поэтической натурой, Тургенев верно разгадал причины тяжкой грусти, томившей Лермонтова, понял, что поэт задыхался в окружавшей его обстановке.

Под впечатлением шумного новогоднего бала-маскарада родилось стихотворение «Как часто, пестрою толпою окружен...», в котором с необыкновенной, чисто лермонтовской энергией и силой выражено отвращение поэта к лживой и порочной светской среде, с ее «блеском и суетой», звучит его страстная и светлая «старинная мечта» об иной жизни, где люди свободны и правдивы, где под сенью родной природы живет любовь «с глазами, полными лазурного огня». Но мечту поэта пугают и гонят голоса «бездущных людей», их лица — «приличьем стянутые маски».

Из груди поэта рвутся слова, полные боли и гнева:

*О, как мне хочется смутить веселость их,
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!*

Стихотворение «Как часто, пестрою толпою окружен...» было напечатано в журнале «Отечественные записки» с авторской датой «1-е января». Многие современники сочли его за прямой ответ дочери Николая I — Марии Николаевне.

Николай I давно хотел видеть в Пушкине придворного поэта. Но скоро понял, что Пушкина ни ему и никому другому «не приручить». На первую же попытку царской семьи «приблизить» его к Зимнему дворцу Лермонтов ответил «железным стихом, облитым горечью и злостью».

Когда Лермонтова арестовали за «недонесение о дуэли» с сыном французского посла бароном Эрнестом де Барантом, друзья поэта полагали, что он будет скоро

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем.: В 8-ми т. М., 1967, т. 14, с. 81.— Тургенев приводит строки из стихотворения Лермонтова «Как часто, пестрою толпою окружен...».

отпущен. Ведь было известно, что Барант оскорбил достоинство русской нации, а Лермонтов достойно ему ответил. Известно было, что на дуэли Барант целился в Лермонтова, но промахнулся, а Лермонтов, стрелявший вторым, намеренно выстрелил в сторону. Поэта скоро арестовали, в то время как второго участника дуэли, Э. Баранта, не тронули. Более того, отец Э. Баранта требовал, чтобы Лермонтова немедленно удалили из Петербурга: он-де мешает его сыну делать карьеру дипломата при царском дворе!

Сидя на Арсенальной гауптвахте, Лермонтов узнал, что его противник распускает о нем по Петербургу нелепые слухи и сплетни. Поэт вызвал его для объяснений. Барант приехал на гауптвахту и после резкого разговора с поэтом потребовал новой дуэли.

Однако новая дуэль поэта с Барантом могла состояться лишь после того, как Лермонтов отбудет наказание за первую. Баранту было предложено покинуть Петербург. В то же время царь утверждает приговор военного суда: сослать Лермонтова на Кавказ и назначить его в армейский полк. Это был полк, ведший затяжные бои в одном из самых дальних и опасных мест Кавказской линии. Царь снова послал поэта под пули. Даже близкие Николаю I люди находили, что он чересчур жестоко наказал Лермонтова.

Когда Лермонтов отправлялся из Петербурга во вторую ссылку на Кавказ, в столичных книжных магазинах появился его роман «Герой нашего времени». Одним из первых его читателей был царь Николай I. Вот что писал он жене о новом произведении Лермонтова: «Я прочел «Героя» до конца и нахожу вторую часть отвратительной, вполне достойной быть в моде. Это то же самое преувеличенное изображение презренных характеров, которое имеется в нынешних иностранных романах. Такие романы портят характер... По моему убеждению, это жалкая книга, обнаруживающая большую испорченность ее автора...» Заканчивалось царское письмо зловещими словами: «Счастливого пути, господин Лермонтов, пусть он очистит себе голову, если это может произойти...»

Строки царского письма о романе Лермонтова наполнены ненавистью, которую породило убеждение, что поэта невозможно ни «образумить», ни заставить смириться. Николай I увидел, что Лермонтова ему не сломить. Оставалось одно: избавиться от него. И письмо царя о «Герое

нашего времени» ясно указывает, что судьба непокорного автора романа была решена.

Какою же волей и каким характером должен был обладать поэт, чтобы не согнуться, не сдаться, не пойти ни на какие компромиссы?! Лермонтов знал, что и «Смерть Поэта», и «Дума», и «Как часто, пестрою толпою окружен...», и многие другие его произведения будут восприняты как вызов всему строю деспотизма и рабства. И он смело бросал этот вызов, не боясь последствий.



ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Б

елинский у Лермонтова в Ордонанс-гаузе; их долгий откровенный разговор. Впечатления Белинского от встречи с поэтом. Современники Лермонтова и Белинского о характере их взаимоотношений. — Лермонтов — постоянный сотрудник журнала «Отечественные записки». — Первое издание «Героя нашего времени» и ранние отклики на него Белинского. — Отъезд Лермонтова из Петербурга в новую ссылку. Прощальный вечер в доме Карамзиных. — Недолгая остановка в Москве. Встречи с Гоголем, Баратынским и другими писателями и поэтами. — Знакомство поэта с Ю. Ф. Самариным и другими славянофилами. — Лермонтов и «Кружок шестнадцати»; его полная загадок история. — Встречи Лермонтова с декабристами, сосланными на Кавказ. Декабристы о Лермонтове. — Поиски поэтом путей в будущее.



Одним из немногих посетителей Лермонтова, когда он находился под арестом в Ордонанс-гаузе, был Белинский. Четырехчасовая беседа, по воспоминаниям критика, когда они «поразговорились от души», очень их сблизила, помогла лучше понять друг друга, выяснить, в чем они, как писатель и критик, сходятся, а что представляется каждому из них по-разному и каковы расхождения в их взглядах — литературных, философских, общественных.

Через несколько дней Белинский писал о своей встрече с поэтом: «Недавно был я у него в заточении, и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого!.. Каждое его слово — он сам, вся его натура, во всей глубине и целостности своей»¹.

¹ Белинский В Г., т. 11, с 508—509. — «С Ивана Великого» Белинский сравнивает поэта с колокольной Ивана Великого — выдающимся намятником русского зодчества, возведенном в московском Кремле в начале XVI века.

Поэт и критик говорили о Пушкине и других русских поэтах, о современном положении русского общества, о «болезни духа», терзающей молодежь, обреченную на прозябание в «бездействии пустом». Они говорили о том, какой должна быть поэзия, куда она должна звать читателя.

«Я с ним спорил, — продолжает Белинский, — и мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему — он улыбнулся и сказал: «Дай бог!» Боже мой, как он ниже меня по своим понятиям и как я бесконечно ниже его в моем перед ним превосходстве. (...) Я с ним робок, — меня давят такие целостные, полные натуры, я перед ним благоговею и смиряюсь в сознании своего ничтожества. Пони-маешь ли ты меня, о лысая и московская душа!...»¹.

Сразу же после свидания с Лермонтовым Белинский отправился на квартиру литератора И. И. Панаева, был очень взволнован и говорлив: ему не терпелось поделиться впечатлениями.

«Я взглянул на Белинского, — пишет Панаев, — и тот-час увидел, что он в необыкновенно приятном настроении духа (...).

— Знаете ли, откуда я? — спросил Белинский.

— Откуда?

— Я был в Ордонанс-гаузе у Лермонтова и попал очень удачно. У него никого не было. Ну, батюшка, в первый раз я видел этого человека настоящим человеком!.. Вы знаете мою светскость и ловкость: я взошел к нему и сконфузился, по обыкновению. Думаю себе: ну зачем меня принесла к нему нелегкая? Мы едва знакомы, общих интересов у нас никаких, я буду его женить², он меня... Что еще связывает нас немного — так это любовь к искусству, но он не поддается на серьезные разговоры... Я, признаюсь, досадовал на себя и решил пробыть у него не больше четверти часа. Первые минуты мне было неловко, но потом у нас завязался как-то разговор об английской литературе и Вальтер-Скотте... «Я не люблю Вальтер-Скотта, — сказал мне Лермонтов, — в нем мало

¹ Белинский В. Г., т. 11, с. 509. (Подчеркнуто мной. К. Л.)

² Женить — от французского «говорить любезности, любезничать»

поэзии. Он сух», — и начал развивать эту мысль, постепенно одушевляясь. Я смотрел на него, и не верил ни глазам, ни ушам своим. Лицо его приняло натуральное выражение, он был в эту минуту самим собою. В словах его было столько истины, глубины, простоты! Я в первый раз видел настоящего Лермонтова, каким я всегда желал его видеть. Он перешел от Вальтера-Скотта к Куперу и говорил о Купере с жаром, доказывал, что в нем несравненно больше поэзии, чем в Вальтер-Скотте, и доказывал это с тонкостью, с умом и — что удивило меня — даже с увлечением. Боже мой! Сколько эстетического чутья в этом человеке! Какая нежная и поэтическая душа в нем!.. Недаром же меня так тянуло к нему. Мне удалось-таки его видеть в настоящем свете»¹.

Белинский не мог забыть о том, как он встретился с Лермонтовым в Пятигорске в 1837 году, о случайных встречах с ним в редакции журнала «Отечественные записки», возможно, и в петербургских домах немногих общих знакомых. При этих — беглых, не «уединенных» — встречах настоящие отношения между ними не складывались, да и не могли сложиться: не только Лермонтов, но и Белинский не принадлежали к людям, о которых говорят, что у них «душа нараспашку».

Мало того, пятигорская встреча 1837 года оставила у Белинского неблагоприятное впечатление. Она произошла в доме Н. М. Сатина, с которым Лермонтов учился в Благородном пансионе при Московском университете. Сатин рассказывал, что Белинский и Лермонтов пришли к нему в дом и что «сошлись и разошлись они тогда вовсе не симпатично. Белинский, впоследствии столь высоко ценивший Лермонтова, не раз подсмеивался сам над собой, говоря, что он тогда не раскусил Лермонтова»².

Биограф поэта, профессор Н. Л. Бродский, оценивал воспоминания Сатина как не вполне достоверные: «Доверясь им, — писал он, — можно установить один биографический факт: Лермонтов и Белинский встретились в

¹ Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1950, с. 136—137. — В отрывке названы английский писатель Скотт Вальтер (1771—1832) — автор исторических романов («Уэверли», «Пуритане», «Айвенго» и др.) и американский писатель Купер Джеймс Фенимор (1789—1851) — автор серии романов о Кожаном чулке, принесших ему мировую известность.

² «Литературное наследство». М., 1948, т. 45—46, с. 730.

Пятигорске летом 1837 г. — и одно предположение: между поэтом и критиком произошла беседа, вскрывшая их расхождения в оценке просветительной философии XVIII века»¹.

Конечно, к мемуарам о великих людях, написанным современниками много лет спустя после их знакомства с ними, надо относиться весьма осторожно. Несомненно однако, что Сатин точно назвал время пятигорской встречи поэта и критика и верно передал ее характер. Она не сблизила Лермонтова и Белинского, более того — подчеркнула различия в их взглядах.

Внимательный наблюдатель взаимоотношений поэта и критика П. В. Анненков, отметив, что Белинский, увлекавшийся в 1837—1840 годах теорией «примирения с действительностью», воспринятой им из немецкой идеалистической философии, позднее подпадал под все большее влияние обличительной поэзии Лермонтова. «Несмотря на то, что характер лермонтовской поэзии, — писал Анненков, — противоречил временному настроению критика, молодой поэт, по силе таланта и смелости выражения, не переставал волновать, вызывать и дразнить критика. Лермонтов втягивал Белинского в борьбу с собою, которая и происходила на наших глазах»².

Взаимоотношения поэта и критика, взятые не только в личном, но и в неизмеримо более широком, духовном плане, Анненков оценивает как борьбу. Изложив историю их отношений, мемуарист приходит к следующему выводу: «Так боролся Белинский с Лермонтовым, который под конец, однако же, одолел его. Выдержка у Лермонтова была замечательная; он не сказал никогда ни одного слова, которое не отражало бы черту его личности, сложившейся, по стечению обстоятельств, очень своеобразно; он шел прямо и не обнаруживал никакого намерения изменить свои горделивые, презрительные, а подчас и жестокие отношения к явлениям жизни на какое-либо другое, более справедливое и гуманное представление их»³.

¹ «Литературное наследство». М., 1948, т. 45—46, с. 730. — По утверждению Сатина Белинский был недоволен резкими отзывами Лермонтова о Вольтере и других французских философах и поэтах XVIII века.

² Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983, с. 165—166.

³ Там же, с. 168.

Анненков со всей определенностью говорит о том, что перемена во взглядах и настроениях Белинского, состоявшая в разрыве с теорией «примирения с действительностью» и в признании крупной роли того направления в русской поэзии, которое историки литературы назовут «обличительным», связана с лермонтовским воздействием на его ум и сердце. «Лермонтов был первым человеком на Руси, — заключает мемуарист, — который навел Белинского на это созерцание, впрочем уже подготовленное и самим психическим состоянием критика. Оно пустило глубокие ростки впоследствии»¹.

Ни в письмах Белинского и Лермонтова, ни в мемуарах их современников нет ясного ответа на вопрос о том, что было предметом их споров во время долгой беседы в Ордонанс-гаузе. Что по этому поводу говорят известные знатоки наследия Белинского?

«О чем спорил Белинский с Лермонтовым? — читаем мы в книге профессора Н. Мордовченко о великом критике. — В чем состояли их расхождения и разногласия? Преимущество Лермонтова перед Белинским во время их встречи заключалось в том, что у Лермонтова не было и не могло быть никаких утешительных чаяний и иллюзий. Но в то же время Белинский был прав, констатируя наряду с глубиной и цельностью Лермонтова напряженность для самого поэта задач его общественного поведения и его же собственного искусства». Что означают слова Белинского о «семенах глубокой веры» поэта в достоинство жизни и людей? Ими Белинский обозначил «назревающий и необходимый поворот в творческом развитии Лермонтова — поворот от трагического сознания разрушительной силы своего искусства к уяснению его положительного и созидательного смысла»².

Белинский более всего радовался тому, что Лермонтов принял мысль о повороте его творчества от разрушительной, все обличающей и отвергающей направленности к утверждению — через критику и отрицание зла — высоких положительных идеалов. Эту идею Белинский настойчиво проводит и в статьях о Лермонтове, и в других своих работах.

Общение поэта и критика было чрезвычайно плодот-

¹ Анненков П. В. Литературные воспоминания, с. 168.

² Мордовченко Н. В. Белинский и русская литература его времени. М.—Л., 1950, с. 108—109.

творным. Лермонтов убедился в том, что он понят выдающимся и наиболее авторитетным критиком, чьи статьи он внимательно читал в журнале «Отечественные записки», постоянным сотрудником которого стал с первого номера за 1839 год, где было впервые напечатано его стихотворение «Дума». В этом журнале, где критический отдел вел В. Г. Белинский, буквально в каждом из номеров за 1839 год появлялись новые произведения Лермонтова¹. То же самое происходило в 1840 и в 1841 годах. Так, для «Отечественных записок» конца 30-х — начала 40-х годов — журнала, руководимого Белинским, — Лермонтов стал своим поэтом. А для него «Отечественные записки» — передовой журнал его времени — стал своим журналом.

После того как в «Отечественных записках» были напечатаны повести «Бэла», «Фаталист», «Тамань», весной 1840 года вышло первое отдельное издание романа «Герой нашего времени».

Белинский ожидал, что это произведение вызовет не просто разноречивые отклики, но настоящую «сшибку» мнений, острую идейно-эстетическую и даже литературно-политическую борьбу. И не ошибся. Он к ней готовился заранее, следя за развитием замысла романа, за тем, как оно происходило в публиковавшихся одна за другой повестях, составивших позднее единое произведение.

Когда на страницах «Отечественных записок» появилась повесть «Бэла», Белинский упомянул о ней в журнале «Московский наблюдатель». Поскольку Лермонтов впервые выступал в печати как прозаик, Белинский спешил порадовать читателей тем, что «проза Лермонтова достойна его высокого поэтического дарования». Отметив лаконичность, простоту и богатство содержания повести, критик подчеркнул ее значение в борьбе с ложно-романтическими произведениями о Кавказе, в частности романами Марлинского, увлечение которыми все еще было сильным в обществе. Как только вышло в свет первое отдельное издание «Героя нашего времени», Белинский, прежде чем дать подробный анализ романа, написал о нем две короткие рецензии. Подчеркнув новаторский его ха-

¹ В февральском номере 1840 года — стихотворение «Поэт»; в мартовском — повесть «Бэла». Из записок офицера о Кавказе; в апрельском — стихотворение «Русалка»; в майском — стихотворения «Ветка Палестины», «Не верь себе» и т. д.

рактер («совершенно новый вид искусства»), критик предупредил читателей о том, что вошедшие в роман повести «нельзя читать отдельно или смотреть на них, как на отдельные произведения»¹.

Белинский не сомневался в том, что лермонтовский роман «должен возбудить всеобщее внимание» и не только как замечательное художественное произведение, но и в виду того, что в нем поставлены вопросы современной русской жизни. Этими — по необходимости краткими — рецензиями о романе Белинский начинал борьбу за Лермонтова с реакционной критикой, подвергавшей его роман грубым, оскорбительным нападкам.

В начале мая 1840 года Лермонтов выехал из Петербурга на Кавказ — в новую, последнюю, ссылку. В семье покойного историка Н. М. Карамзина поэт провел свой прощальный вечер в столице. У Карамзиных собирался тесный круг друзей Пушкина — поэты В. А. Жуковский и П. А. Вяземский, историк и литератор А. И. Тургенев (брат известного декабриста Н. И. Тургенева), писатель и ученый В. Ф. Одоевский (двоюродный брат друга Лермонтова, поэта-декабриста А. И. Одоевского), театрал и композитор М. Ю. Виельгорский (на музыкальных вечерах в его доме любил бывать Лермонтов). Посещали салон Карамзиных и менее известные, но преданные искусству и литературе люди...

В биографии поэта, составленной П. А. Висковатым, приведено драгоценное свидетельство одного из участников «лермонтовского вечера» в доме Карамзиных: «Друзья и приятели собрались в квартире Карамзиных проститься с юным другом своим и тут, растроганный вниманием к себе и непритворной любовью избранного кружка, поэт, стоя в окне и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невую, написал стихотворение:

*Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную...*

Софья Карамзина и несколько человек гостей окружили поэта и просили прочесть только что набросанное стихотворение. Он оглянул всех грустным взглядом вы-

¹ Белинский В. Г., т. 4, с. 147, 173.

разительных глаз своих и прочел его. Когда он кончил, глаза были влажные от слез»¹.

В доме Карамзиных часто бывала вдова Пушкина — Наталья Николаевна. Познакомившись с Лермонтовым, она, будучи деликатным и очень застенчивым человеком, никогда не вступала с ним в разговор, ибо, по словам ее дочери, «чувствовала незримую, но непреодолимую преграду между ними».

В тот вечер проводов Лермонтова «преграда», отделявшая их друг от друга, вдруг рухнула. Они беседовали так сердечно и так долго, что обратили на себя внимание других гостей. Лермонтов сказал тогда Наталье Николаевне: «Я чуждался вас, малодушно поддаваясь враждебным влияниям. Я видел в вас только холодную неприступную красавицу, готов был гордиться, что не подчиняюсь общему здешнему культу (...). Но когда я вернусь, я сумею заслужить прощение и, если не слишком самонадеянна мечта, стать вам когда-нибудь другом...».

Прощание их было по-настоящему душевным и «много толков было потом у Карамзиных о непонятной перемене, происшедшей с Лермонтовым перед самым отъездом». Этот рассказ Натальи Николаевны Пушкиной, с ее слов, записала дочь ее А. П. Арапова².

Если вспомнить о наветах и клевете, обрушивавшихся в великосветском обществе на вдову Пушкина, ввинившем ее в том, что она была единственной причиной дуэли ее мужа с Дантесом, то можно понять, как она была рада услышать от Лермонтова, поэзию которого очень высоко ценила, что у него нет и никогда не было «дурного мнения» о ней³.

По дороге на Кавказ Лермонтов сделал короткую остановку в Москве. 9 мая 1841 года он был приглашен на именинный обед Н. В. Гоголя, устроенный в саду при доме М. П. Погодина на Девичьем поле. Присутствовали на обеде известные литераторы, профессора Московского университета, молодые люди. Почтить Гоголя приехал поэт Е. А. Баратынский, с которым год назад Лермонтов познакомился в Петербурге у В. Ф. Одоевского.

С. Т. Аксаков вспоминал об этом именинном обеде, который Москва давала в честь автора «Ревизора» и «Мер-

¹ Висковатый П. А., с. 338.

² М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 266—267

³ Там же, с. 267

твых душ»: «После обеда все разбрелись по саду маленькими кружками. Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случился, отрывок из новой своей поэмы «Мцыри», и читал, говорят, прекрасно»¹.

В этот — последний — приезд в Москву Лермонтов побывал у славянофилов, видел своего знакомого известного публициста Ю. Ф. Самарина, поэта А. С. Хомякова, их единомышленников. Через полтора месяца после обеда, устроенного в честь Гоголя, Ю. Ф. Самарин писал за границу искренне им чтимому князю И. С. Гагарину: «Я часто видел Лермонтова за все время пребывания его в Москве. Это в высшей степени артистическая натура, неуловимая и неподдающаяся никакому внешнему влиянию благодаря своей неутомимой наблюдательности и большой глубине индифферентизма! Прежде чем вы подошли к нему, он вас уже понял; ничто не ускользает от него; взор его тяжел, и его трудно переносить (...). Этот человек слушает и наблюдает не за тем, что вы ему говорите, а за вами, и после того, как он к вам присмотрелся и вас понял, вы не перестаете оставаться для него чем-то чисто внешним, не имеющим права что-либо изменить в его существовании. В моем положении жаль, что я его не видел более долгое время. Я думаю, что между ним и мною могли бы установиться отношения, которые помогли бы мне постичь многое»².

Наш короткий рассказ о взаимоотношениях Лермонтова с человеком, ставшим вскоре известным славянофилом, закончим отрывком из письма Ю. Ф. Самарина к И. С. Гагарину. «Я никогда не забуду, — пишет Самарин, — нашего последнего свидания за полчаса до его отъезда. Прощаясь со мной, он оставил мне стихи, его последнее творение (...). Он говорил мне о своей будущности, о своих литературных проектах, и среди всего этого он проронил о своей скорой кончине несколько слов, которые я принял за обычную шутку с его стороны. Я был последний, который пожал его руку в Москве»³.

¹ Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. М., 1960, с. 38.

² М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 298—299.

³ Там же, с. 300. — Лермонтов подарил тогда Ю. Ф. Самарину автограф своего стихотворения «Спор». Оно впервые появилось в печати в 1841 году («Москвитянин», ч. III, № 6, с. 291—294).

Чтобы правильно оценить все, что говорит здесь Ю. Ф. Самарин о своих отношениях с Лермонтовым, о «странностях» его характера, его взглядов, надо вспомнить, что Самарин был на пять лет моложе Лермонтова и, стало быть, ему было всего 22 года, когда состоялась его последняя встреча с поэтом. Кроме того, адресатом цитируемых нами писем Ю. Ф. Самарина был его друг князь Иван Сергеевич Гагарин, сверстник Лермонтова, вместе с ним входивший в «Кружок шестнадцати». Вот откуда такой откровенный тон самаринских писем к И. С. Гагарину, такие искренние суждения о взглядах и характере хорошо им обоим знакомого человека.

Но, боясь, что его письма к Гагарину могут попасть в «чужие руки», Самарин не решился сообщить адресату некоторые из лермонтовских суждений о современной России. Он записал их в своем дневнике.

Так, вслед за взволновавшим его рассказом Лермонтова о кровопролитном сражении русских с горцами при реке Валерик Самарин замечает: «В этом разговоре он был виден весь». И вслед за этой фразой записывает по-французски суждение поэта, оценивая его, как «мнение о современном состоянии России».

Вот что сказал тогда Лермонтов: «Хуже всего не то, что некоторые люди терпеливо страдают, а то, что огромное большинство страдает, не сознавая этого»¹.

Для молодого Ю. Ф. Самарина такие суждения Лермонтова казались прямо-таки якобинскими. Их острота могла напугать Самарина и потому еще, что они были высказаны поэтом, когда Москва готовилась к прибытию царской семьи из Петербурга².

Но такие суждения не могли не убедить Самарина и других представителей славянофильства, что Лермонтову было с ними не по пути.

Какое-то время Лермонтов был связан с «Кружком шестнадцати». Об этом превосходно законспирированном кружке стало известно из книги одного из его участников Ксаверия Браницкого-Корчака «Славянские нации», изданной в Париже на французском языке в 1879 году. Кружок действовал с 1839-го по 1840-й годы. Книга

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 297.

² Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. Исследования и материалы. М., 1940, с. 119.

К. Браницкого появилась спустя сорок лет после существования кружка. Но и через столько времени автор книги осмелился назвать далеко не всех его членов, а лишь тех, кого уже не было в живых, и первым среди них — Лермонтова.

Любопытно, что Браницкий придал рассказу о «Кружке шестнадцати» форму писем к князю И. С. Гагарину. 19 июля 1840 года Самарин сообщал И. С. Гагарину: «Вскоре после вашего отъезда я видел, как через Москву проследовала вся группа шестнадцати, направляющихся на юг»¹. Браницкий уехал за границу в 1843 году, через три года после того, как кружок перестал существовать.

Кружок представлялся Браницкому «обществом молодых людей, которое называли по числу его членов «шестнадцатью». Это общество составилось из выпускников университета и из кавказских офицеров». Чем занимались его члены? «Каждую ночь, — сообщает Браницкий, — возвращаясь из театра или бала, они собирались то у одного, то у другого. Там, после скромного ужина, куря свои сигары, они рассказывали друг другу о событиях дня, болтали обо всем и все обсуждали с полнейшей непринужденностью и свободой, как будто III отделения собственной его императорского величества канцелярии вовсе и не существовало, — до того они были уверены в скромности всех членов общества».

Автор книги, ненавидевший императора Николая I и весь деспотический строй царской России, с 1845 года находился в эмиграции, как князь И. С. Гагарин, приняв иностранное подданство. Им обоим, как ни изменились их взгляды и судьбы за четыре десятилетия, были дороги воспоминания о своей молодости, если и не героической, то полной надежд и упований на лучшее будущее.

«Мы оба с вами, — продолжает Браницкий свое обращение к Гагарину, — принадлежали к этому свободному веселому кружку — и вы, мой уважаемый отец, бывший тогда секретарем посольства, и я, носивший мундир гусарского поручика императорской гвардии.

Как мало из этих друзей, тогда молодых, полных жизни, осталось на этой земле, где, казалось, долгая и счастливая жизнь ожидала их всех!»²

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 298.

² Там же, с. 248.

Историки и литературоведы потратили много усилий, чтобы установить состав членов «Кружка шестнадцати», его программу, судьбу каждого из «16-ти». Мало что удалось пока узнать.

Несомненно одно, что членов кружка, принадлежащих к разным слоям дворянства (от придворных до не очень именитых), объединяли оппозиционные настроения. Также «можно говорить о широте кругозора членов кружка, отличающей их от культурного уровня «золотой молодежи», но найти в этом идеологическую программу кружка как целого — затруднительно. Тем не менее связь всех этих лиц между собой и с Лермонтовым в 1838—1840 (годах) несомненна»¹.

Много лет собирая материалы о «Кружке шестнадцати», Э. Г. Герштейн тщательно изучила версию о его «разгроме» и установила, что ни на одного из его членов, чьи имена нам известны, не было заведено полицейского «дела», но «вместе с тем выяснилось, что все «16» не только покинули Петербург в 1840 году одновременно с Лермонтовым, но и съехались на юге во время отпуска Лермонтова в 1841 году. Это отчасти подтверждает версию о главенствующем положении поэта в дружеском кружке». Указывая, что еще не все архивные материалы о кружке изучены, тот же исследователь находит возможным на основании уже известного считать, что кружок был раскрыт и большинству его членов (особенно из родовитых семей) было «посоветовано» на время покинуть Петербург, что они и сделали, устремившись вслед за Лермонтовым на Кавказ².

В истории этой многое остается загадочным. Не до конца установлен состав кружка. Неясно, входили ли в него враги поэта, например князь А. И. Васильчиков. По всей вероятности, не случайно он оказался на двух рисунках художника Г. Г. Гагарина, где изображены известные члены «Кружка шестнадцати».

Если подтвердится, что среди них были явные и скрытые недруги поэта, то не исключено, что кружок был использован III отделением в борьбе против Лермонтова.

Возникает вопрос: как мог Лермонтов с его удивительной проницательностью не разглядеть среди «16» заведомых, готовых на все, чтобы от него избавиться?

¹ Лермонтовская энциклопедия, с 235.

² Там же.

В том-то и беда, что глубочайший аналитик человеческих душ, каким он предстает в своих произведениях, Лермонтов до конца дней в общении с самыми разными людьми оставался наивным и детски доверчивым. Это засвидетельствовано многими его современниками.

Как пишет Э. Г. Герштейн, среди «16» были «отпрыски наиболее приближенных к Николаю I семейств (Фредерикс, Голицын, Паскевич, С. Долгорукий, Шувалов). Изучение писем и записок участников кружка не позволяет говорить о единстве их взглядов»¹.

Пусть так! Но ведь среди «16» были не только «отпрыски», которых поэт назвал «надменными потомками известной подлостью прославленных отцов». Кто же они? Входил ли в кружок князь А. И. Васильчиков, каково было его истинное отношение к Лермонтову, которому молва приписывала две эпиграммы на князя, некоторые лермонтоведы называют А. И. Васильчикова «тайным врагом поэта»². Почему все-таки Ксаверий Браницкий, живя за границей, и через сорок лет после — будем думать — самороспуска кружка побоялся назвать половину его членов? Удастся ли исследователям раскрыть тайны «Кружка шестнадцати»?

Главное все же, что нужно установить прежде всего, — это мотивы, на основе которых объединялись члены «Кружка шестнадцати».

Высказывалось предположение, во многом правдоподобное, что в него вошли молодые дворяне, сдружившиеся в годы военной службы и пожелавшие сохранить эту дружбу³. Будет еще ближе к истине, если к этому добавить, что в среде русской аристократии, при всей ее «многослойности», в передовых ее кругах всегда были живы оппозиционные настроения. И чем тяжелее давил на общество деспотизм царской, бюрократической и военной власти, тем сильнее обострялись эти настроения и искали для себя выхода.

Николай I и его окружение: Бенкендорф, Нессельроде, брат царя Михаил Павлович и другие «высокие лица» не меньше, чем новой «пугачевщины», боялись новых декабристов, новых «заговорщиков». Вот один из многих примеров.

¹ Лермонтовская энциклопедия, с. 235.

² Там же, с. 80.

³ Герштейн Э. Судьба Лермонтова, М., 1964, с. 285. 295

Великому князю Михаилу Павловичу донесли, что в Царском Селе, где стоял гвардейский гусарский полк, шефом которого он был, на квартире у Лермонтова и его родственника А. Столыпина (по кличке «Монго») часто собираются молодые офицеры, ведут вольные разговоры и весело проводят время. Михаил Павлович заявил, что «разорит это гнездо», то есть уничтожит сходки в доме, где они жили. Влияния их действительно нельзя было отрицать; очевидно, что молодежь не могла не уважать приговоров, произнесенных союзом необыкновенного ума Лермонтова, которого побаивались, и высокого благородства Столыпина, которое было чтимо, как оракул¹.

По свидетельству М. Н. Лонгинова, «товарищество было сильно развито в этом полку: высокий шеф полка «приписывал» его «подговорами товарищей со стороны Лермонтова со Столыпиным»².

Сходки гвардейских гусарских офицеров на царско-сельской квартире у Лермонтова и Столыпина были запрещены накануне дуэли поэта с де Барантом, за которой последовали его арест и вторая ссылка.

Этот эпизод со сходками гусарской молодежи у Лермонтова — малоизвестная страница его биографии, как и «лидерство» поэта в загадочном «Кружке шестнадцати».

По свидетельствам мемуаристов Лермонтов первенствовал во всех тех кружках, которые создавались вокруг него словно бы сами собой, — в Благородном пансионе, в Московском университете, в Юнкерской школе, в лейб-гвардии гусарском полку и, наконец, в «Кружке шестнадцати». И только лица, ненавидевшие поэта за то, что он, как писал Герцен, «был слишком проникательным» и «смело высказывался о многом без всякой пощады и без прикрас»³, — только они, по свидетельству А. В. Дружинина, «говорят о поэте как о существе желчном, угловатом, испорченном и предававшемся самым неизвинительным капризам...»⁴. Но тот же мемуарист пишет, что он знает близких Лермонтову людей, гордившихся дружбой с ним «и выше всех других связей ценивших эту дружбу»⁵.

¹ Лонгинов М. Н. Заметки о Лермонтове. — В кн.: М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 155.

² М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 155.

³ Герцен А. И., т. 7, с. 225.

⁴ «Литературное наследство», т. 67, с. 630.

⁵ Там же.

Пушкин был обижен тем, что его друзьями-декабристами не был принят в члены тайного общества. Лермонтов, познакомившийся со многими уцелевшими после каторги и ссылок участниками декабрьского восстания 1825 года, глубже, чем Пушкин, понял, почему их великое и святое дело потерпело неудачу, и был убежден в том, что его невозможно повторить в изменившихся условиях русской действительности.

Мы уже называли в главах первой и второй нашей книги произведения, в которых поэт воспел подвиг декабристов. Мы говорили также о родственных связях Лермонтова с их семьями. А теперь — о его кавказских встречах, о том, с кем из декабристов поэт сблизился в пору его кавказских ссылок, а также попытаемся объяснить, почему у него возникали расхождения с ними, когда заходили разговоры о настоящем и будущем России.

В октябре 1837 года Лермонтов познакомился в Ставрополе с сосланными на Кавказ декабристами В. Голицыным и С. Кривцовым, а также, вероятно, тогда же встретился с вернувшимися из Сибири их товарищами В. Н. Лихаревым, М. А. Назимовым, М. М. Нарышкиным, А. И. Черкасовым.

Знакомил его с героями 1825 года друг Герцена и Огарева — Н. М. Сатин, на квартире которого, как вы помните, произошла первая встреча Лермонтова с Белинским. У Сатина поэт встретил доктора Н. В. Майера, дружившего с декабристами и другими ссыльными¹.

В том же 1837 году Лермонтов познакомился в Тифлисе с двумя декабристами — поэтом А. И. Одоевским и А. Е. Розеном.

Во вторую ссылку поэта на Кавказ в круг его знакомых входят декабристы Н. И. Лорер, К. Г. Игельстром и другие.

По дороге из Петербурга на юг Лермонтов останавливался в Москве, где среди многих других знакомых встречался и с видным декабристом М. Ф. Орловым, за которым велся тогда тайный жандармский надзор.

Из большого круга лиц, участвовавших в декабрьском восстании 1825 года, которых он узнал лично, лишь с немногими у Лермонтова сложились дружеские отношения. Особенно искренними они были с поэтом А. И. Одо-

¹ Н. Е. Майер послужил прототипом доктора Вернера в романе «Герой нашего времени»

евским, с В. Н. Лихаревым, убитым на глазах Лермонтова в сражении при Валерике, с М. А. Назимовым.

Декабрист Н. И. Лорер и Н. М. Сатин в своих воспоминаниях о поэте называют его человеком с неприятным характером. И, напротив, декабрист М. А. Назимов относился к поэту с большой симпатией. Однако и он говорил, что для него и его товарищей по ссылке многое в суждениях и поступках Лермонтова было непонятным. Вот что услышал от Назимова биограф поэта в 1879 или 1880 году: «Лермонтов сначала часто зааживал к нам и охотно и много говорил с нами о разных вопросах личного, социального и политического мировоззрения. Сознаюсь, мы плохо друг друга понимали (...). Нам поражала какая-то словно сбивчивость, неясность его воззрений. Он являлся подчас каким-то реалистом, прилепленным к земле, без полета, тогда как в поэзии он реял высоко на могучих своих крыльях. Над некоторыми распоряжениями правительства, коим мы от души сочувствовали и о коих мы мечтали в нашей несчастной молодости, он глумился. Статьи журналов, особенно критические, которые являлись будто наследием лучших умов Европы и заживо задевали нас и вызывали восторги, что в России можно так писать, не возбуждали в нем удивления. Он или молчал на прямой запрос, или отделялся шутками и сарказмом. Чем чаще мы виделись, тем менее клеилась серьезная беседа. А в нем теплился огонек оригинальной мысли,— да, впрочем, и молод же он был еще»¹.

Что же происходило тогда между поэтом и декабристами? С болью и горечью Лермонтов слушал тех из них, кто умилялся «распоряжениями правительства», примирялся с николаевской действительностью, постепенно превращаясь из революционеров в дюжинных либералов. Некоторые из возвратившихся из Сибири декабристов под влиянием тяжких условий жизни на каторге и в ссылке впадали в религиозный мистицизм, что было также совершенно чуждо Лермонтову.

«Однако,— как справедливо замечает Г. В. Морозова,— несмотря на наметившееся разномыслие между декабристами, пришедшими из ссылки, и юным поэтом, общество этих высокоидейных, образованных людей не могло не оказаться полезным для Лермонтова. Это была

¹ Висковатый П. А., с. 303—304.

среда, в которой не было светского пустословия, но вместе с тем это не была среда, почти исключительно интересующаяся литературными вопросами (...). Это был круг людей, интересовавшихся в первую очередь политико-социальными вопросами (...). Эта среда помогла Лермонтову глубоко прислушаться к собственному голосу, подсказала сравнение двух поколений»¹.

Это сравнение поэт сделал в знаменитом стихотворении «Дума» и сделал его не в пользу своего — последекабристского — поколения. В «Думе» он воспекает декабристов эпохи их исторического подвига, видит в них богатырей. А теперь он увидел их постаревшими, потерявшими не только здоровье, но и веру в возможность победы над деспотизмом. Оставаясь «последним эхом декабристских настроений», как назвал его Луначарский, Лермонтов вместе с тем далеко опережал свое время, заглядывая вперед, веря, что придет долгожданная пора,

Когда царей корона упадет.

Все дело только в том, какими путями идти в будущее. И во все годы короткой жизни своей Лермонтов искал себе спутников. Ни кружки аристократической молодежи, создававшиеся в 30-е годы, ни «Кружок шестнадцати» начала 40-х годов, ни молодые славянофилы, ни постаревшие декабристы не могли удовлетворить его запросы. Вот откуда у него возник такой обостренный интерес к Белинскому, в котором он увидел представителя новой, молодой России, которому доверчиво открыл свою душу, поделился новыми замыслами и поверил, что Белинский объяснит новым поколениям читателей смысл и значение его (Лермонтова) творений.

¹ Морозова Г. В. Встречи Лермонтова с декабристами на Кавказе. — В кн.: Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова Исследования и материалы. М., 1941, с. 631, 632.



ГЛАВА ВОСЬМАЯ

*З*амысел произведения об «одном из героев века». — Интерес Лермонтова к «внутреннему человеку», к «истории души человеческой», новаторство романа «Герой нашего времени». — Нравственно-психологические эксперименты Печорина над собой, как способ самопознания, и над другими людьми, как средство проникнуть в их «тайны». — Бездействие Печорина как форма отрицания существующего порядка вещей. Черты «демонизма» в его характере. Печорин как тип «лишнего человека» в его сопоставлении с Онегиным. — Второстепенные персонажи романа в их взаимоотношениях с главным героем. Прототипы некоторых из них. — «Архитектура» романа: смысл его деления на две части. Споры критиков о его композиции («двойная», «перевернутая», «кольцевая»). — Язык и стиль романа. — «Герой нашего времени» в оценках современников Лермонтова.



Как и Пушкин, Лермонтов начинал свой путь в литературе стихами, затем попробовал свои силы в драматургии и, наконец, в прозе.

Первым опытом Лермонтова-прозаика, как мы уже говорили, явился роман из эпохи Пугачевского восстания «Вадим» (1833—1834). За «Вадимом» последовали незавершенный роман из современной жизни «Княгиня Лиговская» и тогда же начатый и оставленный в самом начале роман «Я хочу рассказать вам», из которого сохранился всего один небольшой отрывок.

Роман «Княгиня Лиговская» Лермонтов начал писать в 1836 году, вслед за драмой «Два брата». Центральный эпизод из этой пьесы — встречу героя с любимой женщиной — Лермонтов включил в роман «Княгиня Лиговская», а затем и в роман «Герой нашего времени». Один из монологов главного героя пьесы «Два брата» — Александра Радиона Лермонтов «передал» Печорину — главному герою своего романа (см.: Сочинения М. Ю. Лермонтова, т. V, с. 415—416 и т. VI, с. 297).

Такие самозаимствования отдельных эпизодов, сцен, выразительных фраз в прозе или строф и строк в сти-

хотворениях — характерная черта лермонтовской «техники» художественного письма, не раз отмечавшаяся исследователями. Но они говорят не только о «технике», а и связывают дорогие для художника мысли, чувства, образы в «звенья» единой цепи творческого процесса, когда художник ищет для них наиболее совершенного воплощения.

В романе «Княгиня Лиговская» Лермонтов изобразил представителя русского молодого поколения последекабристской эпохи. Поэт хорошо знал настроения, мысли, чувства и образ жизни своих сверстников, а также среду, с которой они сталкивались, враждовали, но порвать с ней не могли.

К этому конфликту лермонтовского поколения молодых дворян со своей средой в «Княгине Лиговской» присоединилось случайное, но предполагавшее серьезные последствия столкновение Печорина (так назвал Лермонтов главного героя своего второго романа) с бедным, но гордым чиновником Красинским...

Работа над романом «Княгиня Лиговская» была прервана в связи с арестом Лермонтова и его ссылкой на Кавказ за «непозволительные стихи», которыми он откликнулся на гибель Пушкина. Почему Лермонтов не вернулся к прерванному труду над «затянувшимся» романом (так он сам его назвал в письме к другу и помощнику С. А. Раевскому), сказать трудно. Исследователи полагают, что этому помешала слишком явная близость образов князя Лиговского и его жены Веры, а также Е. Н. Негуровой к их прототипам¹. Однако определенную — и немалую! — роль сыграли здесь новые впечатления, вынесенные Лермонтовым из кавказской ссылки.

Новая встреча с Кавказом настроила его на создание произведения более масштабного и значительного, нежели «Княгиня Лиговская». Однако именно это — незавершенное — произведение ближе всех стоит к лучшему из романов Лермонтова «Герой нашего времени».

Как это ни странно, но из всех крупнейших лермонтовских произведений менее всего изучена история со-

¹ Для образов князя Лиговского и его жены Веры послужили прототипами Варенька Лопухина, о которой речь шла выше, и ее муж Н. Ф. Бахметев, для Елизаветы Николаевны Негуровой — Е. А. Сушкова-Хвостова (см.: Примечания к роману «Княгиня Лиговская» в VI томе Соч. М. Ю. Лермонтова, М., 1957, с. 641)

здания «Героя...». Ни в письмах поэта, ни в его «Автобиографических заметках» нет сведений ни о начале работы над романом, ни о том, какие из составляющих его повестей написаны раньше, а какие позже, когда автору пришла мысль разделить его на две части, собрав в первой то, что рассказывают о главном герое другие действующие лица, а во второй — то, что думает, говорит и делает он сам.

Менее всего можно думать, что Лермонтов «случайно» отказался от замысла романа из светской жизни, каким могла стать «Княгиня Лиговская», и «случайно» открыл новый жанр социально-психологического романа, каким явился «Герой нашего времени».

Лермонтов приступает к работе над своим новым романом, почувствовав «высшую историческую необходимость» создать образ героя, живущего, мыслящего и действующего «в духе времени».

В связи с затронутым нами вопросом о роли «случая» в творческой деятельности большого писателя напомним интересные рассуждения об этом молодого Герцена, принадлежавшего к лермонтовскому поколению.

«Пора оставить несчастное заблуждение, что искусство зависит от личного вкуса художника или от случая, — писал Герцен. — Религия, наука и искусство всего менее зависят от всего случайного и личного (...). Начать с того, что великий художник не может быть несовременен. Одной посредственности предоставлено право независимости от духа времени»¹.

Написано это Герценом в конце 30-х годов в одном из набросков статьи об архитектуре. Набросок этот начинается словами: «Есть высшая историческая необходимость, пренебрегая которую выйдет уродство»². Не правда ли, какое поразительное, но и закономерное совпадение в направлении творческих устремлений двух великих художников слова?!

Роман возбудил всеобщее внимание, а крупнейший критик того времени заявил в журнале «Отечественные записки»: «Герой нашего времени» обнаружил в Лермонтове такого же великого поэта в прозе, как и в стихах»³.

Приветствуя третье издание «Героя нашего времени»,

¹ Герцен А. И., т. 1, с. 326—327.

² Там же.

³ Белинский В. Г., т. 5, с. 453.

Белинский писал о лермонтовской книге: «Никто и ничто не помешает ее ходу и расходу, пока не разойдется она до последнего экземпляра; тогда она выйдет четвертым изданием, и так будет продолжаться до тех пор, пока русские будут говорить русским языком»¹.

Это предсказание Белинского полностью оправдалось: «Герой нашего времени» не стареет, прожив около полутора веков и привлекая к себе внимание все новых и новых поколений читателей. Прав был великий критик, назвав лермонтовский роман «вечно юной книгой».

Интересно заметить, что Лермонтов сначала дал роману иное название: «Один из героев нашего века». Почему он отказался от него? Скорее всего, потому, чтобы в нем не чересчур прозрачно намекалось на подлинных героев времени — декабристов.

Герой лермонтовского романа Григорий Александрович Печорин родился в 1808 или 1810 году. Значит, в пору восстания декабристов ему было 17 или, самое меньшее, 15 лет. Конечно, по своей молодости Печорин еще не мог 14 декабря 1825 года находиться среди восставших на Сенатской площади. Но он, как и Лермонтов, близкие родственники которого были связаны с декабристами, пережил страшное время, когда после поражения восстания начались аресты, военные суды, казни и ссылки.

Лермонтову пришлось убрать какие бы то ни было намеки на связь своего героя с декабристами, и поэтому в его образе, как отметил Белинский, есть что-то недосказанное, как бы недоговоренное.

«Герой нашего времени» вызвал ожесточенные споры в критике.

Мы уже привели «отзыв» о романе, который был дан императором Николаем I². Критики из лагеря «охранителей» тогда же писали, что в романе Лермонтова нет ничего русского, что его герой порочен и списан у западноевропейских романистов. Барон Е. Розен вскоре после гибели поэта выразил «радость» по поводу того, что Лермонтов убит и уже не напишет «второго Печорина»³.

Сразу же после выхода в свет «Героя нашего времени» критики, принадлежавшие к правому лагерю, приступили

¹ Белинский В. Г., т. 5, с. 453.

² См. главу шестую.

³ М. Ю. Лермонтов в русской критике. М., «Советская Россия», 1985, с. 10.

к созданию легенды о том, что в Печорине поэт изобразил якобы самого себя.

Познакомившись с первыми критическими отзывами о «Герое нашего времени», Лермонтов нашел пужным написать предисловие ко второму изданию романа. В нем он язвительно высмеял попытки поставить знак равенства между автором романа и его главным героем. Поэт подчеркнул, что в образе Печорина дан не портрет одного человека, а художественный тип, вобравший в себя черты целого поколения молодых людей начала века.

Что считал Лермонтов главным в портрете Печорина? «Герой Нашего Времени...— говорит он в предисловии к роману,— это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения в полном их развитии». Создавая этот портрет «современного человека», Лермонтов был убежден в том, что для исправления общественного недуга «нужны горькие лекарства, едкие истины».

В конце предисловия Лермонтов говорит, что он не собирался стать «исправителем людских пороков» и не знает рецептов для их лечения. «Будет и того, что болезнью указана, а как ее излечить — это уж бог знает!» Заметим, что «печоринство» автор здесь называет болезнью века.

Предисловие к «Герою нашего времени» было напечатано во втором издании романа, в 1841 году. Оно вызвало восторг у Белинского. «Какая точность и определенность в каждом слове...— восхищался великий критик.— Какая сжатость, краткость и вместе с тем многозначительность! Читая строки, читаешь и между строками; понимая ясно все сказанное автором, понимаешь еще и то, чего он не хотел говорить, опасаясь быть многоречивым»¹.

В предисловии к дневнику Печорина Лермонтов сделал такое признание: «Я поместил в этой книге только то, что относилось к пребыванию Печорина на Кавказе; в моих руках осталась еще толстая тетрадь, где он рассказывает всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на суд света; но теперь я не смею взять на себя эту ответственность по многим важным причинам».

Жизнь Печорина до приезда на Кавказ не отражена в романе, не выяснены причины, которые привели его из Петербурга на юг. Ясно одно, что он сюда приехал не по

¹ М. Ю. Лермонтов в русской критике. М., «Советская Россия», 1985, с. 193.

доброй воле. «Кажется, ваша история там (в Петербурге.— *К. Л.*) наделала много шума...» — говорит доктор Вернер Печорину. Сам Печорин пишет в дневнике: «Ей (княжне Мери.— *К. Л.*), вероятно, расскажут страшную историю дуэли и особенно ее причину, которая здесь некоторым известна...» В окончательном тексте романа автор заменил «дуэль» какой-то неясной «историей», видимо оказавшей большое влияние на судьбу его героя.

Свой роман Лермонтов публиковал частями в журнале. Сначала в «Отечественных записках» была напечатана повесть «Бэла», а затем повести «Фаталист» и «Тамань». И только затем Лермонтов выпускает отдельное издание романа, в котором к названным выше повестям были добавлены «Княжна Мери» и «Максим Максимыч».

На первый взгляд могло казаться, что «Герой нашего времени» есть не что иное, как собрание законченных повестей под общим заглавием. Однако сохранившиеся рукописи «Героя...» помогают увидеть, что роман создавался как цельное произведение, все части которого объединялись стройным и глубоким замыслом.

В повестях «Бэла», «Фаталист» и «Тамань» образ Печорина окружен атмосферой таинственности. Его поступки кажутся странными и загадочными, а их мотивы — неясными. Один из немногих друзей Печорина, штабс-капитан Максим Максимыч, говорит о главном герое романа, что он принадлежит к тем людям, «у которых на роду написано, что с ними должны случаться разные необыкновенные вещи». И действительно, события, которые происходят с Печориным, никак нельзя назвать обычными. И хотя тот же Максим Максимыч называет его «славным малым», но в то же время — странным, мы с первого же знакомства с Печориным чувствуем, что это человек незаурядный, обладающий глубоким и гибким умом, волей, сильным характером.

Думается, что, напечатав в журнале «Бэлу», «Фаталиста» и «Тамань», Лермонтов хотел привлечь внимание читателей к своему герою, заинтересовать их и личностью Печорина, и его необычной судьбой. И Лермонтов достиг своей цели. Белинский встретил «Бэлу» восторженным отзывом: «Простота и безыскусственность этого рассказа — невыразимы... Вот такие рассказы о Кавказе... мы готовы читать»¹.

¹ Белинский В. Г., т. 4, с. 220.

«Фаталист» и «Тамань» еще более возбудили интерес критики и читающей публики к произведению Лермонтова. В ноябре 1839 года журнал «Отечественные записки» напечатал такое сообщение: «С особенным удовольствием пользуемся случаем известить, что М. Ю. Лермонтов в непродолжительном времени издает собрание своих повестей и напечатанных и ненапечатанных. Это будет новый прекрасный подарок русской литературе».

И вот вышло в свет отдельное издание «Героя нашего времени». Читатели впервые познакомились в нем с повестью «Княжна Мери», рассказом «Максим Максимыч» и с предисловием к журналу Печорина. «...Нет, это не собрание повестей и рассказов,— писал тогда же Белинский,— это роман, в котором один герой и одна основная идея, художнически развитая. Кто не читал самой большой повести этого романа — «Княжны Мери», тот не может судить ни об идее, ни о достоинстве целого создания. Основная идея романа развита в главном действующем лице — Печорине... с которым вы вполне «знакомитесь только через «Княжну Мери»; по прочтении этой повести и сама «Бэла» предстает перед вами в новом свете»¹.

Опасаясь, что расположение частей романа может оказаться непонятным для его первых читателей, Белинский как бы предупреждал их: «...несмотря на его (романа.— К. Л.) эпизодическую отрывочность, его нельзя читать не в том порядке, в каком расположил его сам автор: иначе вы прочтете две превосходные повести и несколько превосходных рассказов, но романа не будете знать»².

Возвращаясь к этой мысли позднее, Белинский указывал, что расположение частей романа, их сцепление произведены автором «сообразно с внутренней необходимостью»³. В чем же она состояла? По мнению критика, Лермонтов задался двумя целями: выдвинуть в романе «важный современный вопрос о внутреннем человеке» и рассказать «историю души человеческой»⁴.

В первые десятилетия XIX века в русской литературе получили распространение романы правоописательные, правоучительные (дидактические), авантюрные (далекие

¹ Белинский В. Г., т. 4, с. 146.

² Там же.

³ Там же, с. 267.

⁴ Там же, с. 146.

предшественники современных «детективов»), исторические, философские.

Исследователи показали, с какой настойчивостью предшественники Лермонтова-романиста и в русской и в западноевропейской литературе искали новую форму романа, которая позволила бы успешно решить задачу сцепления различных эпизодов, сцен, диалогов, картин, с различных сторон показывающих главного героя и помогающих ввести в повествование рассказчика, который бы не мешал действовать главному герою и в то же время помогал читателям оценить его мысли, чувства, поступки.

Одним из первых удачных опытов в направлении этих поисков явился роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». В 1832 году Пушкин предлагал В. И. Далю — создателю знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка» и известному беллетристу — написать роман. «Я на вашем месте,— говорил Пушкин,— сейчас бы написал роман, сейчас; вы не поверите, как мне хочется написать роман, но нет, не могу: у меня их начато три,— начну прекрасно, а там не достает терпения, не слажу». А между романом в стихах и романом в прозе, по словам Пушкина, «дьявольская разница»¹.

У Лермонтова терпения достало, и он «сладил» с той формой романа, прообразом которой послужил «Евгений Онегин»; в нем успешно осуществлено «собрание и циклизация малых жанров вокруг центрального сюжета», а рядом с героями живет автор, взявший на себя «всю лирическую линию» произведения².

Но дело не только в том, как, какими и художественными способами показаны Онегин и Печорин, а дело еще и в их «кровном родстве». Печорина пушкинисты называют Онегиным 30-х годов. Оба они принадлежат к одной и той же общественной среде. Есть много общего в их настроениях, в отношении к действительности, к людям. И тем не менее,— писал Д. Д. Благой,— в лермонтовском романе «герой показан иным», чем в романе Пушкина, потому что иным стал и в самой действительности — «не александровского, а николаевского времени»³.

Изменилось и отношение авторов этих романов к своим героям: «Пушкин дает своего Онегина в основном со сто-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т., т. 10, 1958, с. 70.

² Эйхенбаум Б. М. Статьи о Лермонтове, с. 241—242.

³ Благой Д. Д. Лермонтов и Пушкин. М., 1941, с. 397—406.

роны (...). Лермонтов в гораздо большей степени в своем герое». Примечательно, что Пушкин отказался от мысли ввести в роман дневник Онегина (его «альбом»), а Лермонтов дал в романе значительное место дневнику героя — «журналу Печорина»¹.

Белинский справедливо указывал на повесть «Княжна Мери», как на главную в романе. Дело не в том только, что она занимает центральное место в композиции произведения. В этой повести Печорин рассказывает о самом себе, раскрывает свою душу. И недаром в предисловии к «Журналу Печорина» сказано, что в нем перед нашими глазами предстанет «история души человеческой». Здесь сильнее всего проявились особенности «Героя нашего времени» как психологического романа.

В дневнике Печорина мы находим его искреннюю исповедь, в которой он раскрывает свои мысли и чувства, беспощадно бичуя свои слабости и пороки. Здесь даны и разгадка его характера, и объяснение его поступков.

Подчеркивая социальный характер трагедии поколения, к которому принадлежал Печорин, Н. Г. Чернышевский писал: «Лермонтов... понимает и представляет своего Печорина, как пример того, какими становятся лучшие, сильнейшие, благороднейшие люди под влиянием общественной обстановки их круга»².

Печорин воспринимается читателями, как жертва своего времени. Но оправдывает ли Лермонтов его поступки, его настроение? В бессонную ночь, накануне дуэли с Грушницким, герой романа как бы подводит итоги прожитой жизни. «Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился? — размышляет Печорин. — А верно, она существовала, и верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные; но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений, лучший цвет жизни».

Какие горькие и печальные признания! То, что мы узнаем о Печорине из его дневника, из рассказов других

¹ Благый Д. Д. Лермонтов и Пушкин. — В кн.: Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. М., 1941, с. 406.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М., 1949, т. 2, с. 211.

действующих лиц, вызывает к нему двойственное чувство. Мы не можем не осуждать Печорина за его отношение к Бэле, к княжне Мери, к Вере, к доброму Максиму Максимычу. Но мы не можем ему не сочувствовать, когда он едко высмеивает аристократическое «водяное общество», разбивает козни Грушницкого и его приятелей. Мы не можем не видеть, что Печорин на голову выше окружающих его людей, что он умен, образован, талантлив, храбр, энергичен. Нас отталкивает равнодушие Печорина к людям, его неспособность к настоящей любви, к дружбе, его индивидуализм и эгоизм. Но нас увлекает Печорин своей жадной жизни, стремлениями к лучшему, умением критически оценить свои поступки. Он глубоко несимпатичен нам «жалкостью действий», теми своими поступками, которыми он приносит страдания другим людям. Но мы видим, что и сам он глубоко страдает.

Герой романа говорит о себе: «Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его...» Каковы причины этой раздвоенности? «Моя бесцветная молодость протекала в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца; они там и умерли. Я говорил правду — мне не верили: я начал обманывать; узнав хорошо свет и пружины общества, я стал искусен в науке жизни...» — признается Печорин. Он научился быть скрытным, стал злопамятным, желчным, завистливым, честолюбивым, сделался, по его словам, нравственным калекой.

Печорин — эгоист. Но еще пушкинского Онегина Белинский назвал страдающим эгоистом и эгоистом поневоле. То же самое можно сказать и о Печорине. О нем Белинский сказал: «Это Онегин нашего времени — Герой нашего времени. Несходство их между собою гораздо меньше расстояния между Онегой и Печорою»¹.

При всей разнице внешнего облика и различии характеров и Онегин, и герой грибоедовской комедии «Горе от ума» Чацкий, и лермонтовский Печорин принадлежат к типу «лишних людей», то есть таких людей, для которых в окружающем их обществе не находилось ни места, ни дела. В романе Лермонтова, как и в его стихах, и поэмах, много «горечи и злости». Герою романа Печорину, как и герою лермонтовской драмы «Маскарад» Арбенину, присущи разочарование в жизни и пессимизм.

¹ Белинский В. Г., т. 4, с. 265.



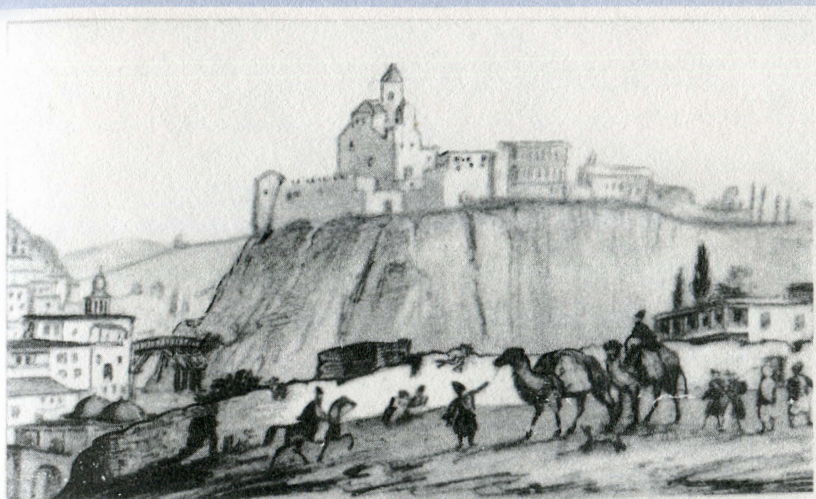
М. Ю. Лермонтов.
Акварель К. А. Горбунова. 1841.



А. И. Одоевский.



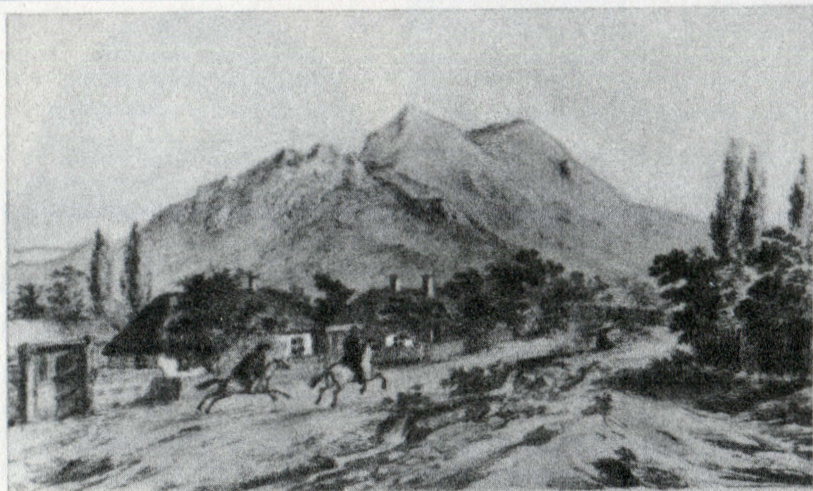
Кавказ. Военно-Грузинская дорога.
Акварель Н. Чернецова.



Тифлис. Рисунок М. Ю. Лермонтова. 1837.



Тамань. Домик над обрывом.
Рисунок М. Ю. Лермонтова. 1837.



Бештау близ Железноводска.
Рисунок М. Ю. Лермонтова. 1837.



Развалины на берегу Арагвы в Грузии.
Рисунок М. Ю. Лермонтова. 1837.



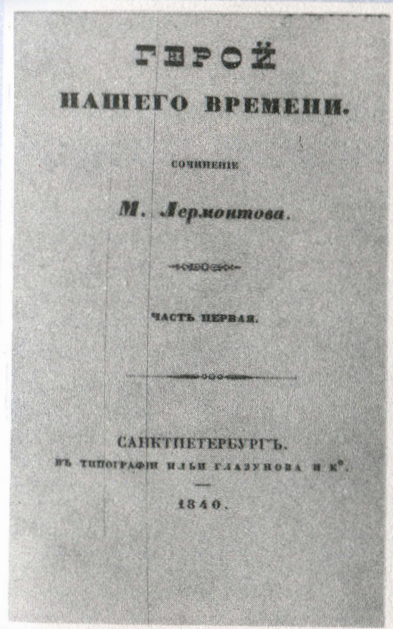
Автопортрет М. Ю. Лермонтова.
1837—1838.



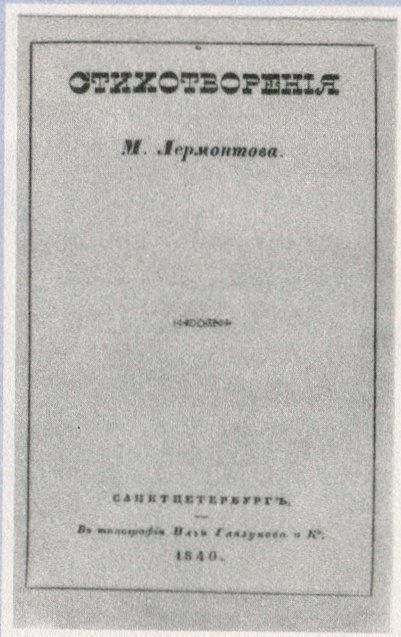
В. Г. Белинский.
Автолитография К. Горбунова.
1843.



Петербург. Ордонанс-гауз.
Литография.



«Герой нашего времени».
Первое издание.



А. А. Краевский.
Портрет К. Турганинова.
«Стихотворения М. Лермонтова».
Первое издание.



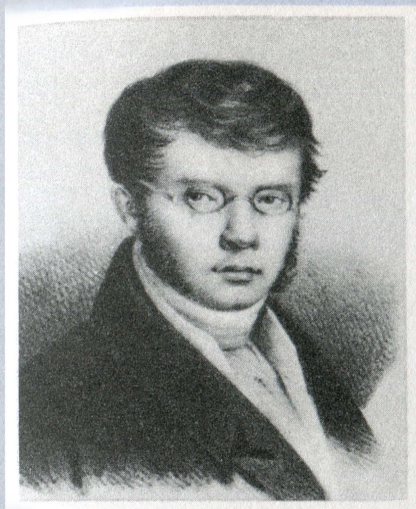
Е. А. Карамзина.
Портрет неизвестного художника.
1830-е гг.



В. А. Жуковский.
Акварель П. Соколова.



Петербург. Дом Карамзиных
на Гагаринской улице (на Фонтанке).



П. А. Вяземский.
Литография. 1820-е гг.



Н. Н. Пушкина.
Акварель В. Гау.



В. Ф. Одоевский.
Литография П. Бореля. 1870.



М. Ю. Виельгорский.
Гравюра Г. Райта
по оригиналу Крюгера.



Ю. Ф. Самарин.
Рисунок
В. Тропинина.



Ксаверий Браницкий.
Акварель неизвестного художника.

А. И. Васильчиков.
Рисунок Г. Гагарина.



«Группа на лестнице». Рисунок Г. Гагарина.
Слева направо: Волконский, Васильчиков, Трубецкой,
Долгорукий, Давыдов.



Н. М. Сатин.
Фотография.



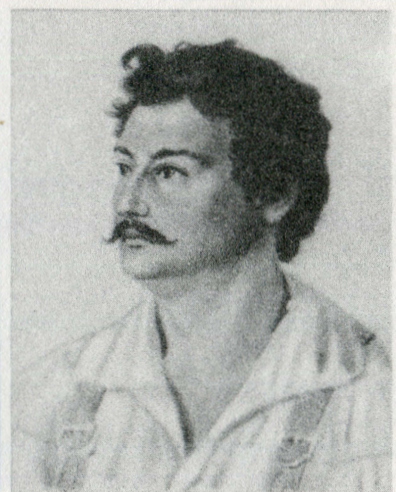
В. Н. Лихарев.
Акварель Н. А. Бестужева. 1828.



Эпизод из сражения при Валерике 11 июля 1840 года.
Акварель М. Ю. Лермонтова.



Н. И. Лорер.
Акварель Н. А. Бестужева. 1828.



С. И. Кривцов.
Акварель Н. А. Бестужева. 1828.

А. В. Галафеев.
Портрет Д. Палена.



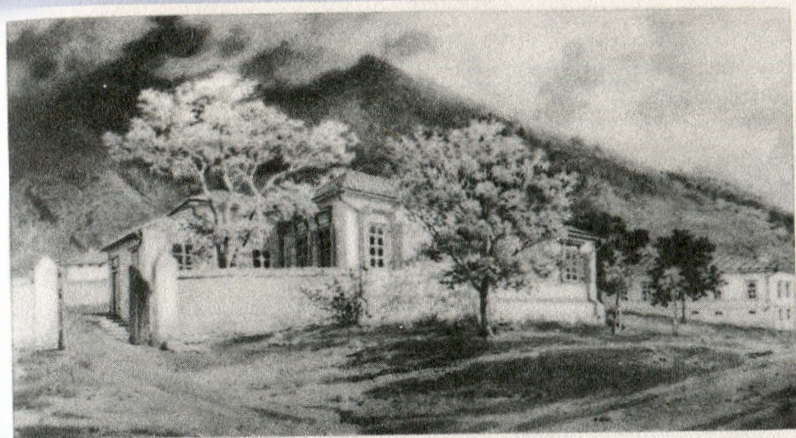
Пятигорск. Грот Дианы.
Рисунок Я. Иванова. 1830-е гг.



М. П. Глебов.



С. В. Трубецкой.
Акварель П. Соколова.



Пятигорск.
Дом Верзилиных.
Рисунок Премацци.



Н. С. Мартынов.
Рисунок Г. Гагарина.



Место дуэли М. Ю. Лермонтова.

Тарханы. Могила М. Ю. Лермонтова.

В своей «Истории русской литературы» М. Горький говорит, что пессимизм в творчестве Лермонтова есть «действенное чувство, в этом пессимизме ясно звучит презрение к современности и отрицание ее, жажда борьбы и тоска, и отчаяние от сознания одиночества, от сознания бессилия. Его пессимизм весь направлен на светское общество»¹.

Все эти черты мы находим и в печоринском пессимизме, который также весь направлен на светское общество. Вдумайтесь в язвительные и очень меткие характеристики, которые дает Печорин представителям аристократического светского общества, съехавшимся в Пятигорск на воды. Всмотритесь в их лица, понаблюдайте за их поведением, прислушайтесь к их разговорам, и вы увидите и поймете, что «водяное общество» — это сборище спесивых и фальшивых господ, богатых и титулованных бездельников, все интересы которых сводятся к погоне за деньгами, наградами и развлечениями, сплетням, карточной игре, интригам, пошлому флирту.

Среди записных «московских франтов» и модных «блестящих адъютантов», фланирующих в пятигорском смешанном обществе, выделяется фигура Грушницкого. Он — прямой антипод Печорина, даже пародия на него. Если Печорин привлекает к себе внимание, несколько не заботясь об этом, то Грушницкий изо всех сил старается «производить эффект». Если Печорин по-настоящему глубоко разочарован в жизни, то Грушницкий играет в разочарование. Он принадлежит к людям, страсть которых состоит в том, чтобы позировать и декламировать, не понимая и не чувствуя истинно прекрасного в жизни, такие люди «важно драпируются в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания». Белинский охарактеризовал его, как образец «идеальных фразеров», которых можно было увидеть «на каждом шагу»².

Печорин легко разгадал Грушницкого, и тот проникся к нему смертельной ненавистью. О людях, подобных Грушницкому, Печорин метко говорит, что «под старость они делаются либо мирными помещиками, либо пьяницами — иногда тем и другим».

Всеми поступками Грушницкого движет мелочное са-

¹ Горький М. История русской литературы. М., 1939, с. 165.

² Белинский В. Г., т. 4, с. 174.

молюбие. В сочетании со слабостью характера самолюбие приводит его к самым неблагоприятным поступкам (он стреляет в безоружного Печорина). Оно заглушило в Грушницком голос совести и, как говорит Белинский, «заставило его предпочесть верную смерть» вместо того, чтобы чистосердечным признанием вернуть себе честь и сохранить жизнь.

К Грушницкому благоволили жены местных начальников — «хозяйки вод», а также «семейства степных помещиков», дочери которых приехали на воды ловить жемчужины. А он, поставив себе целью «сделаться героем романа», пытается завоевать сердце московской княжны Мери.

Княгиня Лиговская гордится умом и знаниями дочери. По ее словам, Мери «читала Байрона по-английски и знает алгебру». Княгиня гордится тем, что ее Мери «невинна, как голубь», но она ничем не может помочь дочери, когда та оказалась перед трудным выбором. Княгиня немало виновата в том, что Мери была не подготовлена к жизненным испытаниям и так жестоко страдает. «Княжна, как птичка, билась в сетях, расставленных искусною рукою, — пишет Белинский. — Она допустила обмануть себя, но когда увидела себя обманутою, она, как женщина глубоко почувствовала свое оскорбление... Сцена ее последнего свидания с Печориным возбуждает к ней сильное участие и обливает ее образ блеском поэзии»¹.

Не менее поэтичен образ Бэлы. Безоглядная любовь к Печорину соединяется в ней с чувством собственного достоинства.

«Если он меня не любит, то кто ему мешает отослать меня домой? — говорит Бэла Максиму Максимычу, отерев слезы и гордо подняв голову. — А если это будет так продолжаться, то я сама уйду: я не раба его, я княжеская дочь!»

Страстность, смелость и гордость сливаются в ее характере с трогательной женственностью. История короткой жизни и трагической гибели Бэлы, рассказанная Максимом Максимычем, надолго оставляет в нас чувство печали и глубокого сожаления...

Из всех близких к Печорину лиц глубже других понимает его доктор Вернер — человек умный и проницательный, насмешливый и тонкий собеседник. Его друзья-

¹ Белинский В. Г., т. 4, с. 205.

ми были «все истинно порядочные люди, служившие на Кавказе», пишет Лермонтов, явно имея в виду декабристов, живших здесь в ссылке.

Образ доктора Вернера нарисован Лермонтовым с явной симпатией. С еще большей симпатией рисует автор простого армейского офицера штабс-капитана Максима Максимыча. Честнейший и добродушный человек, Максим Максимыч огрубел, прослужив всю жизнь на передовой Кавказской линии. Белинский высоко оценил его образ, увидав в Максиме Максимыче тип «старого кавказского жулика, закаленного в опасностях, трудах и битвах, которого лицо так же загорело и сурово, как манеры простоваты и грубы, но у которого чудесная душа, золотое сердце. Этот тип чисто русский»¹. Отметив умственную ограниченность Максима Максимыча, критик говорит, что ее причина «не в его натуре, а в его развитии»².

С великой грустью рассказывает Максим Максимыч о Бэле, которую он полюбил как родную дочь. Горькой обидой переполнилось его сердце, когда он, наконец, снова встретился с Печориным, а тот с холодностью и безразличием протянул ему руку. Они сухо и навсегда расстались.

«Но вы, любезный читатель, — спрашивает Белинский, — верно, не сухо расстались с этим старым младенцем, столь добрым, столь человечным и столь неопытным во всем, что выходило за тесный кругозор его понятий и опытности? Не правда ли, вы так свыклись с ним, так полюбили его, что никогда уже не забудете его, и если встретите — под грубой наружностью, под корою зачерствелости от трудной и скудной жизни — горячее сердце, под простой мещанскою речью — теплоту души, то, верно, скажете: «Это Максим Максимыч?..» И дай бог вам поборее встретить на пути вашей жизни Максимов Максимычей!..» Он так полюбился Белинскому, что тот говорит о старом штабс-капитане, как о человеке, с которым «раз познакомившись, век бы не расстался»³.

Если Печорин вызвал к жизни близких ему героев в произведениях русских писателей середины прошлого века и второй его половины⁴, то и Максим Максимыч нашел

¹ Белинский В. Г., т. 4, с. 205.

² Там же.

³ Белинский В. Г., т. 4, с. 224—225.

⁴ С Печориным историки русской литературы связывают галерею «лишних людей», таких, как Бельтов, Рудин, Райский.

свое продолжение в образах капитана Хлопова из рассказа Л. Н. Толстого «Набег» и капитанов Тушина и Тимохина из «Войны и мира».

Давно замечено, что доктор Вернер из лермонтовского романа является прямым предшественником доктора Крупова из одноименной повести Герцена.

Не менее важно заметить, что Лермонтовым — сначала в «Княгине Лиговской», а затем и в «Герое нашего времени» — завершено развитие русской беллетристики 30-х годов, так называемой «светской повести». Он использовал ее достижения и пародировал ее недостатки¹.

Связи лермонтовских романов с предшествующими ей и последующими направлениями в развитии русской прозы — обширная и все еще недостаточно разработанная область лермонтоведения. Едва ли кто больше, нежели Белинский, сделал для того, чтобы объяснить смысл и значение гениального творчества Лермонтова. Это понимали и ценили современники великого критика.

«Памятником усилий Белинского растолковать настроение Лермонтова в наилучшем смысле, — говорит П. В. Анненков, — остался превосходный разбор романа «Герой нашего времени» от 1840 года»².

То же самое можно сказать и о превосходном разборе лермонтовских поэтических произведений, который дан Белинским в статье «Стихотворения М. Ю. Лермонтова» (о ней пойдет речь в следующей главе).

Невозможно переоценить герценовские оценки Лермонтова. Напомним, что Герцен первым напечатал запрещенное царской цензурой лермонтовское стихотворение «Смерть Поэта» в своем журнале «Полярная звезда». Есть у Герцена и еще одна важная заслуга в истории лермонтоведения: он первым заговорил о значении творчества поэта для русского освободительного движения.

В книге А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России» большое место уделено характеристике русской литературы первой половины XIX века и ее роли в освободительном русском движении. Много сказано в ней о выдающихся русских писателях, их произведениях и главных героях.

¹ См.: Белкина М. А. «Светская повесть» 30-х годов и «Княгиня Лиговская» Лермонтова. — В кн.: Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. Исследования и материалы, с. 516—551.

² Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960, с. 180.

Герцен очень любил сопоставительные характеристики, они запоминаются, так как очень метки и яркие. Вот одна из них: «Образ Онегина настолько национален, что встречается во всех романах и поэмах, которые получают какое-либо признание в России, и не потому, что хотели копировать его, а потому, что его постоянно находишь возле себя или в себе самом.

Чацкий, герой знаменитой комедии Грибоедова, — это Онегин-резонер, старший его брат.

Герой нашего времени Лермонтова — его младший брат¹.

А все вместе они — по характеристике Герцена — представляют последекабристское поколение русской дворянской молодежи, обреченное на роль «умных ненужностей»².

В своих зарубежных, свободных от цензуры, изданиях Герцен имел возможность открыто говорить и об эстетическом и о политическом значении творчества великих русских писателей, в частности Лермонтова. У Белинского такой возможности не было. Но и в статьях Белинского о Лермонтове речь идет не только о художественном, но и общественно-историческом значении его творчества.

Нужно было иметь много гражданского мужества, чтобы в самой ранней рецензии на «Героя нашего времени» сказать, что «в основной идее романа г. Лермонтова лежит важный современный вопрос о внутреннем человеке, вопрос, на который откликнутся все, и потому роман должен возбудить всеобщее внимание...»³.

Что значит вопрос о «внутреннем человеке»? Это вопрос вопросов всей нашей русской гуманистической литературы, боровшейся против всего, что мешало человеку быть настоящим, быть человеческим в самом высоком и прекрасном смысле этого слова.

Этому вопросу вопросов посвящен не только «Герой нашего времени», а и все поэтическое творчество Лермонтова.

Особенно высоко оценил лермонтовский роман Н. В. Гоголь. В известной его статье «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1846) о Лермонтове-романисте сказано: «Никто еще не писал

¹ Герцен А. И., т. 7, с. 204.

² Там же.

³ Белинский В. Г., т. 4, с. 146.

у нас такой правильной, прекрасной и благоуханной прозой. Тут видно больше углубления в действительность жизни; готовился будущий великий живописец русского быта...»¹

Этот отзыв Гоголя о «Герое нашего времени» особенно примечателен потому, что по известной характеристике Белинского — именно Гоголь и Лермонтов явились крупнейшими родоначальниками «послепушкинского» периода развития нашей отечественной литературы.

В «поле зрения» Гоголя Лермонтов попал значительно раньше. В мемуарной книге С. Т. Аксакова о Гоголе мы находим свидетельства давнего и очень доброжелательного отношения автора «Мертвых душ» и «Ревизора» к Лермонтову. Утверждая, что Лермонтов-прозаик выше Лермонтова-стихотворца, Гоголь признавал, что «его младший современник занимает, как поэт, первое место среди всех поэтов, пришедших в литературу после того, как не стало Пушкина»².

¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 9-ти т. М., 1952, т. 8, с. 402.

² Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. М., 1960, с. 38, 43.



ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

П

еревод Лермонтова в Тенгинский пехотный полк.— Отъезд из Петербурга.— Снова на Кавказе Участие в походах и сражениях. Битва на реке Валерик («речка смерти») Хлопоты Е. А. Арсеньевой о «прощении» внука. Двухмесячный отпуск.— Стихотворения «Валерик» и «Завещание».— Снова в столице. Новые знакомства. Попытки выйти в отставку.— Апрель 1841 г. Предписание военного начальства Лермонтову: покинуть Петербург в течение 48 часов.— Прощание с друзьями.— Пять последних дней в Москве.— Поспешный отъезд на Кавказ.— Новые хлопоты об отставке.



о дороге из Петербурга на Кавказ Лермонтов провел несколько дней в Москве. Круг его знакомых расширился. Особенный интерес к общению с ним проявили молодые славянофилы, тогда только начинавшие свою публицистическую, а некоторые и художественную деятельность. Так, поэт и философ А. С. Хомяков с первой же встречи понравился Лермонтову. Друг Хомякова Ю. Ф. Самарин заметил тогда, что «Лермонтов сделал на всех самое приятное впечатление»¹.

Взволнованный встречей с поэтом, А. С. Хомяков писал Н. М. Языкову: «А вот еще жаль: Лермонтов отправлен на Кавказ за дуэль. Боюсь, не убили бы. Ведь пуля дура, а он с истинным талантом, и как поэт, и как прозатор»². Не только автор этого письма, а и многие давние и новые друзья поэта понимали, что его жизни грозит серьезная опасность. Однако никто не мог знать тогда, что дни Лермонтова сочтены, что за каждым его

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 297.

² Мануйлов В. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова, с. 131.— Прозаторами А. С. Хомяков называл писателей-прозаиков.

шагом ведется тайный надзор «по высочайшему повелению».

Последний вечер в Москве поэт провел в доме писателя Н. Ф. Павлова и поэтессы Каролины Павловой. Как ни старалась хозяйка дома развлечь и развеселить гостя, ей это не удалось: «Он уехал грустный»¹.

В июне 1840 года Лермонтов прибыл в Ставрополь, где находилась главная квартира командующего войсками Кавказской линии и Черномории. В это же время в Петербурге вышел в свет очередной том журнала «Отечественные записки» с новыми лермонтовскими стихотворениями («Отчего?» и «Благодарность»), с начальными главами статьи Белинского о «Герое нашего времени». И еще долго будут появляться в печати его новые произведения, оставленные им в редакции журнала. Еще долго будет бороться Белинский за утверждение того направления в русской литературе, родоначальниками которого он считал Гоголя и Лермонтова. А поэт все чаще делится с близкими людьми предчувствием скорого конца и спешит-спешит осуществить свое жизненное предназначение, все более отчетливо уясняя себе его смысл...

Возвратившись в полк, Лермонтов сообщает своему другу Алексею Лопухину в письме из Ставрополя от 17 июня 1840 года: «Завтра я еду в действующий отряд, на левый фланг в Чечню брать пророка Шамиля», и шутливо добавляет: «...которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать к тебе по пересылке».

В следующем письме тому же адресату, посланном через три месяца, Лермонтов сообщает подробности «довольно жаркого» сражения при реке Валерик, продолжавшегося «6 часов сряду». Жалуясь на отсутствие писем от родных и друзей («ты не можешь вообразить, как тяжела мысль, что друзья нас забывают»), Лермонтов высказывает догадку, что почта не находит его на месте, так как он «шатался все время по горам с отрядом». Через месяц он пишет новое письмо Лопухину из крепости Грозной, в которую возвратился с отрядом после трехнедельной экспедиции в Чечню. «Не знаю, что будет дальше, — говорит он другу, — а пока судьба меня не очень обижает». Лермонтов делится с Лопухиным своими надеждами на то, что, получив «в наследство» от раненого

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 297.

Р. И. Дорохова «отборную команду охотников»¹, участвующую в боях по правилам «партизанского отряда», он сможет с ним «удачно действовать». И тогда *«авось, что-нибудь дадут»* (курсив мой. — К. Л.).

Вот когда Лермонтов начинал понимать (но еще не до конца), что его положение становилось ничуть не лучше, чем у сосланных на Кавказ декабристов.

Николай I, отправив его во вторую ссылку на Кавказ, указал командованию действующей армии не только не давать ему никаких «поблажек», а и непрестанно посылать на линию огня. И оно было вынуждено это делать и делало, несмотря на то, что во главе его стояли такие незаурядные люди, как генерал-адъютант граф П. Х. Граббе или его помощник князь В. С. Голицын, высоко ценившие поэзию Лермонтова, уважавшие его за мужество и готовность в любых обстоятельствах отстаивать честь и достоинство русского офицера.

В молодости Граббе входил в декабристский «Союз благоденствия», за что после неудачи восстания 14 декабря 1825 года поплатился четырехмесячной «отсидкой» в крепости. За недостаточностью улик Граббе был освобожден и снова вернулся на военную службу.

В 1812 году молодой Граббе принимал участие в Бородинском сражении, состоя адъютантом у знаменитого генерала А. П. Ермолова, попавшего в опалу после воцарения Николая I.

Приезжая в Ставрополь, Лермонтов часто бывал в доме Граббе, где всегда встречали его как желанного гостя. Командующий старался помочь Лермонтову, как говорил поэт, «удачно действовать» вместе с «отрядом охотников», а затем представлял его к поощрениям и наградам.

Личное участие в походах и сражениях, безупречная храбрость, умная распорядительность, находчивость — вот качества, проявленные им в битве при Валерике и засвидетельствованные теми, кто был рядом.

Из сохранившихся в архивах документов, характеризующих Лермонтова-воина, приведем лишь один, в нем живо описываются и четко оцениваются его действия в сражении при Валерике: «Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов, во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик, имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять

¹ То есть вступивших в отряд добровольно, по собственной охоте.

начальника отряда об ее успехах, что было сопряжено с величайшею для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми отрядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы»¹.

В «Журнале военных действий на левом фланге Кавказской линии», откуда взят этот документ, Лермонтов назван среди офицеров, проявивших в сражении при Валерике «необыкновенное рвение».

За бесстрашие, храбрость и умелое исполнение порученного ему дела участник сражения при Валерике поручик Лермонтов был представлен командиром Чеченского отряда генерал-лейтенантом А. В. Галафеевым к ордену Владимира 4-й степени с бантом.

Командование корпусом решило, что столь высокую награду Лермонтову не дадут, и поменяло орден Владимира 4-й степени на орден Станислава 3-й степени. Но даже и на эту награду «не последовало высочайшего соизволения». Не получил он и золотой сабли, к награждению которой за участие во втором Валерикском сражении его представил командовавший кавалерией князь В. С. Голицын².

Поведение Лермонтова на полях сражений определялось глубоко осознанным им чувством воинского долга. Поступая в Юнкерскую школу, он написал одному из своих московских друзей: «...если будет война, клянусь вам богом, буду всегда впереди».

И он выполнил обещание: когда пришлось воевать, он «...был всегда первый на коне и последний на отдыхе...»³.

Немалым испытанием для Лермонтова явилось его назначение на пост командира сотни казаков-«охотников» взамен раненного 10 октября 1840 года Р. И. Дорохова, известного не только тем, что он три раза за дуэли и другие «проступки» был разжалован в солдаты, но и безоглядной, фантастической храбростью. Заменить такого командира было не просто, но Лермонтов сумел покорить сердца всей сотни «охотников» не только отвагой, но

¹ См.: Мануйлов В. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова, с. 134.

² Лермонтовская энциклопедия, с. 116.

³ Там же, с. 89.

и тем, что делил с ними трудности воинского быта: «Отказавшись от всяких удобств, он вел тот же образ жизни, что и они, спал на голой земле, ел из общего котла, небрежно относился к соблюдению формы и своему внешнему виду. Лермонтов был доволен этим назначением»¹

Офицер К. Х. Мамацев, друживший с декабристами, хорошо относившийся к Лермонтову, рассказывал о нем: «Он был отчаянно храбр, удивлял своею удаleyю даже старых кавказских джигитов, но это не было его призванием, и военный мундир он носил только потому, что тогда вся молодежь лучших фамилий служила в гвардии. Даже в этом походе он никогда не подчинялся никакому режиму, и его команда, как блуждающая комета, бродила всюду, появляясь там, где вздумается, в бою она искала самых опасных мест...»².

Военная служба не отвечала истинному призванию Лермонтова, он тяготится ею.

В письме от конца октября 1840 года к А. А. Лопухину из крепости Грозной, куда отряд генерала А. В. Галафеева «возвратился после 20-дневной экспедиции в Чечне», Лермонтов обещает своему другу: «Может быть, когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых я был свидетелем». Но чтобы мечты об этой мирной жизни осуществились, нужно было уйти в отставку. Пожалуй, с момента отправки этого письма Лермонтов не только мечтает о возвращении к штатской жизни, но и начинает хлопотать о том, чтобы это произошло.

И тут как-то сама собой напрашивается параллель с молодым Л. Н. Толстым, служившим в 50-годах в Кавказской действующей армии. Известно, что он добровольно пошел на военную службу не только под влиянием старшего брата Н. Н. Толстого, воевавшего на Кавказе, но и движимый стремлением проверить себя: храбрый ли он человек?

И вот когда появились в печати первые произведения Толстого, Тургенев, который был его старше на десять лет, шлет ему письма, настойчиво советуя оставить военную

¹ Лермонтовская энциклопедия, с. 254.

² М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 258. — Говоря об «этом походе», К. Х. Мамацев имел в виду поход в Большую Чечню, продолжавшийся с 27 сентября по 18 октября 1840 года.

службу. Так 10 октября 1855 года он пишет Толстому в действующую Крымскую армию: «...В последнее время я особенно часто думал о Вас. Жутко мне думать о том, где Вы находитесь. Хотя, с другой стороны, я и рад для Вас всем этим новым ощущениям и испытаниям, — но всему есть мера и не нужно вводить судьбу в соблазн (...). Вы достаточно доказали, что Вы — не трус, — а военная карьера все-таки не Ваша. Ваше назначение — быть литератором, художником мысли и слова»¹.

Друзья Лермонтова говорили ему то же самое, что писал Тургенев молодому офицеру Льву Толстому. Но Толстой воевал, пока не закончилась Крымская война. Толстой не меньше чем Лермонтов тяготился тем, что в армии было много бездарных офицеров, карьеристов и лихоимцев. Но разница между Толстым и Лермонтовым состояла в том, что Толстой был участником оборонительной войны², а Лермонтов — войны, которая велась, как наступательная. Однако, как и многие передовые люди той поры, он понимал, что цель ее — объединение Кавказа с Россией — выдвинута была самой историей. Лермонтов считал, что добиваться этого объединения следовало мирным путем. Событиям той войны посвящено одно из сильнейших произведений поэта — стихотворение «Валерик».

В мировой поэзии не много таких беспощадно-правдивых картин кровавых битв, нарисованных кистью художника, принимавшего в них личное участие. Что означает слово «Валерик», если передать его смысл на русском языке? Ответ на этот вопрос дан в самом стихотворении. После знаменитых строк о бессмысленности войн («Под небом места много всем...») идут строки:

*Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кулак мой: я его спросил
Как месту этому названье?
Он отвечал мне: Валерик,
А перевесть на наш язык,
Так будет речка смерти: верно
Дано старинными людьми.*

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем.. В 28-ми т. Письма. М. — Л., 1961, т. 2, с. 316.

² До перехода в Крымскую армию Толстой, как и Лермонтов, находился в Кавказской армии

У молодого Толстого, позже Лермонтова участвовавшего в Кавказской войне, есть рассказ «Как умирают русские солдаты» («Тревога») (1854)¹. В нем описано нападение конного отряда чеченцев на крепость Чахгири, считавшуюся «одним из самых живописных и беспокойных мест Кавказа». В завязавшейся перестрелке были тяжело ранены один из нападавших горцев и русский солдат Бондарчук. Смерть Бондарчука («Какой славный солдат был. Вся рота им держалась») описана в рассказе как привычное для солдат дело («Все одно когда-нибудь умирать», — отвечал он, закрывая глаза») и вместе с тем как одно из важнейших событий в жизни человека («Мысль о близости смерти уже успела проложить на этом простом лице свои прекрасные, спокойно-величественные черты»). Рассказ этот Толстой не завершил, но в нем уже были найдены новые способы изображения человека на войне, которые писатель разовьет в кавказских и севастопольских рассказах, в повести «Казачьи» и других произведениях о войне.

Как и Лермонтов, Толстой осуждает войны захватнические, сопровождающиеся жестоким насилием. Как и Лермонтову, Толстому были ненавистны изображенные им в повести «Хаджи-Мурат» «два полюса властного абсолютизма», один из которых олицетворялся Николаем, а другой — Шамилем с его проповедью «газавата» (священной войны против иноверцев).

В то же время и Лермонтов и Толстой видели историческую необходимость присоединения Кавказа к России. До них об этом говорили Пушкин и декабристы, считавшие, что «у горцев нет надежды на завоевание полной независимости, и единственный выход (для них) состоит в присоединении к России»². Эта мысль развивается Лермонтовым не только в «Валерике», но и в других произведениях: в балладе «Спор», в поэме «Мцыри». Как не вспомнить строки из «Мцыри»:

*И божья благодать сошла
На Грузию! — она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.*

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90-та т. М.— Л., 1931, т. 5, с. 236.

² Лермонтовская энциклопедия, с. 87.

В стихотворении «Валерик» при кажущейся простоте содержания сложная композиция. Описанию кровопролитного сражения в нем предшествуют посвящение любимой женщине (ее имя не названо) и мирные картины жизни горцев:

*А вот кружком сидят другие.
Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету ноговиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор.*

Это спокойное, мирное течение дня обрывается, когда спадает жара:

*Чу — дальний выстрел! прожужжала
Шальная пуля... славный звук...*

Как в раннем толстовском рассказе, о котором речь шла выше, в стихотворном повествовании Лермонтова описывается тревога в русском лагере, вызванная горскими конниками, прискакавшими во главе с мюридом, одетым в красную черкеску... Короткий его поединок с гробенским казаком:

*Уж близко... выстрел... легкий дым...
Эй вы, станичники, за ним...
Что? ранен!.. — Ничего, безделка...
И завязалась перестрелка...*

Но уже из следующих строф стихотворения выясняется, что этот эпизод только «присказка», а главная «сказка» — впереди. И посвящена она сражению на «речке смерти» — Валерике. Только находясь в самой гуще событий, мог поэт запомнить, а затем запечатлеть главные эпизоды жестокого боя, следовавшие один за другим. Его кульминацией была двухчасовая рукопашная схватка, после которой долго речная «мутная волна//Была тепла, была красна».

Завершив рассказ о том, как прошел «этот день кровавый», поэт обращается к любимой женщине с кратким напутствием:

*На вашем молодом лице
Следов заботы и печали*

*Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам бог
И не видать: иных тревог
Довольно есть...*

Посвящение (вступление) и послесловие, казалось бы, написаны лишь на глубоко личную тему — о любви и вынужденной разлуке. Они как бы заключают в «кольцо» главную часть стихотворения, где показаны ужасы войны, обнажена ее сущность. И вслед за адом войны, в момент, когда приумолкли ее звуки, но остались страшные следы, когда «дым пороховой» туманом еще окутывает окрестные леса, глаза поэта-воина устремляются к «вечно гордой и спокойной» горной гряде, к остроконечной главе Казбека, к высокому небу, которое в другую пору увидел один из главных героев «Войны и мира» Л. Н. Толстого — князь Андрей Болконский, раненный в Аустерлицком сражении.

Оценивая значение «Валерика» в лермонтовском творчестве, Белинский подчеркнул, что в этом произведении проявилась особенность таланта поэта, которая «заключалась в его мощной способности смотреть прямыми глазами на всякую истину, на всякое чувство, в его отражении приукрашивать их»¹.

Стихотворение «Валерик» впервые появилось в печати в 1843 году в альманахе «Утренняя заря». Двумя годами раньше Лермонтов порадовал читателей другим своим шедевром — стихотворением «Завещание». Поэт прислал его в Петербург редактору «Отечественных записок» А. А. Краевскому, и тот поместил стихотворение в февральской книжке журнала за 1841 год. А в начале года Краевский писал издателю «Русского вестника» М. Н. Каткову: «У нас в так называемой литературе тихо и глухо, как никогда еще не бывало. Лермонтов прислал мне одно чудесное стихотворение: он жив и здоров»².

«Завещание» — одно из самых выдающихся произведений поэта, оно неопровержимый поэтический документ душевных его переживаний в последние годы жизни.

Острее других современников Лермонтова почувствовал и понял смысл и значение его «Завещания» Белин-

¹ Белинский В. Г., т. 4, с. 489—490.

² Литературное наследство. М., 1948, т. 45—46, с. 374.

ский: «Это похоронная песнь жизни и всем ее обольщениям, тем более ужасная, что ее голос не глухой и негромкий, а холодно спокойный; выражение не горит и не сверкает образами, но небрежно и прозаично... Мысль этой пьесы: и худое и хорошее — все равно; сделать лучше не в нашей воле, и потому пусть идет себе как оно хочет...»¹.

Исследователи творчества Лермонтова справедливо указывают на связь «Завещания» с написанным также в перерывы между боями и походами стихотворением «Валерик». В «Завещании», как и в «Валерике», поэт изображает жестокие подробности войны и трагический исход для многих из рядовых ее участников.

«Завещание» — монолог умирающего офицера, участника Кавказской войны, обращенный к одному из друзей, его боевому соратнику. Он уходит из жизни, утешая себя тем, что честно выполнил воинский долг, и просит передать привет краю, где он родился и вырос. Но вслед за этим он не может не сказать и о том, что его тяготит и мучает. Горькие слова говорит он о женщине, с которой давно расстался, но не мог ее позабыть...

*...Обо мне она
Не спросит... все равно,
Ты Расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалея;
Пусть она поплачет...
Ей ничего не значит!*

Исследователей давно занимает вопрос: имя какой женщины «зашифровано» в этих строчках? Отгадать трудно, тем более что подлинный герой «Завещания» вряд ли офицер-«кавказец», каких тогда было много. Можно согласиться с Д. Максимовым, утверждающим, что в «Завещании» образ героя стихотворения, заурядного армейского офицера, по существу, сливается с лирическим образом автора².

И не случайно Белинского напугало «Завещание» своим трагическим тоном. «...Последние стихи этой пьесы, — писал он В. П. Боткину в январе 1841 года, — насквозь проникнуты леденящим душу неверием в жизнь и во

¹ Белинский В. Г., т. 4, с. 533.

² Максимов Д. Поэзия Лермонтова. Л., 1959, с. 96.

всевозможные отношения, связи и чувства человеческие»¹.

«Завещание», как «Валерик» и другие поздние произведения Лермонтова, поражают не только «нагой простотой» языка, которая, по словам Пушкина, есть главное свойство прозы. Эти произведения поражают философской глубиной смысла. Ну что, казалось бы, необычного в сюжете «Завещания»: умирающий офицер дает другу, едущему в отпуск с Кавказа в Россию, ряд поручений? Но что он говорит при этом? Щемящие душу слова звучат в его признании:

*Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.*

Ведь это же Лермонтов о своей судьбе говорит! Вот какое мироощущение, мироощущение складывалось у поэта к концу его земного пути.

Тремя годами раньше трагические признания поэта прозвучали в стихотворении «Гляжу на будущность с боязнью...». Вторая строфа этой горькой по настроению вещи воспринимается как итоговая: вот что дал поэт «земле» и что она дала ему:

*Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую,
Молчу и жду: пора пришла;
Я в мире не оставлю брата,
И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.*

При всей, казалось бы, безнадежности этих «итогов» поэт хочет начать жить по-другому, он говорит, что ищет кругом «души родной», ждет «вестника избавленья», который поможет ему открыть «жизни назначение».

Д. Максимов, объединив в одну группу поздние лермонтовские стихотворения: «Завещание», «Валерик»,

¹ Белинский В. Г., т. 12, с. 19.

«Гляжу на будущность с боязнью...», «Сон», пришел к выводу о единстве их лирического героя. Оно заключается в том, что герой «думает о своей отверженности, трагическом одиночестве, роковом неустройстве своей, а может быть, и общей жизни, приближаясь к той опасной границе, за которой все «все равно»¹.

Какие же обстоятельства толкали поэта к этой «границе»?

Может быть, ни у одного из великих русских поэтов XIX века (исключая Пушкина) в их жизни не выступает с такой неотвратимой последовательностью взаимозависимость творчества и личной судьбы, как у Лермонтова.

Тупая, злая воля царя-деспота держит поэта на линии огня. И при этом сколько притворства, лицемерия, покаянной заботы о таких «добрых делах», как поручение шефу III отделения собственной его величества канцелярии графу Бенкендорфу лично посетить бабушку Лермонтова, Елизавету Алексеевну Арсеньеву, и «утешить» ее по поводу ссылки внука, написавшего «непозволительные стихи» о смерти Пушкина!

А как не восхититься монаршей «милостью» — решением наказанному военным судом и царем внуку Арсеньевой на два месяца приехать в отпуск в столицу государства российского!

Начальство Кавказского корпуса прислало в Зимний дворец превосходные отзывы о храбрости Лермонтова, отменном знании им военного дела, а также перечень походов и сражений, в которых он так заметно отличился. И что же? Когда на стол Николая I был положен список офицеров, представленных к награждению за участие в бою при Валерике и других сражениях, император собственноручно вычеркнул из него фамилию Лермонтова. Дав поэту двухмесячный отпуск, Николай строго следил за тем, чтобы «ссылный» не задерживался в столице, а когда поэт попытался это сделать, его вызвал дежурный генерал Главного штаба Клейнмихель и заявил, что ему (Лермонтову) приказано в 48 часов оставить Петербург и ехать в Тенгинский полк, к месту службы.

С дороги, из Ставрополя, Лермонтов писал Е. А. Арсеньевой: «Я все надеюсь, милая бабушка, что мы все-таки выйдем прощение, и я могу выйти в отставку».

¹ Лермонтовская энциклопедия, с. 173.

В этом письме поэт выразил самую большую свою мечту: вырваться из капкана, в который его неумолимо загоняли по сигналу хозяина Зимнего дворца.

Прошло почти полтора века. А и сегодня невозможно без чувства горечи, без боли сердечной перечитывать трогательное и жалкое, полное отчаяния и мольбы письмо старенькой бабушки Лермонтова его искреннему другу Софье Николаевне Карамзиной — дочери знаменитого русского историка, поэта и писателя. Оно отправлено 18 апреля 1841 года, и подлинник его сохранился.

«Опасаясь обеспокоить вас моим приездом, — пишет Е. А. Арсеньева, — решилась просить Вас через письмо; Вы так милостливы к Мишеньке, что я смело прибегаю к Вам с моею просьбою, попросить Василия Андреевича Жуковского напомнить государыне Александре Федоровне, вчерашний день прощены: Исаков, Лихарев, граф Апраксин и Челищев; уверена, что и Василий Андреевич извинит меня, что я его беспокою, но сердце мое растерзано»¹.

Творчеством В. А. Жуковского — поэта-романтика — Лермонтов увлекался с детства. Если и можно говорить об ученических годах гения, то, наряду с Пушкиным, учителем юного Лермонтова был Жуковский. Исследователи находят следы влияния Жуковского не только в самых ранних стихотворениях поэта, но и в таких зрелых поэмах, как «Мцыри» и «Демон».

Незадолго до гибели Лермонтов лично познакомился с Жуковским и пользовался его расположением. В начале 1838 года, находясь около месяца в Петербурге, Лермонтов почти ежедневно встречался с Жуковским.

Все старания Жуковского облегчить участь Лермонтова, несмотря на все его влияние при царском дворе, не были успешными.

Публикуя это письмо в «Литературном наследстве», Л. Модзалевский указал: «Мы не знаем, как проходили хлопоты Жуковского у императрицы Александры Федоровны (Арсеньева не решилась просить Карамзину ходатайствовать непосредственно у Николая I), но известно,

¹ Литературное наследство. М., 1948, т. 45—46, с. 656. — «Вчерашний день» — это 16 апреля, когда в Зимнем дворце в семье Николая I был праздник по случаю дня рождения наследника. Тогда получили «прощение» некоторые из провинившихся гвардейских офицеров. — Поэт В. А. Жуковский был воспитателем наследника.

что хлопоты не увенчались успехом и «прощения Лермонтов не получил»¹.

10 мая 1841 года поэт прислал последнее письмо С. Н. Карамзиной: «Я только что приехал в Ставрополь (...) и в тот же день уезжаю в экспедицию (...). Признаюсь вам, что я изрядно устал от всех этих путешествий, которые, по-видимому, продолжатся в вечности».

¹ Литературное наследство. М., 1948, т. 45—46, с. 657.



ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Место, роль и значение лирики в творчестве Лермонтова. Ее связи с лермонтовской драматургией и прозой. — Авторское «я» в лирической поэзии Лермонтова. — Ранняя лирика поэта, ее главные темы, идеи и художественные особенности. Их развитие в лирике зрелого периода лермонтовского творчества. Патриотические, гражданственные мотивы в поэзии Лермонтова («Смерть Поэта», «Дума», «Пророк», «Кинжал» и другие произведения). — Любовная лирика поэта. — Поворот Лермонтова к «поэзии действительности» и его отражение в лирических произведениях. — Оценка Белинским лермонтовской лирики и его борьба против консервативно-охранительной критики, искажавшей ее смысл и значение.



Восхищаясь богатством содержания и ярким новаторством художественной формы таких произведений Лермонтова, как драма «Маскарад» и роман «Герой нашего времени», нельзя не признать, что с наибольшей силой и полнотой его творческий гений раскрылся в лирике. Отдавая должное Лермонтову-драматургу и романисту, мы — вслед за Белинским — называем его поэтом по преимуществу. Загляните в учебники, энциклопедии, справочники по литературе и откройте любую из них на странице, посвященной Лермонтову. «Великий русский поэт», «гениальный русский поэт» — так или почти так начинается едва ли не каждая статья о Лермонтове. Эта традиция определилась давно и тем, что читатели сначала познакомились со стихотворениями Лермонтова. Повести поэта появились в печати позже, целиком «Герой нашего времени» был опубликован в 1840 году. Двумя годами спустя появилась драма «Маскарад», напечатанная с большими цензурными купюрами.

Но между поэзией, прозой и драматургией Лермонтова существуют неразрывные связи и взаимодействия. Исследователями творчества поэта давно отмечен процесс «прозаизации» его стихотворных произведений, происходив-

ший даже при сохранении в них строфики, ритма, рифмовки.

Перечитаем внимательно состоящее из 32-х восьми-строчных строф стихотворение «1831-го июня 11 дня», в котором этот процесс особенно заметен.

*Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала. Я любил
Все обольщенья света, но не свет,
В котором я минутами лишь жил...*

Так начинается это стихотворение, удивительное по насыщенности мыслью, раскрывающее процесс познания поэтом самого себя и мира. Здесь дана переоценка его связей с привычной средой, рассказ об отношении к различным сферам бытия, к текущему времени и к вечности.

*Под ношей бытия не устает
И не хладеет гордая душа;
Судьба ее так скоро не убьет,
А лишь взбунтует...*

Видя в этом стихотворении «итог юношеской философской лирики» поэта, Б. М. Эйхенбаум замечает, что оно «насыщено афоризмами, выходящими за рамки традиционной поэтической речи и обнаруживающими привычку к философскому языку»¹.

По своей форме стихотворение похоже на развернутую дневниковую запись много думавшего и много страдавшего человека, по интонационному строю — звучит как исповедь. Лермонтов сблизил прозаически звучащую строку с поэзией. Начальные строфы стихотворения «1831-го июня 11 дня» поэт включил в драму «Странный человек», стремясь подчеркнуть высокий строй души ее главного героя Владимира Арбенина. Произносимый им философский монолог сосредоточен на мысли о «тяжелой ноше самопознания». Эта мысль проходит через всю юношескую лирику Лермонтова, придавая ей, как это хорошо видно в стихотворении «1831-го июня 11 дня», характер глубокого размышления. Энергия мысли рождает сильное чувство. Из внутренней борьбы в душе героя рождается его волевой, страстный характер.

¹ Эйхенбаум Б. М. О прозе, о поэзии. Л., 1986, с. 104.

Давно замечено, что лермонтовской лирике присущи ограниченность, единство и подлинность. «Поэтический мир начинающего Лермонтова, — пишет Л. Гинзбург, — проникнут единством и подлинностью, в которой нельзя обмануться. Подлинность любви, вражды, страданий, раздумий. Большие слова на этот раз равны своему предмету — молодой героической душе человека»¹.

Не забудем, что Лермонтов вошел в русскую литературу во времена поисков новых тем и новых средств художественного запечатления развивавшейся общественной жизни. Значение Лермонтова особенно велико потому, что он «был тем эпохальным явлением, в котором сошлись нити всех ожиданий». Каких же? «Романтизм 30-х годов хотел титанизма и экспрессивного выражения титанического духа, — отвечает на этот вопрос Л. Гинзбург. — Юный Лермонтов титаничен и предельно экспрессивен. Искали эмоционального единства, напряженной сосредоточенности авторского сознания — Лермонтов нашел единство личности. Это была личность мыслящая, даже рефлектирующая; тем самым Лермонтов решил проблему поэзии мысли. Решил ее в духе требований Белинского, потому что большие страсти и чувства были двигателем и первичным источником его размышлений»².

Постоянно ссылаются на работы Белинского. Кажется никто из современников поэта не был так искренне обрадован тем, что «на Руси явилось новое могучее дарование — Лермонтов».

Когда читатели получили первую небольшую книжку лермонтовских стихотворений, Белинский заявил, что она предвещает «возможность в будущем нескольких и притом больших книг». Это предсказание критика скоро сбылось. Через четыре года сначала в журналах, а затем и в отдельных изданиях стали появляться произведения, которые поэт не захотел или не смог опубликовать при жизни.

Чтобы представить себе, как много лермонтовских произведений не увидело света при жизни поэта, достаточно взять единственную книжку стихотворений, включившую отобранные поэтом произведения, и рядом с нею поставить четыре тома из шеститомника произведений Лермонтова, изданного в наше время³. Становится очевидным, какие

¹ Гинзбург Л. О лирике. Л., 1974, с. 154.

² Там же.

³ Имеются в виду четыре тома стихотворений и поэм.

поэтические сокровища оказались неизвестными лермонтовским современникам!

Как это могло произойти? Вот что говорит по этому поводу один из самых авторитетных лермонтоведов профессор Д. Е. Максимов, делящий все литературное развитие Лермонтова на два периода. К первому из них он относит «юношеские произведения 1828—1834 годов, которые Лермонтов не печатал и, по-видимому, не намеревался печатать. Второй период охватывает произведения 1835—1841 годов, которые в большинстве своем были опубликованы Лермонтовым или предназначались для опубликования»¹.

Предложенная ученым периодизация позволяет более рельефно, зримо, четко показать главные этапы творческого развития великого поэта, определить момент перехода от раннего к зрелому Лермонтову.

«Прежде всего,— говорит Максимов,— поражает необычайная интенсивность и стремительность роста поэта. Творчество его начинается, после небольшой предварительной подготовки, почти внезапным взрывом 1830—1831 годов, давших помимо трех драм² и семи поэм³ около половины в с е х когда-либо написанных поэтом стихотворений, не говоря уже о многочисленных планах и замыслах, которые не были реализованы»⁴.

При всей строгости отбора, выполненного Лермонтовым для первого, и единственного, прижизненного сборника стихотворений, в него вошли произведения, созданные не только во второй (зрелый), но и в первый (юношеский) период его творчества.

Примечательна оценка Белинским ранних произведений Лермонтова, «тех, в которых он особенно является русским и современным поэтом, также виден избыток несокрушимой силы духа и богатырской силы в выражении; но в них уже нет надежды, они поражают душу

¹ Максимов Д. Поэзия Лермонтова, с. 27.

² Имеются в виду: «Испанцы», «Люди и страсти», «Странный человек».

³ В третий том шеститомника произведений Лермонтова, выпущенного издательством Академии наук СССР, вошли поэмы 1828—1834 годов. Их не семь, а восемнадцать. Д. Е. Максимов, надо полагать, имел в виду наиболее известные из них, начиная «Кавказским пленником» и кончая «Хаджи Абреком».

⁴ Максимов Д. Поэзия Лермонтова, с. 27.

читателя безотрадною, безверием в жизнь и чувства человеческие, при жажде жизни и избытке чувства... Нигде нет пушкинского разгула на пиру жизни; но везде вопросы, которые мрачат душу, леденят сердце... Да, очевидно, что Лермонтов поэт совсем другой эпохи и что его поэзия совсем новое звено в цепи исторического развития нашего общества»¹.

Лермонтов оценивается Белинским как поэт-новатор, как гениальный художник, возглавивший новый, последекабристский и послепушкинский периоды в развитии русской литературы и русского общества.

Но какими же качествами, по мнению Белинского, отличается лермонтовское дарование, позволившими поэту выполнить его историческую миссию? И вот что отвечает критик на этот вопрос: «По глубине мысли, роскоши поэтических образов, увлекательной, неотразимой силе поэтического обаяния, полноте жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненным фонтаном, его создания напоминают собою создания великих поэтов. Его поприще еще только начато, и уже как много им сделано, какое неистощимое богатство элементов обнаружено им: чего же должно ожидать от него в будущем? Пока еще не назовем мы его ни Байроном, ни Гёте, ни Пушкиным и не скажем, что из него со временем вышел Байрон, Гёте или Пушкин: ибо мы убеждены, что из него выйдет ни тот, ни другой, ни третий, а выйдет — Лермонтов»².

С такой непоколебимой уверенностью заявил о неповторимой самобытности, оригинальности, самостоятельности лермонтовского творчества самый авторитетный литературный критик эпохи. Полемизируя с ним, консервативная критика писала о протейизме³ Лермонтова, о подражаниях и заимствованиях, которые она находила в его произведениях, о его «байронизме», о том, что он пишет стихи и поэмы не русские, заимствуя темы, сюжеты, образы, приемы, слог у западноевропейских поэтов. В таком «духе» писали о Лермонтове статьи и рецензии издатель «охранительного» журнала «Маяк» С. Бурачок;

¹ Белинский В. Г., т. 4, с. 503.

² Там же, с. 545—546.

³ Протейизм — от имени морского бога в древнегреческой мифологии Протея, обладавшего способностью перевоплощаться, менять свой облик.

принадлежавший к правому крылу славянофилов университетский профессор С. Шевырев; барон Е. Розен и другие.

Вслед за Белинским в борьбу за верное истолкование лермонтовского творчества вступили Герцен, Чернышевский, Добролюбов, заложившие основы отечественного лермонтоведения. Немалый вклад в развитие лермонтоведения внесла и советская наука о литературе¹

Классиками русской литературной критики и советскими литературоведами установлено, что «в основании творчества Лермонтова (...) находится отмеченный чертами яркой индивидуальности образ «лермонтовского человека», что «наиболее конкретно и полно он воплощен в лирике Лермонтова», что «отдельные стороны сознания лермонтовского человека представлены ведущими романтическими героями поэта. Эти герои и служат у Лермонтова — и прежде всего на ранних этапах его эволюции — выражением его творческой личности, рупорами его духа»².

«Лермонтовский человек» — это сам Лермонтов и люди, которые были близки ему по духовному настрою. Вот откуда возникло характерное для лермонтовской поэзии неразрывное соединение личностного начала и гражданственности, слияние философской настроенности и глубокой лиричности.

Среди юношеских произведений Лермонтова выделяется цикл стихов об избраннической миссии поэта. Полтора века прошло со времени их написания, но и сегодня они, говоря словами Белинского, «мрачат душу, леденят сердце».

*И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет...*

Кровавая меня могила ждет

Или в другом стихотворении:

*Настанет день — и миром осужденный,
Чужой в родном краю,
На месте казни — гордый, хоть презренный
Я кончу жизнь мою...*

¹ См.: Вацуро В. Э. Лермонтоведение. — В кн.: Лермонтовская энциклопедия, с. 242—249; Ломонов К. Н. В борьбе за Лермонтова. В кн.: М. Ю. Лермонтов в русской критике. М., 1985, с. 5—16.

² Максимов Д. Поэзия Лермонтова, с. 28.

И такие признания и предчувствия звучат во многих юношеских стихотворениях Лермонтова. Поэт предвидит, что его ожидает трагический и «безвременный конец», и готовит себя к нему, веря, что жертва его не будет напрасной.

*За дело общее, быть может, я паду,
Иль жизнь в изгнании бесплодном проведу...*

Я грудью шел вперед, я жертвовал собой.

Эти строки стихотворения «Из Андрея Шенье» перекликаются с близким по времени стихотворением «Из Паткуля»:

*Напрасна врагов ядовитая злоба,
Рассудят нас бог и преданья людей;
Хоть розны судьбою, мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей.*

Мотив жертвенности уже в ранних стихах поэта неразрывно связывается с мотивом борьбы за счастье родины:

*Еще не знаешь ты, кто я,
Утешься. Нет, не мирной доле,
Но битвам, родине и воле
Обречена судьба моя.*

Гигантский заряд энергии заключен в строках шестнадцатилетнего Лермонтова, подобных кипящему потоку лавы:

*Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.*

.

*Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме...*

В словах этих выражена самая суть лермонтовской поэзии как поэзии действия, сильной, пытливой мысли, глубоких чувств и страстей.

В творческом наследии поэта нам особенно дорога

гражданственная, социально-политическая и философская лирика. И не только потому, что в ней сильнее всего заявили о себе вольнолюбие и народолюбие поэта, но и потому, что он заплатил за нее самой высокой ценой — своей жизнью.

Печальные, скорбные, трагические мотивы в поэзии Лермонтова звучат с такой потрясающей мощью, что для многих читателей остаются неслышанными в ней светлые, жизнелюбивые ноты. Посетив в 1840 году поэта, Белинский был рад убедиться в том, что в «рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей» Лермонтов хранил «семена глубокой веры в достоинство того и другого». Встреча эта подтвердила убеждение Белинского в том, что Лермонтов обладал не только «львиной натурой», но и «нежной и тонкой поэтической душой»¹.

Дороги нам в наследии Лермонтова не только произведения, в которых он выступает как борец за свободу, но и дивные его стихи, трогающие сердце своей задушевностью, любовью к природе и человеку — ко всему, что составляет живую жизнь.

Нельзя без глубокого волнения перечитывать такие шедевры лермонтовской лирики, как «Парус», «Выхожу один я на дорогу...», «Ребенку», «Завещание» и другие. Вот что писал Белинский об одной из жемчужин лермонтовской поэзии «Казачьей колыбельной песне»:

«Это стихотворение есть художественная апофеоза матери: все, что есть святого, беззаветного в любви матери, весь трепет, вся нега, вся страсть, вся бесконечность кроткой нежности, безграничность бескорыстной преданности, какую дышит любовь матери,— все это воспроизведено поэтом во всей полноте. Где, откуда взял поэт эти простодушные слова, эту умильную нежность тона, эти кроткие и задушевные звуки, эту женственность и прелесть выражения?»². Темы материнской любви к детям и сыновней любви к матери выделяются в лермонтовской лирике глубиной и тонкостью психологической разработки.

Удивительна по многотональности и тема любви в лирике поэта; в ранних лермонтовских стихах, исреплен-

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972, с. 237, 243.

² Белинский В. Г., т. 4, с. 535—536.

таясь с мотивами одиночества, безверия, грусти и страдания, она полна драматизма.

Теме неразделенной любви, приносящей не радость, а страданье, посвящены «Завещание», «Ребенку», «Отчего» и многие другие стихи Лермонтова.

Но вслед за стихами, выражавшими разлад мечты и действительности, Лермонтов создает лирические произведения о любви, в которые вводит светлое начало. В стихотворении «Есть речи — значенье...» поэт передал бурю чувств, вызванную в его душе теплым словом любви и привета:

*Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;*

*Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав его, я
Узнаю повсюду.*

В лирике Лермонтова, как и в его поэмах, удивительным разнообразием красок и эмоциональной насыщенностью радуют картины природы. Они замечательны тем, что свободны от чисто внешней живописности. Природа в произведениях Лермонтова не внешний фон, а живая и активная сила.

Буйное пиршество всех красок южной природы сверкает в «Демоне», «Мцыри» и других лермонтовских поэмах кавказского цикла.

Восхищаясь поэтическими красками поэмы «Мцыри», Белинский говорил, что поэт «брал цвета у радуги, лучи у солнца, блеск у молнии, грохот у громов, гул у ветров», что «вся природа сама несла и подавала ему материалы, когда писал он эту поэму».

«Мцыри» поражает разнообразием картин, образов и чувств. Белинский находил в поэме «и бури духа, и умиление сердца, и вопли отчаяния, и тихие жалобы, и гордое ожесточение, и кроткую грусть, и мраки ночи, и торжественное величие утра, и блеск полудня, и таинственное обаяние вечера»!¹

¹ Белинский В. Г., т. 4, с. 543.

Но и этим не исчерпывается богатство поэтического содержания поэмы. Белинский справедливо считал Мцыри «любимым идеалом» Лермонтова, ибо сердце поэта, как и его героя, с юных лет зажглось жаждою борьбы.

Поэма «Мцыри» поражает необычно стремительным течением стиха, напряженным, ритмическим потоком. Белинский восторгался тем, что стих поэмы «звучит и отрывисто падает как удар меча», что «такой стих — булатный меч». Он как нельзя лучше выражает волевую натуру героя поэмы, его порыв к свободе.

Любимый герой поэта пламенный юноша Мцыри рвется

*От келий душевных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.*

Из монастыря Мцыри совершил побег и провел три блаженных дня на свободе ради одной цели:

*Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.*

Взволнованно рассказывая о своей короткой жизни на воле, Мцыри дает ясный ответ на оба эти вопроса. Всем содержанием и строем поэма утверждает веру в жизнь и людей; ее идейной основой служит мысль о том, что человек человеку «друг иль брат».

«Мцыри» — шедевр зрелого творчества Лермонтова. Но тою же верой в возможность счастливой жизни на земле проникнуты и некоторые из его ранних стихотворений. Люди могут быть и будут счастливы, мечтал поэт когда

*Меж них ни злата, ни чести
Не будет. — Станут течь их дни,
Невинные, как дни детей;
Меж них ни дружбу, ни любовь
Приличья цепи не сожмут,
И братьев праведную кровь
Они со смехом не прольют!*

От этих строк поэта-отрока лежит прямой путь к идеям, выраженным в позднем лермонтовском стихотворении «Валерик», где картина кровопролитного сражения, в котором поэт участвовал, ежеминутно рискуя жизнью, освещена глубоким авторским раздумьем:

*И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»*

Эти строки, проникнутые пушкинской мечтой о времени, когда «народы, распри позабыв, в единую семью соединятся», написаны рукой поэта, создавшего «Бородино», где воспет и прославлен подвиг защитников родины.

В лермонтовском творчестве органично соединялось чувство братской любви ко всем народам, страдавшим от порабощения, с чувством любви к родине. Поэт называет себя сыном Москвы и России:

*Москва, Москва!.. люблю тебя как сын,
Как русский,— сильно, пламенно и нежно!*

Чувство высокого, истинного патриотизма сливается в творчестве Лермонтова с глубоким чувством народности.

Доказательством служит его стихотворение «Родина», в котором он, по словам Н. А. Добролюбова, понимает «любовь к отечеству истинно, свято и разумно».

Прочитывая почти все стихотворение, Добролюбов сделал следующее заключение: «Полнейшего выражения чистой любви к народу, гуманнейшего взгляда на его жизнь нельзя и требовать от русского поэта. К несчастью, обстоятельства жизни Лермонтова поставили его далеко от народа, а слишком ранняя смерть помешала ему даже поражать пороки современного общества с тою широтою взгляда, какой до него не обнаруживал ни один из русских поэтов»¹.

Эта высочайшая оценка народности лермонтовского творчества Добролюбовым основана на анализе лишь одного произведения поэта — изумительного стихотворения «Родина». У Лермонтова есть целый ряд других замеча-

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9-ти т. М.—Л., 1962, т. 2, с. 263—264.

тельных произведений, проникнутых чувством любви к Родине, чувством подлинного патриотизма. Вспомним стихотворение «Бородино». В нем впервые в русской поэзии появились правдивые образы русских солдат, героев знаменитой битвы. Поэт дал великолепную картину Бородинского боя. Известно, что она изумила Льва Толстого, по его признанию, увидевшего в лермонтовском стихотворении зерно своей эпопеи «Война и мир».

Белинский чрезвычайно высоко оценил язык и стиль этого стихотворения. Он писал: «В каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии. Ровность и выдержанность тона делают осязаемо ощутительную основную мысль поэта». В чем же она состоит? «Эта мысль, — отвечает Белинский, — жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел»¹.

Той же мыслью проникнута и знаменитая лермонтовская «Дума», написанная в один год со стихотворением «Смерть Поэта». Эти произведения давно и справедливо лермонтоведы относят к высоким образцам политической лирики.

Лермонтов рано узнал и полюбил русскую народную песню. Вот два волнующих признания поэта из его «Автобиографических заметок» 1830 года:

«Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее пела мне покойная мать».

И второе признание: «...если захочу вдаваться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях».

Дивные плоды дало обращение Лермонтова к поэзии народной. Восторженно встретив его «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», Белинский писал: «Наш поэт вошел в царство народности, как ее полный властелин, и, проникнувшись ее духом, слившись с нею, он показал (...) кровное родство своего духа с духом народного своего отечества...»².

¹ Белинский В. Г., т. 4, с. 503—504.

² Там же, с. 517.

Интерес Лермонтова к народному творчеству имел глубокие корни. В создателях и исполнителях былин, легенд и песен он видел подлинно народных, до конца искренних и правдивых, «бескорыстных и свободных» певцов.

«Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» поэт написал в 1837 году. Через год она появилась в газете «Литературные прибавления к Русскому инвалиду». Редактор газеты журналист А. А. Краевский рассказывал, что когда «Песня...» поступила в цензуру, то «цензор нашел совершенно невозможным делом напечатать стихотворение человека, только что сосланного на Кавказ за свой либерализм. Издатель «Прибавлений» выручил стихотворение только тем, что обратился к Жуковскому, который был в великом восторге от стихотворения Лермонтова, находил, что его непременно надо печатать, и дал Краевскому письмо к министру народного просвещения. <Министр> Уваров нашел, что цензор был прав в своих опасениях, но разрешил печатание на своей ответственности, не позволив, однако, ставить имени Лермонтова, которое было заменено случайными буквами»¹.

Чем же «Песня...» так напугала цензора и тогдашнего министра просвещения? Да тем, что они первыми усмотрели в ней тот «заряд гигантского мятежа», о котором писал в свое время А. В. Луначарский в статье о Лермонтове, находя при этом, что «в смысле классической законченности это произведение стоит на равной высоте с лучшими творениями Пушкина»².

Истоки и корни «заряда гигантского мятежа», содержавшегося в «Песне про... купца Калашникова», зорко увидел Белинский, отметивший, что всем своим содержанием она «свидетельствует о состоянии духа поэта, недовольного современною действительностью и перенесшегося от нее в далекое прошлое, чтобы там искать жизни, которой он не видит в настоящем»³.

В «Песне...» — два главных героя, противостоящих друг другу. Судьба столкнула любимца царя Ивана Грозного, его самого смелого и сильного «злого» опричника Кирибеевича родом из «славной семьи из Малютиной», с

¹ См.: Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6-ти т. М. — Л., т. 4, с. 404.

² М. Ю. Лермонтов в русской критике. М., «Советская Россия», 1985, с. 267.

³ Белинский В. Г., т. 4, с. 517.

молодым купцом, «статным молодцом» Степаном Парамоновичем Калашниковым. Кирибеевич задумал отнять у Степана жену-красавицу Алену Дмитриевну, увести ее от мужа и малых детей, сманив обещаниями наряжать, «как царицу», и любить лишь ее одну. Алена Дмитриевна, горько рыдая, поведала мужу:

*«Как из рук его я рванулася
И домой стремглав бежать бросилась,
И остались в руках у разбойника
Мой узорный платок твой подарочек,
И фата моя бузарская.
Опозорил он, осрамил меня,
Меня честную, непорочную
И что скажут злые соседюшки?
И кому на глаза покажусь теперь?»*

*Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам в поругание!
На кого, кроме тебя, мне надеяться?»*

Оскорбление, которое нанес Кирибеевич верной жене Степана Калашникова, воспринимается как смертельная обида всей «семье честной» купцов Калашниковых. «Нужно иметь в виду, что в конце XVI века, когда происходили описываемые в «Песне...» события, купечество еще не было привилегированным классом, — говорит А. И. Ревякин. — Его обычаи и нравы находились в тесной сращенности с бытовым укладом трудового люда и во многом отражали народное понимание добра и зла»¹.

Образ «удалого бойца» Степана Калашникова предстает в «Песне...» как образ народного героя-мстителя.

Если для царя Ивана Грозного, для князей и бояр, для царевых опричников и — среди них — Кирибеевича кулачный бой на Москве-реке веселая потеха, то для Степана Калашникова — это «страшный бой», «последний бой».

Отвечая на первый, могучий удар противника, Степан Парамонович

*Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.*

¹ Ревякин А. И. История русской литературы XIX века. Первая половина. М., 1981, с. 336.

*И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво...*

Посылая Степана Калашникова на казнь, «на высокое место лобное», Иван Грозный «утешает» его тем, что он велит топор наточить-наострить, палача одеть-нарядить, прикажет в большой колокол звонить,

*«Что знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью...»*

Степан Калашников и не просит у царя для себя милости:

*«Я убил его вольной волею,
А за что про что — не скажу тебе,
Скажу только богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плазу несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову,
Да двух братьев моих своей милостью...»*

Царь обещает Степану позаботиться о его семье.

На чьей стороне был народ в смертном споре Калашникова с царевым любимчиком Кирибеевичем, «гуслиры молодые» дают понять в конце «Песни...»:

*И гуляют шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою.
И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар человек — перекрестится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гуслиры — споют песенку.*

«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» вобрала в себя многое из устной народной поэзии, в частности из ее стилистических приемов: запев («Ох ты гой еси»), зачин («Не сияет на небе солнце красное»), повторы («Не шутку шутить»), перехваты, когда в начале строки повторяется конец предшествующей («...Осрамил меня, // Меня честную, непорочную»), неспешное развертывание

событий и «ударная» (короткая) концовка, подводящая их итог и перекликающаяся со вступлением произведения.

Не только в стилистике, но и в лексике, синтаксисе, рифмовке и ритме стиха лермонтовская «Песня про... купца Калашникова» близка к народно-поэтической традиции. Правы исследователи, утверждая, что в этом произведении поэт «решается от себя заговорить на языке фольклора». И поэт «не имитирует форм народной речи... его речь естественна, лишена позирования и преувеличений»¹.

Задолго до того как он написал «Песню... про купца Калашникова», Лермонтов стремился создать образы певцов, живущих вместе с народом и поющих для него свои былины и сказания. Так, подробно разработав сюжет трагедии о Мстиславе — вожде славян, восставших против ига Золотой Орды, — юный Лермонтов хотел показать в ее финале, как умирающий Мстислав просит старого воина, чтобы тот «рассказал его дела какому-нибудь певцу; чтоб этой песнью возбудить жар любви к родине в душе потомков».

В отроческом стихотворении «Русская мелодия» Лермонтов с любовью нарисовал образ народного певца:

*Так перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой
И бескорыстный и свободный!*

Эти ранние замыслы и стихотворения связаны с такими программными произведениями зрелого творчества Лермонтова, как «Смерть Поэта», «Поэт», «Кинжал», «Журналист, читатель и писатель», с стихотворением «Пророк». В них речь идет о назначении истинной поэзии и воссоздан героический образ поэта-трибуна, борца, глашатая правды, открыто и сознательно отдающего свой талант делу народа.

Неподкупное слово народного поэта звучит,

*Как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.*

Тернист путь поэта-мятежника, протестанта и обличителя, его уделом служит «венец терновый», его гонят

¹ Лермонтовская энциклопедия, с. 412.

и преследуют «Свободы, Гения и Славы палачи». Но его святая кровь будет отомщена в час народной расплаты с деспотами, которым Лермонтов предрек неминуемую гибель:

*И вы не смаете всей вашей черной кровью
Поэта праведнук крови!*

Лермонтов жил, боролся, страдал и погиб во имя «любви, добра и красоты» — высоких понятий, которые он назвал святынями в наиболее мятежном из своих произведений — поэме «Демон».

Казалось бы, Демон самый «разрушительный» среди лермонтовских героев. Но еще Белинский заметил, что Демон поэта «отрицает для утверждения, разрушает для созидания».

Скорбь и гнев, боль и ненависть, отрицание и скептицизм, разочарование и пессимизм — столь характерные мотивы лермонтовского творчества — не были самодовлеющими, а служили утверждению высоких и положительных ценностей живой жизни.

Критики еще при жизни Лермонтова старались определить, какой из его героев более других автобиографичен. Одни указывали на главного героя поэмы «Демон», другие (и таких было большинство) — на центральную фигуру романа «Герой нашего времени» Печорина. А когда была опубликована драма «Маскарад», к ним же был причислен и ее главный герой Евгений Арбенин. Кто здесь прав?

Проницательный Белинский дал наиболее убедительный ответ на этот вопрос. Самым близким к Лермонтову героем критик назвал Мцыри. «Это,— писал Белинский,— отражение в поэзии тени его собственной личности. Во всем, что ни говорит Мцыри, веет его собственным духом, поражает его собственной мощью. Это произведение субъективное»¹.

«Субъективными» Белинский называл такие произведения, в которых особенно сильно отразилась личность создавшего их автора.

Конечно, Белинский видел «лермонтовский элемент» и в Демоне, и в Арбенине, и в Печорине. Но он был прав, говоря, что ни один из них не «сливается» так с их творцом, как пламенный Мцыри.

¹ Белинский В. Г., т. 4, с. 537

И Демону, и Арбенину, и Печорину свойственны раздвоенность, сплетение положительных и отрицательных черт. Все они не принимают такого порядка вещей,

*Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты.*

Ими владеет властный «дух отрицанья, дух сомненья» Они подвергают беспощадному обличению «зло» мира. И в этом их неоспоримая и большая сила. Но, вольно или невольно, каждый из них вносит в жизнь долю «зла», ибо каждый из них — крайний индивидуалист и эгоист. И эти стороны их характеров Лермонтовым показаны не менее ярко и не только объяснены, но и без колебаний осуждены

Мцыри ближе Лермонтову не только потому, что в нем нет раздвоенности, присущей Демону, Арбенину и Печорину, а и потому, что его образ служит утверждению самых дорогих для поэта идеалов — любви к живой жизни, любви к людям.

В «Демоне», «Маскараде» и «Герое нашего времени» эти идеалы утверждаются через обличение того, что им враждебно и мешают их осуществлению. В «Мцыри», как и во многих лирических произведениях, они утверждаются, если можно так сказать, непосредственно, через тот героический лиризм, который составляет самую характерную черту поэзии Лермонтова.

Как истинно великий художник, Лермонтов обогатил поэзию не только новыми идеями и темами, но и новыми формами. В книге о поэтическом мастерстве Лермонтова И. Н. Розанов пишет: «Он обогатил литературный стих во всех отношениях: в метрике и ритмике, в рифмовке, в строфике, в мелодике и в инструментовке»¹ В рифмовке стихов и построении строф Лермонтов проявил себя большим новатором. Инструментовка его стихов очень разнообразна.

Необыкновенной музыкальностью отличаются такие лермонтовские стихотворения, как «Парус», «Утес», «Тамара», «Дубовый листок оторвался от ветки родимой...», «Морская царевна», «Выхожу один я на дорогу...» Они, как и многие другие лермонтовские стихи, положены на музыку и часто исполняются в концертах.

Белинский сравнивал лирику Лермонтова с музыкой,

¹ Розанов И. Н. Лермонтов мастер стиха М., 1942, с 213

а многие произведения поэта по богатству и силе красок — с изобразительным искусством. Так, о стихотворении «Три пальмы» он писал: «Пластицизм и рельефность образов, выпуклость форм и яркий блеск восточных красок сливает в этой пьесе поэзию с живописью»¹.

В книге профессора Д. Е. Максимова «Поэзия Лермонтова» наглядно показана внутренняя связь его произведений — ранних и зрелых. Они объединены и общностью тематики, и сходством их главного лирического героя, и неразделимостью идейных позиций. Но есть между ними и большое различие: «Зрелая лирика Лермонтова, — пишет Д. Е. Максимов, — устремлена к тому, что было названо Белинским «поэзией действительности». Герой Лермонтова утратил в значительной мере свою традиционно-романтическую исключительность, стал проще и ближе к людям»².

Нужно заметить, однако, что поворот зрелого Лермонтова к «поэзии действительности», к поэтике реализма не означает его отказа от романтических традиций. Доказательством этого служит не только гениальная поэма «Демон», но и философско-мифологические стихотворения («Три пальмы», «Спор»), баллады («Дары Терека», «Морская царевна» и другие), что и отмечено исследователями лермонтовского творчества³.

¹ Белинский В. Г., т. 4, с. 534.

² Максимов Д. Поэзия Лермонтова, с. 88.

³ Там же, с. 80, 90



ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

П

оследние месяцы жизни Лермонтова. Дуэль поэта с Н. С. Мартыновым и ее причины.— Как была встречена смерть Лермонтова его пятигорским окружением, великосветским обществом и царским двором.— Отклики на гибель Лермонтова в переписке и мемуарах его современников.— Белинский о гибели поэта и его неосуществленных замыслах.— Поэты Н. П. Огарев и Е. П. Ростопчин об утрате Лермонтова.— Герцен о «мартирологе русской литературы» и месте в нем Лермонтова.— Безмерное горе Е. А. Арсеньевой. Перевоз тела поэта из Пятигорска в Тарзаны. Кончина Е. А. Арсеньевой.



середине мая 1841 года Лермонтов приехал в Пятигорск. Начальство, боясь, видимо, как бы в Петербурге не узнали, что он не спешит к месту военных действий, решило принять свои меры. 8 июня начальник Штаба войск Кавказской линии и Черномории приказал пятигорскому военному коменданту полковнику В. И. Ильяшенкову «отправить Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова по назначению»¹.

А неделей раньше тот же В. И. Ильяшенков направил в Штаб рапорт о болезни Лермонтова и ходатайство о том, чтобы последнему разрешили продлить пребывание в Пятигорске для лечения. Вскоре и сам Лермонтов послал рапорт командиру Тенгинского полка о своем заболевании лихорадкой по дороге в отряд и о необходимости лечения минеральными водами. Далее он указал в рапорте, что полковник Ильяшенков, с ведома Штаба войск, разрешил ему в связи с нездоровьем остаться в Пятигорске.

Разрешение отсрочить отъезд было оформлено 28 июня, а через два дня генерал Главного штаба граф П. А. Клейн-

¹ Мануйлов В. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова, с. 161.

михель известил командира Отдельного кавказского корпуса генерала Е. А. Головина о том, что до царского двора дошли сведения об уклонении Лермонтова от «фронтальной службы». Николай I, «заметив, что поручик Лермонтов при своем полку не находился (...) повелеть соизволил (...), дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтальной службы в своем полку¹.

Однако из медицинского свидетельства, выданного Лермонтову в середине июня 1841 года в Пятигорском военном госпитале, видно, что он был тогда действительно нездоров и нуждался в лечении.

Заключение медиков давало поэту основания «остаться в Пятигорске впредь до получения облегчения», как сказано в письме, посланном из Штаба войск Кавказской линии и Черномории командиру Тенгинского полка².

Лермонтов лечился, отдыхал и, словно забыв обо всем на свете, веселился, найдя здесь многих знакомых. Об этой поре пятигорской жизни поэта позднее рассказал декабрист Н. И. Лорер: «Гвардейская молодежь жила разгульно в Пятигорске, а Лермонтов был душою общества (...). Стали давать танцевальные вечера, устраивали пикники, кавалькады, прогулки в горы (...). В июле месяце молодежь задумала дать бал пятигорской публике (...). Составилась подписка, и затея приняла громадные размеры. Вся молодежь дружно помогала в устройстве праздника, который 8 июля и был дан на одной из площадей аллеи у огромного грота, великолепно украшенного природой и искусством (...). В этот вечер небо было чистого темно-синего цвета и усеяно бесчисленными серебряными звездами. Ни один листок не шевелился на деревьях. К восьми часам приглашенные по билетам собрались, и танцы быстро следовали один за другим (...). Лермонтов необыкновенно много танцевал, да и все общество было как-то особенно настроено к веселью»³.

Этот шумный бал под южным небом продолжался всю ночь до утра.

«При полном рассвете я лег спать, — рассказывает Н. И. Лорер и добавляет: Кто думал тогда, кто мог пред-

¹ Мануйлов В. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова, с. 163.

² Там же.

³ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 328—329.

видеть, что через неделю после такого веселого вечера настанет для многих, или, лучше сказать, для всех нас участников, горечь и сожаление?»¹

Лермонтов, твердо решив добиваться отставки с военной службы, готовил себя к серьезным занятиям литературой и не хотел надолго их откладывать.

В конце июня 1841 года Лермонтов шлет Е. А. Арсеньевой письмо, полное просьб и поручений: «Пишу к вам из Пятигорска, куда я опять заехал и где пробуду несколько времени для отдыха (...)».

Напрасно вы мне не послали книгу графини Ростопчиной², пожалуйста, тотчас по получении моего письма пошлите мне ее сюда, в Пятигорск. Прошу вас также, милая бабушка, купите мне полное собрание сочинений Жуковского последнего издания и пришлите также сюда тотчас. Я бы просил также полного Шекспира, по-английски, да не знаю, можно ли найти в Петербурге, поручите Еким³. Только, пожалуйста, скорее если это будет скоро, то здесь еще меня застанет»

В конце письма Лермонтов говорит о том, что его больше всего в ту пору волновало: «То, что вы мне пишете о словах г. Клейнмихеля, я полагаю, еще не значит что мне откажут отставку, если я подам, он только просто не советует, а чего мне здесь еще ждать?»

Вы бы хорошенько спросили только, выпустят ли, если я подам».

Это было последнее лермонтовское письмо.

А дальше события разворачивались с удивительной быстротой, как если бы они были заранее подготовлены и направлялись рукой властного распорядителя.

Среди множества различных версий, объясняющих причины и последствия последней дуэли Лермонтова, не может не привлечь внимания одна, менее других исследованная лермонтоведами. Казалось бы, каждый беспристрастный человек не может не увидеть «разительного несоответствия между ничтожным характером ссоры и

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 330.

² Лермонтов просил прислать книгу «Стихотворения графини Евдокии Петровны Ростопчиной» (СПб., 1831), подаренную ему поэтессой с надписью: «Михаилу Юрьевичу Лермонтову в знак удивления к его таланту и дружбы искренней к нему самому Петербург, 20-е апреля 1841»

³ Еким — Аким Павлович Шан Гирей

ее трагическими последствиями. » В самом деле, что представляла собой эта ссора? С кем поссорился Лермонтов? Кто решился стать его убийцей?

Это был давний знакомый Лермонтова, его соученик по Юнкерской школе, майор в отставке Н. С. Мартынов. На следствии он дал такое объяснение причин дуэли «С самого приезда своего в Пятигорск Лермонтов не пропускал ни одного случая, где бы мог он сказать мне что-нибудь неприятное. Остроты, колкости, насмешки на мой счет... На вечере в одном частном доме, — за два дня до дуэли, — он вывел меня из терпения, привязываясь к каждому моему слову, — на каждом шагу показывая явное желание мне досадить. Я решился положить это му конец»².

Один из секундантов, считавшийся другом поэта, М. П. Глебов, явно выгораживая Мартынова, показал на следствии: «Поводом к этой дуэли были насмешки со стороны Лермонтова на счет Мартынова, который, как говорил мне, предупреждал несколько раз Лермонтова...»³ Другой секундант, князь А. И. Васильчиков, показал «О причине дуэли знаю только, что в воскресенье 13-го июля поручик Лермонтов обидел майора Мартынова насмешливыми словами; при ком это было и кто слышал эту ссору; не знаю. Так же неизвестно мне, чтобы между ними была какая-либо давнишняя ссора или вражда»⁴.

Глебов и Васильчиков условились не называть двух других секундантов — А. А. Столыпина (Монго), который был дальним родственником Лермонтова, а также князя С. В. Трубецкого. И Столыпин и Трубецкой находились в опале, и, если бы их имена были названы во время следствия, Николай I свел бы с ними счеты.

Ну а оставшегося в живых дуэлянта секунданты как могли выгораживали по каким-то негласным правилам дуэльного кодекса.

Четко просматривается схема секундантских ответов Следственной комиссии: Лермонтов своими насмешками довел Мартынова до того, что он вынужден был вызвать поэта на дуэль.

Этому многие поверили, зная, что Лермонтов был на

¹ Лермонтовская энциклопедия, с. 151

² Там же, с. 150.

³ Там же.

⁴ Там же.

редкость остроумен, любил шутить и насмешничать, не заботясь о последствиях.

Что же представляла собой его последняя и роковая насмешка над Мартыновым, приведшая к дуэли?

О ней рассказала в своих воспоминаниях Э. А. Клингенберг — дочь М. И. Верзилиной, владелицы собственного дома в Пятигорске. В этом доме и произошла ссора Лермонтова с Мартыновым. А причина? Поэт в шутку назвал Мартынова «горцем с большим кинжалом». Дочь Верзилиной пишет: «Мартынов носил черкеску и замечательной величины кинжал (...). Слово *poignard* (кинжал) раздалось по всей зале. Мартынов побледнел, закусил губы, глаза его сверкнули гневом; он подошел к нам и голосом весьма сдержанным сказал Лермонтову: «Сколько раз просил я вас оставить свои шутки при дамах», — и так быстро отвернулся и отошел прочь, что не дал и опомниться Лермонтову, а на мое замечание: «Язык мой — враг мой», — Михаил Юрьевич отвечал спокойно: «*Ce n'est rien; demain nous seron bon samis*»¹.

Однако этот разговор в тот же вечер имел свое продолжение, но уже не в бальной зале, а в передней дома Верзилиных. Там Мартынов повторил свои слова. «Лермонтов спросил: «Что ж, на дуэль, что ли, вызовешь меня за это?» Мартынов ответил решительно «да», и тут же назначили день. Все старания товарищей к их примирению оказались напрасными».

А дальше дочь Верзилиной, словно бы сговорившись с секундантами Глебовым и Васильчиковым, чьи показания приведены выше, старается оправдать убийцу поэта. «Действительно, — пишет она, — Лермонтов надоедал Мартынову своими насмешками, у него был альбом, где Мартынов изображен был во всех видах и позах»².

Итак, привлеченные к дознанию секунданты и дамы из «высшего» пятигорского общества выдвинули версию, по которой единственным виновником дуэли был убитый на ней поэт. Согласно этой версии, дуэль Лермонтова с Мартыновым имела характер сугубо частного и не такого уж редкого события, которое могло быть, а могло и не быть.

Многие из современников выражали удивление, как мог Лермонтов с его проницательностью не разгадать до конца характер Мартынова, хотя знал его много лет.

¹ «Это ничего, завтра мы будем добрыми друзьями» (*франц.*).

² М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 336—337

Лермонтов даже в мыслях не мог допустить, что этот самовлюбленный, недалекий, тупой офицер, в 26 лет вышедший в отставку, этот «альбомный» бездарный поэт был способен из-за какой-то мелкой обиды пролить кровь своего товарища школьных лет. Но вот оказался способен!

В это действительно трудно поверить, если смотреть на дуэль Лермонтова и Мартынова, как на событие, не выходящее за пределы их личных взаимоотношений. Но ведь здесь произошло нечто другое. Что же именно? Отставной майор, каких в тогдашней России было великое множество, вызывает к барьеру гениального поэта, уже создавшего произведения, обессмертившие его имя, и готовившего себя к новому творческому взлету.

До последней секунды, до рокового выстрела и до последнего короткого вздоха мог ли Лермонтов поверить в то, что с ним самим повторяется трагедия, о которой он говорит в стихотворении «Смерть Поэта»:

*Погиб Поэт! невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести
Поникнув гордой головой!*

Как и его великий предшественник, Лермонтов был «невольником чести» и не мог от этой неволи освободиться. Как и Пушкина, его преследовала «молва» светской черни, то и дело оборачивавшаяся злобной клеветой. Как и у Пушкина, в его творчестве заметное место заняла тема возмездия тем, кого он назвал палачами Свободы, Гения и Славы...

Один из первых биографов Лермонтова П. А. Висковатый, опросивший многих очевидцев дуэльной истории в Пятигорске летом 1841 года, писал: «Нет никакого сомнения, что г. Мартынова подстрекали со стороны лица, давно желавшие вызвать столкновение между поэтом и кем-либо из не в меру щекотливых или малоразвитых личностей. Полагали, что «обуздание» тем или иным способом «неудобного» юноши-писателя будет принято не без тайного удовольствия некоторыми влиятельными сферами в Петербурге. Мы находим общего много между интригами, доведшими до гроба Пушкина и до кровавой кончины Лермонтова. Хотя обе интриги никогда разъяснены не будут, потому что велись потаенными средствами, но

их главная причина кроется в условиях жизни и деятелях характера графа Бенкендорфа...»¹.

Должно было пройти ровно пятьдесят лет после гибели Лермонтова, прежде чем его биографу разрешено было не раскрыть (нет! упаси боже!), а лишь приоткрыть завесу, скрывающую «главную причину» кровавой расправы с великим поэтом.

Между тем, как об этом верно пишет Висковатый, многие из современников пушкинской и лермонтовской трагедий догадывались о том, что их основой послужили «интриги», главные нити которых тянулись к III отделению собственной его величества канцелярии, к ее шефу графу А. Х. Бенкендорфу.

Писатель и критик И. И. Панаев, встречавшийся с Лермонтовым в литературных кругах Петербурга, привел в своих воспоминаниях слова одного из товарищей поэта по Юнкерской школе: «Он непременно должен был кончить так трагически: не Мартынов, так кто-нибудь другой убил бы его»².

Другими словами эту же версию развивал князь А. И. Васильчиков: «Положа руку на сердце, всякий беспристрастный свидетель должен признаться, что Лермонтов сам, можно сказать, напросился на дуэль и поставил своего противника в такое положение, что он не мог его не вызвать»³.

Иными словами, группа лиц, к которой принадлежал и Васильчиков, не только не помешала тому, чтобы дуэль состоялась, но считала ее неизбежной.

В подобных признаниях скрыта страшная правда: Лермонтов был обречен. «Карательная сила вещей», то есть сила ничем и никем не ограниченного деспотизма Николая I и его окружения, убила поэта, в котором все передовые люди России видели преемника Пушкина.

В классическом труде А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России» приведен подробный мартиролог — перечень погибших в николаевскую эпоху русских поэтов и писателей. Третья и пятая строчки в этом документе — пушкинская и лермонтовская. Герцен пишет:

«Пушкин убит на дуэли, тридцати восьми лет».

¹ Висковатый П. А., с. 418—419.

² М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 233.

³ Там же, с. 369—370.

«Лермонтов убит на дуэли, тридцати лет, на Кавказе»¹.

Скупые слова составленного Герценом мартиролога составляют задуматься над тем, как много схожего было в пушкинской судьбе и в лермонтовской.

Приведем еще несколько свидетельств современников Лермонтова, знавших обстоятельства его гибели. Сослуживец поэта по Гродненскому гусарскому полку А. И. Арнольди летом 1841 года находился в Пятигорске. «Сам не понимаю,— писал он позднее,— как не попал я в эту историю, быв так близок со всеми этими лицами и вращаясь постоянно в их кругу...» Он признавался, что «ничего не знал о ссоре Мартынова с Лермонтовым», что долго потом считал их дуэль «шуточной», ибо все его приятели полагали, что «она кончится шуткой, и что Мартынов, не пользовавшийся репутацией храброго, струсит и противники помирятся».

«Только шуточная дуэль,— писал далее Арнольди,— могла заставить всю эту молодежь не подумать о медике и экипаже, хотя бы для обстановки...»².

Какие улики, сам о том не подозревая, сообщил Арнольди! Давно и хладнокровно подготавливаемое убийство поэта выдавали за «шуточную дуэль». Не позаботились о том, чтобы в случае ранения одного из дуэлянтов ему была оказана немедленная медицинская помощь. Не позаботились об экипаже, в котором можно было бы доставить раненого в город (дуэль происходила в четырех верстах от Пятигорска, у подножия горы Машук). Все это было излишне для тех, кто затеял дуэль, им было заранее известно, что раненых не будет... А что же должно было быть? Чем она могла и должна была закончиться?

«Шуточная дуэль» проводилась на чудовищно жесточайших условиях. Вот что показал Мартынов: «Условия дуэли были: 1-е. Каждый имеет право стрелять, когда ему угодно... 2-е. Осечки должны были считаться за выстрелы. 3-е. После первого промаха... противник имел право вызвать выстрелившего на барьер. 4-е. Более трех выстрелов с каждой стороны не было допущено...» Прочитав эту запись до того, как она попала следователям, секундант Глебов предложил в записке Мартынову: «Теперь покамест не упоминай о условии 3 выстрелов; если же позже будет о

¹ Герцен А. И., т. 7, с. 208.

² М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 225.

том именно запрос, тогда делать нечего: надо будет сказать всю правду». Это предупреждение убийце поэта не понадобилось. «Запроса» не последовало, и Мартынов «всей правды» не сказал: смертельные условия дуэли (право каждого на три выстрела с вызовом отстрелявшегося на барьер!) были от следствия скрыты. Есть основания сомневаться, что расстояние между барьерами было 15 шагов: Васильчиков позже говорил о 10!»¹

Трех выстрелов Мартынову не потребовалось. «...Я первый пришел на барьер,— заявил он следственной комиссии,— ждал несколько времени выстрела Лермонтова, потом спустил курок...»

В руках дуэлянтов были дальнобойные крупнокалиберные пистолеты системы Кухенройтера с кремневоударными запалами и нарезным стволом. Владелец пистолетов был А. А. Столыпин (Монго) — один из секундантов и, еще раз напомним, родственник Лермонтова. Мартынов прицелился и с первого же выстрела убил Лермонтова наповал. Как и во время дуэли с Барантом, Лермонтов выстрелил бы в воздух.

Допросивший первым секундантов Глебова и Васильчикова, начальник Штаба командующего войсками Кавказской армии полковник А. С. Траскин отметил в своем рапорте: «Лермонтов сказал, что он не будет стрелять и станет ждать выстрела Мартынова»².

Много лет спустя А. И. Васильчиков так описал этот момент дуэли: «Мартынов быстрыми шагами подошел к барьеру и выстрелил. Лермонтов упал, как будто его скосило на месте, не сделав движения ни взад, ни вперед, не успев даже захватить большое место, как это обыкновенно делают люди раненные или ушибленные. Мы побежали. В правом боку дымилась рана, в левом — сочилась кровь, пуля пробила сердце и легкие»³.

Другой очевидец этой драмы рассказывает, что Мартынов сделал несколько шагов к расprostертому на земле Лермонтову, но его остановил А. А. Столыпин словами: «Allez vous en, votre affaire est faite»⁴.

Да, страшное, черное, преступное «дело» было сделано.

¹ Лермонтовская энциклопедия, с. 152.

² Там же.

³ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 368.

⁴ «Уходите, вы сделали свое дело» (франц.).— Там же, с. 225.

Все его участники, оставив у тела убитого одного из секундантов, кинулись в город, напуганные и тем, что произошло, и страшной грозой, грохотавшей над Машуком, и проливным дождем.

Провинциальные священники отказывались отпевать Лермонтова. Пришлось прибегнуть к помощи Следственной комиссии, определившей, что «приключившаяся Лермонтову смерть не должна быть причтена к самоубийству», что поэт может быть похоронен «так точно, как в подобном случае камер-юнкер Александр Сергеев Пушкин отпет был в церкви конюшень Императорского двора в присутствии всего города»¹.

Однако церковники настояли на своем: усопшего не отпевали и гроб в церковь внести не разрешили.

Это не помешало жителям всего города участвовать в похоронах трагически погибшего поэта. «На другой день, — пишет декабрист Н. И. Лорер, друживший с поэтом, — были похороны при стечении всего Пятигорска. Представители всех полков, в которых Лермонтов волею и неволею служил в продолжение своей короткой жизни, напались, чтоб почтить последнюю почестью поэта и товарища (...). На плечах наших вынесли мы гроб из дому и донесли до уединенной могилы кладбища на покатоности Машука (...). Печально опустили мы гроб в могилу, бросили со слезою на глазах горсть земли, и все было кончено»².

Соученик Лермонтова по Благородному пансиону при Московском университете Н. И. Туровский был свидетелем прощания с ним жителей Пятигорска. В книге воспоминаний он писал, что с кончиной «лучшего поэта» России «глубокий траур накинута на литературу русскую, если не европейскую». И о похоронах Лермонтова: «Офицеры несли прах любимого ими товарища до могилы, а слезы множества сопровождавших выразили потерю общую, незаменимую»³.

Жена А. П. Шан-Гирея, Эмилия Александровна, вспоминала: «Гроб несли товарищи; народу было много, и все шли за гробом в каком-то благоговейном молчании. Это меня поражало: ведь не все же его знали и не все любили! Так было тихо, что только слышен был шорох

¹ Лермонтовская энциклопедия, с. 153.

² М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 332.

³ Лермонтовская энциклопедия, с. 153, 584.

сухой травы под ногами»¹. Автору этих воспоминаний было хорошо известно, что «не все любили» поэта в кругу светской молодежи, которой и в голову не могло прийти, что слава Лермонтова уже далеко вышла за пятигорские пределы.

Как развивались события, вызванные дуэлью? Мартынов и двое из четырех секундантов, объявивших о своем участии в ней, были арестованы. Комендант города полковник В. И. Ильяшенков назначил Следственную комиссию. Проведя свою работу, комиссия передала дело о дуэли в гражданский суд.

Узнав об этом, Николай I приказал передать его военному суду «с тем, чтобы судное дело было окончено немедленно и представлено на конфирмацию (утверждение)». И уже 30 сентября 1841 года военный суд вынес приговор, который был послан в Петербург на утверждение. И вот какое решение было принято царем: «Майора Мартынова посадить в Киевскую крепость на гауптвахту на три месяца и предать церковному покаянию. Титулярного же советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной тяжелой раны».

Приведя этот текст, авторы статьи о дуэлях Лермонтова справедливо возмутились: «Тягчайшее преступление против русской культуры осталось по существу безнаказанным»².

Познакомившись с решением Николая I о «наказании» виновника гибели Лермонтова и не предотвративших ее секундантов, невольно начинаешь верить, что, когда царю донесли об убийстве поэта на дуэли, он не смог скрыть своей радости и у него «вырвалось»: «Собаке — собачья смерть». И еще: «Туда ему и дорога»³.

Может быть, до Герцена и не дошли слухи об этой царской «радости», но он не сомневался, что ничего другого Николай I о гибели великого поэта не скажет. 28 июля 1842 года Герцен записал в дневнике: «Да и в самой жизни у нас так, все выходящее из обыкновенного порядка гибнет — Пушкин, Лермонтов впереди, а потом

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 344.

² Лермонтовская энциклопедия, с. 154.

³ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 227, 264, 333, 468, 481.

от А до Z многое множество, оттого, что они не дома в мире мертвых душ»¹.

Гибель Лермонтова на дуэли произвела тягчайшее впечатление на Белинского. В августе 1841 года вышло второе издание романа «Герой нашего времени». Приветствуя его появление, критик писал: «Мы встречаем новое издание «Героя нашего времени» горькими слезами о невозвратимой утрате, которую понесла осиротелая русская литература в лице Лермонтова!..»²

3 августа 1841 года Белинский писал из Петербурга в Москву врачу и литератору Н. Х. Кетчеру, с которым тогда дружил: «Вот тебе несколько новостей: Лермонтов убит наповал — на дуэли. Оно и хорошо: был человек беспокойный и писал хоть хорошо, но безнравственно, — что ясно доказано Шевыревым и Бурачком. Взамен этой потери Булгарин все молодеет и здоровеет (...), ругает Пушкина печатно...»³.

Советские лермонтоведы «все более единодушно склоняются к мнению, что глубинной причиной крайнего ожесточения Мартынова было его неуравновешенное психическое состояние, вызванное крахом военной карьеры (в февр. 1841 г. он вынужден был выйти в отставку), обострившее характерные для него ипохондрию, самовлюбленность, постоянную потребность ограниченного человека в самоутверждении, озлобление и зависть ко всем, в ком он видел соперников»⁴.

О гибели Лермонтова сожалели не только прогрессивно настроенные люди, но и те, чьи взгляды никак нельзя признать передовыми. Однако и они понимали, как велика была вина лиц, погубивших поэта.

Участник Отечественной войны 1812 года, впоследствии командовавший Отдельным Кавказским корпусом, после разгрома декабристов попавший за связи с ними в опалу, знаменитый генерал А. П. Ермолов так откликнулся на гибель Лермонтова: «Уж я бы не спустил этому Мартынову. Если бы я был на Кавказе, я бы спровадил его; там есть такие «дела», что можно послать, да, выпуши часы, считать, через сколько времени посланного не будет в живых. И было бы законным порядком. Уж

¹ Герцен А. И., т. 2, с. 221.

² Белинский В. Г., т. 5, с. 452.

³ Там же, т. 12, с. 61.

⁴ Лермонтовская энциклопедия, с. 151.

у меня бы он не отделался. Можно позволить убить всякого другого человека, будь он вельможа и знатный; таких завтра будет много, а этих людей (т. е. таких, как Лермонтов.— К. Л.) не скоро дождешься»¹.

Узнав о том, что Лермонтов убит на дуэли, друг Пушкина, князь П. А. Вяземский писал: «Мы все под грустным впечатлением известия о смерти бедного Лермонтова. Большая потеря для нашей словесности. Он уже многое исполнил, а еще более обещал. В нашу поэзию стреляют удачнее, нежели в Людвига-Филиппа. Второй раз не дают промаха»².

Получив письмо от московского почт-директора, сенатора А. Я. Булгакова, сообщившего подробности дуэли («Мартынов подошел к самому Лермонтову, выстрелил ему à bontt portau³, прямо в сердце»), Вяземский добавил в ответном письме: «Да, сердечно жаль Лермонтова, особенно узнавши, что он был так бесчеловечно убит»⁴.

О гибели Лермонтова на дуэли цензура не разрешала не только писать, но и упоминать в печати, как нельзя было этого делать и о гибели Пушкина.

Но Белинский находил способы для того, чтобы выразить свою скорбь, вызванную их утратой. Вот, например, как начинается его рецензия на первую книгу стихотворений Аполлона Майкова, увидевшую свет в начале 1842 года: «Даровита земля русская: почва ее не оскудевает талантами... Лишь только ожесточенное тяжкими утратами или оскорбленное несбывшимися надеждами сердце ваше готово увлечься порывом отчаяния,— как вдруг новое явление привлекает к себе ваше внимание, возбуждает в вас робкую и трепетную надежду... Замечает ли оно то, утрата чего была для вас утратою как будто части вашего бытия, вашего сердца, вашего счастья: это другой вопрос,— и только будущее может решить его...»⁵.

Читателям, жадно ловившим каждое слово великого критика, не надо было «подсказывать», кого он оплакивает так горестно, так печально. Все знали, как велика была

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 420.

² Там же, с. 361.— Вяземский говорит о неудачных покушениях на короля Франции Луи-Филиппа.

³ В упор (*франц.*).— Там же, с. 360.

⁴ Там же, с. 361

⁵ Белинский В. Г., т. 5, с. 7.

его любовь к Лермонтову и какие надежды связывал он с именем поэта...

В короткой рецензии на второе издание «Героя нашего времени» Белинский сообщил читателям о планах задуманных Лермонтовым произведений, услышанных им от самого поэта: «Уже затевал он в уме, утомленном суетою жизни, создания зрелые; он сам говорил нам, что замыслил написать романтическую трилогию, три романа из трех эпох жизни русского общества (века Екатерины II, Александра I и настоящего времени), имеющие между собою связь и некоторое единство...»¹

Свидетельство Белинского о новых творческих замыслах Лермонтова подтверждает сотоварищ поэта по Юнкерской школе А. Меринский — один из немногих друзей, кому поэт доверял свои тайны. «Раз, в откровенном разговоре со мной,— пишет А. Меринский,— он мне рассказал план романа, который задумал писать прозой и три главы которого были тогда уже им написаны. Роман этот был из времен Екатерины II, основанный на истинном происшествии, по рассказам его бабушки. Не помню хорошо всего сюжета, помню только, что какой-то нищий играл значительную роль в этом романе; в нем также описывалась первая любовь, не вполне разделенная, и встреча одного из лиц романа с женщиной с сильным характером, что раз случилось и с самим поэтом в его ранней юности, как он сам о том рассказывал и о чем, кажется, намекает в одном месте записок Печорина»².

Горе Белинского было особенно велико потому, что лишь четыре с небольшим года отделяли гибель Лермонтова от гибели Пушкина. «Наследник Пушкина», которому предстояло утвердить своим творчеством новый, уже послепушкинский период развития не только поэзии, но и всей русской литературы, был остановлен злодейской рукой в тот самый момент, когда он только начинал решение своих великих исторических задач.

«Как вдруг,— продолжает свою статью о Лермонтове Белинский,—

¹ Белинский В. Г., т. 5, с. 455.

² М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 133.— Автор говорит о незаконченном романе «Вадим», впервые опубликованном в «Вестнике Европы» в 1873 г. (№ 10) под названием «Юношеская повесть».

*Младой певец
Нашел безвременный конец!
Дохнула буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре!
Потух огонь на алтаре!»¹*

В той же статье Белинский говорит о «великом переломе» во взглядах и во всей жизни Лермонтова и заключает: «Но увы! этой жизни суждено было проблеснуть блестящим метеором, оставить после себя длинную струю света и благоухания и — исчезнуть во всей красе своей...»²

Вот так, обходя цензурный запрет, Белинский попрощался с Лермонтовым на страницах журнала «Отечественные записки».

Друг и соратник А. И. Герцена, поэт Н. П. Огарев выразил свои чувства по поводу тяжелой утраты в стихотворении «На смерть Лермонтова»:

*Еще дуэль! Еще поэт
С свинцом в груди сошел с ристанья,
Уста сомкнулись, песен нет,
Все смолкло... Страшное молчанье!
Тут тишегн дружеский привет.
Все смолкло грусть, вражда, страданье,
Любовь, все, чем душа жила...»³*

Известная поэтесса Е. П. Ростопчина, с которой Лермонтов был дружен в последние годы жизни, откликнулась на его гибель стихотворением «Нашим будущим поэтам». В нем есть строки, звучащие как мартиролог русских поэтов:

*Не просто, не в тиши, не мирною кончиной,
Но преждевременно, противника рукой
Поэты русские свершают жребий свой,
Не кончив песни лебединой!»⁴*

Е. П. Ростопчина не осмелилась ни назвать имена русских поэтов, обреченных на преждевременную кончи-

¹ Белинский В. Г., т. 5, с. 455. — Строки из «Евгения Онегина» (гл. 6, строфа XXXI).

² Белинский В. Г., т. 5, с. 453.

³ Огарев Н. П. Избранное. М., 1977, с. 59.

⁴ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, с. 491.

ну, ни указать тех; кто их губит. Это сделал А. И. Герцен в своей известной работе «О развитии революционных идей в России». В четвертой главе книги названы имена поэтов и писателей, погубленных деспотическим строем.

«Ужасный, скорбный удел, — писал Герцен, — уготован у нас всякому, кто осмелится поднять свою голову выше уровня, начертанного императорским скипетром; будь то поэт, гражданин, мыслитель — всех их толкает в могилу неумолимый рок»¹.

Герцен верил, что наступит время, когда судьбу страны возьмет в свои руки русский народ, которому «нечего бояться, ибо ничем уже не ухудшить несчастной его судьбы»².

Верил в это и Лермонтов, чье «Предсказание» начинается словами:

*Настанет год. России черный год,
Когда царей корона упадет...*

Понимая, что свержение царской власти произойдет не скоро, Лермонтов сделал приписку на автографе «Предсказания»: «Это мечта».

Безвременная и насильственная гибель Лермонтова вызвала множество откликов, из которых мы имели возможность привести лишь малую часть. Тяжелее всех пережила весть о его кончине бабушка поэта — Елизавета Алексеевна Арсеньева. Скорбная весть дошла до нее в Петербурге, куда она приехала хлопотать об отставке внука от военной службы.

Горе ее было безмерно. Вернувшись из столицы в Тарханы, она слегла: ноги ее отказали. Рассказывают, что при ней нельзя было произносить не только имя внука, но и какого бы то ни было поэта.

Последнее, что Елизавета Алексеевна смогла сделать для бесконечно любимого внука — это добиться разрешения на перевоз его тела из Пятигорска в Тарханы. Она скончалась четыре года спустя после гибели Лермонтова и была похоронена в фамильной часовне Арсеньевых, где покоятся ее муж, дочь и внук.

¹ Герцен А. И., т. 7, с. 209.

² Там же.



ЗАКЛЮЧЕНИЕ



бразы, созданные фантазией великого поэта, обладают поистине колдовской, завораживающей силой. Велика их власть над умами и сердцами людей. И простирается она на века.

Лермонтовская поэма «Демон» еще не была напечатана, а уже в тысячах списков разошлась по России и завладела мыслями и чувствами читателей. Современники Белинского рассказывали, что он никогда не расставался со списком запрещенной лермонтовской поэмы. А сам Белинский писал друзьям: «Демон сделался фактом моей жизни, я твержу его другим, твержу себе, в нем для меня — миры истин, чувств, красот. Я его столько раз читал — и с л у ш а т е л и были довольны»¹.

Полвека спустя юный Алексей Пешков — будущий писатель М. Горький — в иконописной мастерской читал «Демона» вслух «богомазам». Событие это он описал в повести «В людях».

«Однажды, — рассказывает Горький, — пожарный брандмейстер дал мне том Лермонтова, и вот я почувствовал силу поэзии, ее могучее влияние на людей... Поэма

¹ Белинский В. Г., т. 12, с. 86.

волновала меня мучительно и сладко, у меня срывался голос, я плохо видел строки стихов, слезы навертывались на глаза. Но еще более волновало глухое осторожное движение в мастерской, вся она тяжело ворочалась, и точно магнит тянул людей ко мне. Когда я кончил первую часть, почти все стояли вокруг стола, тесно, прислонившись друг к другу, обнявшись, хмурясь и улыбаясь».

Дальше Горький говорит о тех бунтарских мыслях и чувствах, которые возбудила у его слушателей поэма, и как иконописцы просили его понадежнее спрятать книгу от начальства: «Она, конечно, запрещенная!»¹

Прошло еще полвека. И другой советский писатель показал нам новых читателей лермонтовской поэмы. В романе А. Фадеева «Молодая гвардия» есть сцена: приговоренные к смерти молодогвардейцы слушают свою подругу Ульяну Громову, по памяти читающую «Демона».

«И странное дело,— говорит писатель...— То, что Уля читала... мгновенно приобрело живое, жизненное значение. Словно та жизнь, на которую девушки были теперь обречены, вступала в непримиримое противоречие со всем прекрасным, созданным в мире, независимо от характера и времени создания. И то, что в поэме говорило как бы и за Демона и как бы против него,— все это в равной степени подходило к тому, что испытывали девушки, и в равной мере трогало их»².

Белинский с его друзьями, молодой Горький с его «богомазами» из иконописной мастерской и героические наши современники молодогвардейцы — люди разных эпох и судеб. Но всем им оказался близким и нужным лермонтовский мятежный Демон с его отрицанием такого строя жизни,

*Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только жить;
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.*

В торжественном строе этой поэмы нашла высокое выражение излюбленная лермонтовская идея свободы как наивысшего счастья, к которому должен стремиться человек.

¹ Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т., т. 13. М., 1951, с. 417—419.

² Фадеев А. Собр. соч.: В 5-ти т., т. 2. М., 1959, с. 268—269.

Старшее и среднее поколения советских людей хорошо помнят суровые дни поздней осени и зимы 1941 года, когда вражеские войска рвались к Москве. В эти дни на газетных полосах и плакатах появились словно только что написанные строки из стихотворения Лермонтова «Бородино»:

*«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.*

Может быть, никогда прежде ни один из поэтов-классиков не становился так душевно близок и дорог людям, готовившимся сдержать клятву верности и ценою своей жизни спасти столицу и Родину.

Лермонтов близок нашему времени не только в тех произведениях, где он выступает певцом свободы и по-этом-патриотом. Нам бесконечно дороги и его лирические стихи, в которых дивная художественная форма сливается с высоким строем мыслей. В борьбе за воспитание гармоничного человека, которую ведет наше общество, очень дорога лермонтовская лирика, утверждающая красоту жизни, любовь к ней, зовущая к действию, к борьбе за торжество добра и правды¹.

Как истинный художник Лермонтов неутомимо и непрестанно искал новые формы и средства поэтического выражения. Его творческая деятельность была прервана в зените расцвета. Он унес с собою недопетые песни, неосуществленные замыслы новых поэм, романов и драматических произведений.

Вслед за Белинским о своей горячей любви к безвременно погибшему поэту писали Чернышевский, Добролюбов, Некрасов. В дневнике молодого Чернышевского мы находим такое признание: «...Гоголь и Лермонтов кажутся недосягаемыми, великими, за которых я готов отдать

¹ Лермонтов сегодня один из самых читаемых в нашей стране поэтов. Летом 1988 года газеты сообщили об успехе безлимитной (т. е. без ограничений) подписки на сочинения Пушкина, Лермонтова, Маяковского. На новые издания произведений Лермонтова подписалось 15 миллионов 600 тысяч человек («Вечерняя Москва», 15 июня 1988 г.).

жизнь и честь»¹. Юноша Н. А. Добролюбов писал в дневнике: «Поэзия Лермонтова особенно по душе мне. Мне не только нравятся его стихотворения, но я сочувствую ему, я разделяю его убеждения. Мне кажется иногда, что я сам мог бы сказать то же, хоть и не так же, но так же сильно верно и изящно. Не много есть стихотворений у Лермонтова, которых бы я не захотел прочитать десять раз сряду, не теряя притом силы первоначального впечатления. «Героя нашего времени» прочел я теперь в третий раз, и мне кажется, что чем более я читаю его, тем лучше понимаю Печорина и красоты романа»².

Н. А. Некрасов относил Лермонтова наряду с Пушкиным к «светилам русской поэзии, из которых каждый светит своим собственным светом, не заимствуя ничего у другого». Закljučая характеристику великих поэтов, Некрасов говорит: «И нет человека на Руси, сколько-нибудь читающего, который не знал бы их. Их стихотворения много раз прочитаны»³.

Высоко ценили творчество Лермонтова Лев Толстой, Салтыков-Щедрин и другие великие русские писатели.

Творчество поэта-мятежника находило признание в среде деятелей нашей революции.

Н. К. Крупская рассказывала о том, что она «очень любила Лермонтова начиная лет с 13-ти. Особенно мне нравились «Мцыри» и «Демон». Я их знала наизусть. Почему мне так нравился Лермонтов не знаю... Владимир Ильич также любил Лермонтова, но тоже как-то «стихийно». Привлекала нас в молодости, должно быть, смелость и сила чувства, которые так ярки у Лермонтова»⁴.

По свойственной ей скромности, Н. К. Крупская говорит, что она не могла объяснить, чем нравились ей и Владимиру Ильичу Ленину лермонтовские стихи и поэмы. Но тут же она дала превосходное объяснение: смелостью мысли, силой чувств привлекала поэзия Лермонтова борцов революции.

Огромное влияние оказал Лермонтов на советскую по-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., в 16-ти т., М., 1939, т. 1, с. 66.

² Добролюбов Н. А. Собр. соч. В 9-ти т. М., 1964, т. 8, с. 402—403.

³ Некрасов Н. А. Соч. Ред. К. И. Чуковского. М., 1954, т. 3, с. 360.

⁴ См. Николаева М. Ф. М. Ю. Лермонтов. М., 1956, с. 290.

эзию. О любви к нему писали поэты всех поколений: от Блока и Маяковского до тех, кто живет и творит в наши дни. Из их стихотворений, посвященных Лермонтову, дважды составлялись сборники, каждый под названием «Венок Лермонтову» — один вышел в Ставрополе (1976), а другой — в Саратове (1979).

О том, как великий русский поэт входил в многонациональную культуру нашей страны, повествует книга «Лермонтов и литература народов Советского Союза» (1974).

О могучем лермонтовском воздействии на их творчество писали поэты Николай Тихонов и Александр Твардовский, Павел Антокольский и Александр Прокофьев, Леонид Мартынов и Константин Симонов, Ярослав Смеляков и Василий Федоров, Владимир Сосюра и Георгий Леонидзе, Мустай Карим и Расул Гамзатов, Петрусь Бровка и многие-многие другие известные советские поэты.

Все они разные, у каждого своя главная тема, свой почерк и свое представление о Лермонтове. Но каждый из них видит в нем очень близкого себе художника.

Что же больше всего привлекало и привлекает в лермонтовском наследии поэтов нашего времени?

В книге «Лирика Лермонтова. Заметки поэта» Сергей Наровчатов пишет: «В мою жизнь лермонтовские стихи вошли с детства. Свободно и легко я подчинился волнистому ритму «Русалки», тихим строкам «Ангела», манящей тревожности «Паруса» (...). Позже, в часы раздумчивого горя, выпадающего в той или иной мере на долю каждого человека, я повторял либо строки «Сна», либо «Благодарности», либо — бог знает из каких еще стихов, все они мне близки. Так, в годы войны с неожиданной яркостью вспомнилось не только «Бородино», но и горькая исповедь умирающего офицера («Завещание»)»¹.

Как видим, в разные периоды жизни Лермонтов воспринимался выдающимся представителем нашей «фронтной поэзии» неодинаково, но он всегда был нужен Наровчатову, как и его сверстникам, всегда был рядом и, как это ни неожиданно звучит, находился с ними «в одном строю».

«Если «Парус», — говорит о своем поколении поэтов С. Наровчатов, — был символом нашей тревожной юности,

¹ Наровчатов С. Лирика Лермонтова. Заметки поэта. Изд. 2-е. М., 1970, с. 5.

то строки «Бородина» стали однозвучными с горько-горделивыми словами людей, сызнова защищавших Москву. Потом, в «Песне про... купца Калашникова» мы находили ответ на мучивший нас вопрос о достоинстве человека перед лицом истории. «Валерик» ставил нас перед проблемой войны, которую до сих пор решает весь мир. А в его лирике каждый из нас постигал «цель упований и страстей»¹.

В статье о Лермонтове, написанной более двадцати лет назад, С. Наровчатов предсказывал, что с годами вопросы о судьбах народов, о судьбах планеты, всего человечества, поставленные великим русским поэтом, будут приобретать все большее значение. Словами из лермонтовского «Валерика» («Под небом места много всем...»), мечтал Наровчатов, «может когда-нибудь открыться декларация всечеловеческого братства». В «Валерике» в упор поставлен вопрос «Зачем?» — о войнах, о вражде между народами. «Лермонтовское «зачем?», — заключает Наровчатов, — приобретает сейчас действительную силу в противоборстве мира и войны. И можно лишь гордиться тем, что на этот великий вопрос решился ответить именно тот народ, что устами своего поэта задал его миру»².

Многогранны и удивительно органичны связи Лермонтова с нашей современностью. Покорители космоса видят в нем своего, «космического» поэта. Герман Степанович Титов, вскоре после Ю. А. Гагарина поднявшийся в космос, в полете вспомнил лермонтовские строки: «И звезда с звездой говорит». Космонавт Павел Романович Попович, отправляясь в космические дали, взял с собою томик лермонтовских стихотворений. А позднее эта книга с автографами П. Поповича и Г. Титова, как драгоценный дар, была передана музею Лермонтова.

У космонавтов есть свои, особые основания для любви к автору «Демона». Не только эта великая поэма, а и многие из стихотворений Лермонтова связаны с «небесной» тематикой: «Звезда» («Светись, светись, далекая звезда...»), «Желание» («Зачем я не птица, не ворон степной...»), «К деве небесной», «Небо и звезды» и другие.

В большой группе лермонтовских произведений, по-

¹ Наровчатов С. Лирика Лермонтова. Заметки поэта. Изд. 2-е. М., 1970, с. 5—6.

² Наровчатов С. Свет резкий и прямой. — Литературная газета, 15 октября 1964 г., с. 3.

священных этой тематике, выделяется стихотворение «Мой дом», написанное в начале 30-х годов. Его можно назвать своего рода программным произведением, определившим масштабы и мотивы привязанности поэта к космосу, хотя у него в стихах и нет (хочется сказать: еще нет!) этого термина.

Каковы же были масштабы, которыми измерял поэт свои связи с космическим пространством?

*Мой дом везде, где есть небесный свод,
Где только слышны звуки песен,
Всё, в чем есть искра жизни, в нем живет,
Но для поэта он не тесен.
До самых звезд он кровлей достигает,
И от одной стены к другой
Далекий путь, который измеряет
Жилец не взором, но душой.*

В сердце человека, говорит поэт, «есть чувство правды». В нем заключено «святое вечности зерно»:

*Пространство без границ, течение века
Объемлет в краткий миг оно.*

Вселенную, мироздание человек, обладающий «чувством правды», воспринимает как свой «всемогущий прекрасный дом».

Самое поразительное, что в этом стихотворении Лермонтова нет и тени того «демонического» начала, которое присутствует в других его произведениях, связанных с космической темой.

Еще более поразительно, что в творчестве Лермонтова поставлен вопрос, который сегодня приобрел характер не столько философско-эстетический, как в его время, сколько трагически-апокалипсический: быть или не быть роду человеческому, уцелеет ли что-нибудь живое на нашей планете или вся она сгорит в пламени «звездных войн»?

И никогда еще не звучали так злободневно, так своевременно лермонтовские стихи в защиту Земли — нашего драгоценного «корабля», управлять которым должны научиться люди, если они не хотят превратить себя и все живое в прах и пепел. словно бы заглядывая в наше бурное, клокочущее, тревожное время, написал Лермонтов стихотворение «Земля и небо», в котором поставил «роковой» вопрос и дал на него единственно верный ответ:

*Как землю нам больше небес не любить?
Нам небесное счастье темно;
Хоть счастье земное и меньше в сто раз,
Но мы знаем, какое оно.*

Вот он — подлинный Лермонтов: пророчески мудрый и бесконечно талантливый! И как тут не вспомнить обращенные к молодому поколению нашей страны слова А. В. Луначарского: «Наша молодежь должна знать подлинного Лермонтова и должна чтить его, ибо он ее родной старший брат; он всю жизнь был молод, но молодость его кипела страстью, протестом и тоской»¹.

Напомним, что статья Луначарского, из которой приведены эти слова, названа «Лермонтов — революционер» и, как говорит ее автор, обращена им к революционной молодежи нашей страны.

А. В. Луначарскому удалось обозначить то, что Белинский назвал «лермонтовским элементом» — мятежную, грозную и вместе с тем светоносную атмосферу поэзии Лермонтова, — и сказать, кому она сегодня принадлежит.

Лермонтов, о котором Белинский говорил, что «он поэт русский в душе — в нем живет прошедшее и настоящее русской жизни», принадлежит не только России, но и всему человечеству. И тот же Белинский был глубоко убежден в том, что Лермонтов понятен и доступен всем, каждому из людей. «...Невольно удивляешься, — писал критик, — как все в нем просто, легко, обыкновенно и в то же время так проникнуто жизнью, мыслью, так широко, глубоко, возвышенно... Что же еще он сделал бы? какие поэтические тайны унес он с собою в могилу? кто разгадает их?...»²

А вот на эти вопросы нет, к сожалению великому, и не будет ответов. Но жизнь ответила на главный вопрос, который остро интересовал современников Лермонтова: как долго будет жить его наследие? И ответила так: оно будет жить вечно!

¹ Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1963, т. 1, с. 102.

² Белинский В. Г., т. 8, с. 117.



ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	15
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	23
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	37
ГЛАВА ПЯТАЯ	50
ГЛАВА ШЕСТАЯ	69
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	86
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	103
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	119
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	133
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	168

Литературно-художественное издание

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ломунов Константин Николаевич

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

Очерк жизни и творчества

Ответственный редактор *Г. И. Гусева*
Художественный редактор *Е. М. Ларская*
Технический редактор *Л. С. Стёпина*
Корректор *А. В. Паришева*

ИБ № 8535

Сдано в набор 21.03.89. Подписано к печати 20.09.89. А07930. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр.-отт. 14,07. Уч.-изд. л. 9,54+16 вкл.=10,73. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1842. Цена 75 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Госкомиздата РСФСР. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»







Издательство
«Детская литература»

